
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ПРОЗА

Петр ПРОСКУРИН. В час искушения. Рассказ	3
Сергей ЩЕРБАКОВ. Кедри Ливанстии. Рассказ	17
Марат КАЛАНДАРОВ. Ночь с волчицей. Документальная повесть	34
Александр МАЛИНОВСКИЙ. Встречный ветер. Повесть. Окончание	141

ПОЭЗИЯ

Владимир ШУВАЕВ. Эта вечная даль. Стихи	60
Константин КОЛЕДИН. Кольцо перемен. Стихи	64
Борис ШАЛЬНЕВ. Светел круг. Стихи	67
Владимир МОЛЧАНОВ. Белая дорога. Стихи	69
Раиса РОМАНОВА. Российская бездна. Стихи	73

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому лидерству. Продолжение	76
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему антихристу. Продолжение	109
Михаил ЛЕМЕШЕВ. Русский язык — сама Россия	126

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Александр ШЕВЧЕНКО. **Жизнь во имя Родины** 195

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валерий ХАТЮШИН. **Несостоявшееся интервью
с В.А. Крючковым** 219

ИСКУССТВО

Марк ЛЮБОМУДРОВ. **Русское кино** 222

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Тамара ГОЛОВКИНА. **Спор с чиновником
о толерантности** 229

КРУГ ЧТЕНИЯ

Александр II и его время 236

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Николай КОНЯЕВ. **На стыке тысячелетий** 239
Леонид СЕРГЕЕВ. **Самое большое преступление —
безднаказанность** 257

Петр ПРОСКУРИН

К 80-летию со дня рождения

В ЧАС ИСКУШЕНИЯ

РАССКАЗ

Вдохновение всегда было выше любви и больше смерти, оно копилось неделями, месяцами, иногда десятилетиями или даже всей жизнью, и прорывалось всегда неожиданно проникновением в первичность какой-то жгущей, черной тайны, — он уже давно подобного не испытывал и вспомнил сейчас об этом как-то даже случайно, и неизвестно на кого обиделся.

Мысли, старческие, тягучие, бессильные даже вызвать отвлечение к самому себе, к своей немощи, тоже скользили мимо, и он подумал об этом отстраненно, издалека и уставился на свои, перевитые склеротичными узлами и венами руки, смутно проступавшие на столе, — он шевельнул ими, и опять все было расплывчато и далеко — жизнь прошла. Кому же он служил — себе, Богу, сатане, людям? А что такое люди, что такое человек? Разве кто-нибудь знает? Или он служил русскому народу? А что такое — русский народ, да и вообще, что такое — народ? Еще один век кончается, проходит очередное тысячелетие, а кто считал, кто положил этому глупому счету начало? От русского народа осталась лишь размытая тень, он окон-

ПРОЗА

чательно лишен воли к борьбе и победе. Его вызывающее равнодушие к собственной участи изумляет, и его нельзя больше пробудить, он пребывает в каком-то летаргическом сне и, вероятно, так и растворится в мареве времен, не пробудившись, — так уже исчезли десятки и сотни малых и больших племен и народов. Но кто он такой сам, чтобы судить? Некий Батюнин, написавший несколько сотен никому не нужных картин? Жалкий неудачник, возмнивший себя на смех людям пророком? Человек не должен быть смешным, особенно в старости. Зачем рассуждать о запретном? Народы рождаются, расцветают и вызревают, затем уходят по своим, никому не ведомым законам, и путь их темен и жесток...

И тут художник, ожидавший соседского парнишку, с которым он давно сдружился, стараясь избавиться от своих мыслей, решил выйти из дому, но остался сидеть и лишь поправил роговые очки. Дверь на веранду растворилась, и появился некто в фиолетовом, вернее, в глаза ударило какое-то раздражающее свечение. Батюнин потом не мог вспомнить, почему ему пригрезилось фиолетовое, хотя в момент появления незнакомца он не удивился и не испугался, — так должно было быть. Он лишь слегка прищурился — с незваными зелеными гостями ему уже приходилось встречаться, а вот с таким зловеще вызывающим он сталкивался впервые. «Совсем глаза подводят, — мелькнуло у него в голове. — Такого агрессивного цвета в живой природе не существует...»

Он шевельнулся и услышал вежливый, негромкий и даже приятный голос — спрашивали, можно ли войти, и Батюнину показалось, что этот вкрадчивый голос он уже где-то, и не раз, слышал. Станный гость был в меру плотен, с неуловимо асимметричным лицом, и в его капризных губах таились некое высокомерие и брезгливость. Особенно привлекали глаза незнакомца — холодные, и в то же время цепкие, ничего не упускающие, скользящие, словно проникающие под самую черепную коробку, и Батюнину захотелось подвинуть к себе блокнот и схватить хотя бы взгляд пришедшего и его опущенные уголки губ, выражающие и вселенскую скорбь, и смешную и глупую обиду, словно кто-то заставлял его присутствовать в жизни насильно.

Художник помедлил и, явно удивляя незнакомца, усмехнулся, а затем, не отвечая на вежливое «разрешите представиться», кивнул на кресло неподалеку от себя, и

пришедший молча поблагодарил и сел, свесив узкие, красивые кисти рук с подлокотников. И тут Батюнина охватило странное, даже какое-то пронзительное чувство, он внутренне весь напрягся. К нему словно вернулась горячая, безрассудная молодость, мысли прояснились, и глаза обрели остроту и беспощадность.

— Нет, нет, ничего плохого у нас, Михаил Степанович, не будет, — неожиданно мягко и тепло сказал странный гость. — Я огорчен, что являюсь причиной некоторого вашего беспокойства. Что поделаешь, я послан к вам и должен был прийти.

Не опуская глаз, Батюнин ждал.

— Я буду с вами совершенно откровенен, Михаил Степанович, — продолжал гость, несколько выждав. — Я к вам от силы, пришедшей кардинально переделать наш грешный мир по законам разума и гармонии, иначе человечество просто не выживет. Мы уважаем талант и мужество.

Мне поручено передать вам высочайшее предложение, гарантированное абсолютно. Ведь мы реалисты, так ведь, Михаил Степанович?

Опять не говоря ни слова, Батюнин одними глазами подтвердил слова незнакомца, в то же время пытаясь угадать, кого ему послал Бог — своего соотечественника или кого-нибудь из вечных кочевников, не имеющих ни национальности, ни отчизны, но везде являющихся хозяевами и распорядителями.

— Отлично! — обрадовался гость, и глаза его, все время меняющиеся изнутри, тепло вспыхнули. — Отлично! Ну так вот, дорогой и любезный Михаил Степанович, — благостно промурлыкал он, и тут в руках у него оказался небольшой изящный «дипломатик», и он, щелкнув замками, извлек пачку цветных фотографий. — Ну так вот, Михаил Степанович, перед вами Лазурный берег, вот Кипр, Флорида... Выбирайте любую из этих вилл, в любом месте... Если предъявленные райские уголки вам почему-либо не подходят, мы предложим другие по вашему желанию. Здесь все конкретные виллы, на обороте краткая характеристика и план, привязка к местности. Ваше короткое «да», и вы владелец, со всеми вытекающими неукоснительными правами. Кроме того, Михаил Степанович, ваше короткое «да», и вы будете обеспечены по самому высшему разряду... да, да, Михаил Степанович, раз и навсегда. Вы заработали это право всей своей под-

вижнической жизнью, своим ярким, неподкупным талантом — ваш счет в любом банке мира будет по мере расходов непрерывно увеличиваться... это, допустим, уже будничные мелочи...

— Свят, свят, изыди! — сказал Батюнин и перекрестился. — Сказки! За что мне такая благодать? — вторично изумился он, и впервые его брошенный на гостя взгляд приобрел неприятную, проникающую пронзительность действительно глубокого и беспощадного художника, стремящегося постичь тайну природы, и гость почувствовал это, и в его лице появилась скованность, — он инстинктивно защищался, и тогда старый художник совсем успокоился. — Право, кто вы и что вам нужно? Что за загадка? Я весь внимание...

И гость уловил в голосе хозяина легкую иронию и тотчас изобразил обиду.

— Никаких загадок, уважаемый Михаил Степанович! — воскликнул он горячо. — Никто не внакладе! Мы вам достойное вашему гению обеспечение... да, да, сотрите тень раздражения с вашего чела, сами знаете, много званных, да мало избранных! А вы, многоуважаемый Михаил Степанович, отдаете на хранение в надежные руки все вами созданное, понимаете, все! Мы закрепляем наше соглашение юридически, любой ваш штрих заносится в специальную прошнурованную опись... и скоро ваши выставки триумфально шествуют по планете, великие столицы вам рукоплещут!

Тут у Батюнина закружилась голова, лицо гостя поплыло в сторону, размазалось, какой-то треснувший звон донесся до него, и в то же время мучительное, почти убивающее наслаждение оплело сердце, — он едва не задохнулся. В следующий момент в груди отпустило, но в широко открытых глазах неотрывно устремленных на своего необычайно щедрого гостя, еще светилось жгучее наслаждение. «Опоздали, братцы-кролики, — подумал художник. — Да, опоздали, и теперь уже ничего не воротишь и ничего не изменишь, теперь я понимаю, как прав мой сосед, отец Игоря... Кстати, куда же запропастился этот парнишка? А я еще не верил. Я... Стоп...» — «А это ведь мой звездный час, — перескочила его мысль совершенно на другое. — Пик судьбы, высокопарно выразился бы мой прозорливый сосед и оказался бы на высоте, странный и тягостный гость, устроившись в кресле передо мной, не шутит, и, кажется, я догадываюсь о его истинных це-

лях. И пришел он навсегда. Сила, приславшая его и решившая так кардинально переделать мир, естественно, шутить не любит, они лишь только не знают, что я уже ушел и теперь пребываю вне их досягаемости... Жаль, я вынужден их так жестоко разочаровать...»

— Весьма любопытно, молодой человек, — сказал Батюнин. — Какие виллы, какие соглашения? Вы пришли и даже не представились. Что за сила за вами-то? А что, если вы сбежали с какой-нибудь Канатчиковой дачи?

Гость, казалось, был озадачен, хотя и не очень, на его породистое лицо, с большим разлапистым носом, надвинулась тень прозорливой мысли.

— Разумеется, разумеется, Михаил Степанович, — проникновенно заверил он. — Как только мы получим ваше принципиальное согласие, вам тотчас будут явлены подлинные свидетельства нашей добропорядочности и чести. Мы никогда не нарушаем своих обязательств, многоуважаемый Михаил Степанович! — заверил он дополнительно и покосился на полупустой хрустальный графин на столе с лимонной настойкой.

— Допустим, и все же, кто это «мы»? — гнул свое Батюнин, начиная втягиваться в какую-то дикую игру, вернее всего, мистификацию. — Почему выбор пал именно на меня, старого, немощного человека, неудачника? Жизнь проскочила в непризнании, и вот вам — пожалуйста! Какая вам от этого корысть? Да у меня больше ничего за душой и нет, кроме вот еще одного моего изделия, — тут он кивнул на решетку камина. — Все фь-ють! Нет уж... Промотал, пропил...

— Ах, не будем скромничать, — почти трагически воскликнул гость и даже, уронив свой изысканный «дипломатик», всплеснул руками. — Каждый живет своим умом, у нас свой аналитический центр, он никогда не ошибается, как не ошибается сам Господь Бог! О, в вашем взоре, уважаемый Михаил Степанович, появляется нечто ненужное... Хорошо, хорошо! Вот вам мои документы и разрешите представиться: старший юрисконсульт Всемирного Аналитического Центра Корф Геннадий Акилович. Пожалуйста, прошу служебное удостоверение, доверенность Центра на ведение переговоров и на заключение соглашения, даже на выплату аванса в разумных пределах... ну, скажем, до пятисот тысяч долларов... Одно ваше слово, ваш росчерк, и я выдаю вам чек на самый надежный в этой стране банк, еще один ваш росчерк, и ваши деньги

будут переведены в Швейцарию или куда вам будет угодно, и, конечно же, на ваше имя или на кого вам будет угодно, Михаил Степанович. Вы, конечно, представляете сумму?

— А вилла? — ошеломленно поинтересовался Батюнин. — На Лазурном берегу?

— Само собой, — подхватил Корф с готовностью, и в его бесцветных глазах, в самой их глубине пробилась острая искра. — А это просто на карманные расходы, Михаил Степанович...

— Просто! — подхватил Батюнин. — Очень вероятно, что в этой стране, как некоторые сейчас выражаются, даже подобное просто! Ну-ка, ну-ка. — Он придвинул положенные Корфом на стол бумаги и, близко поднося их одну за другой к глазам, стал пристально рассматривать и изучать. Корф же, поудобнее откинувшись на спинку кресла, заслуженно отдыхал и ждал, пока чудаковатый старик окончательно созреет. Сам лично он бы гроша медного не дал за всю мазню этого реалиста в кавычках, но он всегда лишь исполнитель высшей воли, и рассуждать ему не положено, никто, кроме троицы посвященных и сосредоточивших в своих руках высшую справедливость, не знает истинных целей, и он сам, хоть и не совсем рядовой, но тоже только солдат великой армии преобразователей мира, и он, разумеется, выполнит порученное ему дело.

Рассуждая подобным образом, Корф, пока хозяин рассматривал и изучал предоставленные ему документы, бросил несколько беглых, быстрых взглядов на стены вокруг — они были, по сути дела, пусты и голы, лишь несколько миниатюрных пейзажиков в претенциозных рамках лезли в глаза. В давно не чищенных, запыленных углах таился всякий излюбленный художниками хлам, от мраморной головки Афродиты до лаптей и связки сушеных раков, но в то же время проницательному гостю что-то мешало пренебрежительно фыркнуть. Вглядевшись внимательнее и еще не понимая, что же его так озадачило в этих мешанских захоронениях памяти человеческой о былой жизни, он ощутил во всем кажущемся беспорядке вокруг некую неподвластную для его понимания формулу стройности и гармонии — здесь, пожалуй, присутствовала особая философия бытия с момента зарождения жизни и до ее завершения, и на какое-то время Корф ушел в себя, затем с некоторым недоумением покосился

на продолжавшего пыхтеть над непонятными и трудными для него бумагами хозяина. Никакой ясности не приходило, и Корф уставился на каминную старинную бронзовую решетку — в ее рисунке он опять уловил всю ту же, начинавшую его подавлять гармонию, и нечто даже большее, мистическую формулу какой-то тайны. «Ну, этот гениальный, как уверяют, питекантроп еще преподнесет нам сюрпризы, — с неожиданной тревогой подумал он. — Совершенно же другая раса, на перепутье между животным и человеческим сообществом, и мы никогда не поймем ее кодов... Надо подходить к таким проблемам проще и рациональнее».

И затем что-то случилось. Корф, подготовленный для своей деятельности в специальных наглухо закрытых для непосвященных заведениях, явно уловил предостерегающий об опасности сигнал, некий щелчок в потаенных глубинах своего сознания. В первую очередь мелькнула мысль об отсутствии в каталоге художника сведений об этой каминной решетке — этого никак не должно было быть, — вся жизнь и творчество Батюнина были чуть ли не день за днем тщательно описаны и зафиксированы, и решетка, очевидно выполненная по его замыслу и эскизам, как он только что сам в этом признался, никак не могла остаться незамеченной, хотя можно с натяжкой допустить какой-нибудь досадный сбой, случившийся даже в идеально отлаженной машине, какой и являлся Всемирный Аналитический Центр. Другое сейчас озадачило и встревожило Корфа, одного из лучших инспекторов Центра по славянству, а в основном по России, по русскому этносу, и он, продолжая хранить благожелательное и приветливое выражение лица, уже предчувствовал, что вышел на давно затерянный во мгле времен след чего-то значительного, а может быть, исключительного, даже мистического, что даст ему возможность шагнуть по службе на самый верх, в элиту, управляющую миром и его будущим — в его руках могут оказаться реальные знания, дарующие безмерное могущество над жизнью мира и даже над временем. Приказывая себе сдерживаться и не спугнуть добычу раньше срока, он упорно пробивался к сокровенному; сердце мерно и сильно работало — он был уверен в успехе и в своей победе, и сейчас почти любил этого смешного старика, сидевшего перед ним и охваченного природным недоверием, пытавшегося выявить подвох в безукоризненных и ясных бумагах.

И тут Корф, глядя на склоненную к столу голову хозяина, с некоторым удивлением подумал о невероятно густой шевелюре художника — перед ним колыхалась спутанная, видимо, давно не чесанная седая грива с застрявшими в ней кое-где сухими иголками еловой хвои, и Корф еще раз изумился. «Черт знает что! — подумал он с некоторым раздражением. — Недавно бродил по лесу, что ли... Кажется, лысых художников в природе вообще не существует... Кто их видел? Я лично ни разу не встречал...»

И тогда еще один и последний сигнал тревоги заставил его замереть, и глаза его нестерпимо вспыхнули фиолетовым — несомненно, ему повезло натолкнуться на тайные, мистические символы древнейших праславян, дошедшие каким-то чудодейственным образом до наших дней — и заключающие в себе поистине беспредельные знания творящего космоса, позволяющие якобы повелевать его могучими силами, даже временем и пространством...

«Но этого не может быть! — попытался остановить Корф охватывающее все его существо какое-то сжигающее безумие и торжество. — Это же неполноценная, сорная раса, неспособная даже к собственной государственности и только что на последних своих президентских выборах окончательно подписавшая свой смертный приговор. Они выбрали во главу государства назначенного им со стороны палача. О каких тайных праславянских знаниях, якобы передающихся из рода в род самыми призванными представителями этого народа, призванными даже вроде бы самим космосом, может идти речь? Такого не бывает, не может быть в самой природе! Ничтожество и гений, могущество богов рядом с нищетой и разложением? Не сходи с ума, ты можешь невзначай вляпаться в самую дурацкую историю... Какая-то глупая каминная решетка... Перестань... встряхнись и приди в себя — этого не может быть, потому что не бывает...»

И однако он знал, что самой судьбой ему выпало на долю невероятное — встать на порог бессмертия, а может быть, и перешагнуть его, и сколько он ни приказывал себе не смотреть в сторону камина, чтобы как-нибудь не насторожить хозяина, он не мог оторваться от странного, затягивающего, живого ритма рисунка в бронзе — еще немного, и он уже был вовлечен в колдовское, неостановимое, солнечное движение и, ужаснувшись, несмотря на все свои попытки, не мог из него вырваться — оно несло

и сжигало его, и от этого его охватывало ни с чем не сравнимое наслаждение исчезновения...

И тогда он не выдержал, страстно и долго закричал и очнулся от своего собственного потрясения. И словно в ответ на его мысли, Батюнин поднял голову, и опять его вбирающий взгляд заставил Корфа почувствовать себя неуютно и зябко.

— Что же, Михаил Степанович? — спросил он весело, уже как бы заранее определяя положительный ответ хозяина.

— Что же, — тихо и неопределенно повторил старый художник. — Что же... Это, пожалуй, самый невероятный случай в моей жизни. Просто необъяснимый! Человек, давно всеми забытый и даже похороненный, вдруг оказывается кому-то нужен, позарез необходим, да еще по такой цене! Прошу прощения, я в это поверить не могу... Не могу и все!

— Михаил Степанович, дорогой человек...

— Извольте объяснить, кому и зачем понадобилась моя старая мазня? — прервал Батюнин. — Нет, нет, уважаемый Геннадий Акилович, извольте изложить свои мотивы... Я старый и нищий, да, это так, но смеяться над собой я никому не позволю! Кстати, вы пьете водку?

— Да, я пью водку, — неожиданно улыбнулся Корф. — Рюмочку с вами с удовольствием.

— Прекрасно... У меня нечем закусывать, вот только яблоки... немного старого сыру. Должен был уже приехать соседский парнишка, Игорек, привезти провизии... да, я послал его на Арбат, кое-что продать из моих шедевров. Продать или произвести натуральный обмен, а его все почему-то нет... Закусим яблочком, вот нож.

— Яблоки — это великолепно! — опять одобрил невозмутимый Корф, и они выпили; водка показалась гостю чересчур крепкой, и он тотчас изобразил удовольствие и даже восхищение, хозяин же, словно по-прежнему ожидая новых чудес, глядел на него молча и внимательно.

— Признаюсь, Михаил Степанович, я и не ожидал другого, — справившись со спазмами в горле, приветливо сказал Корф. — За объяснением далеко ходить не придется. Человечество зашло в тупик, необходимо отыскать иной путь и иной смысл его движения. Грядет совершенно неведомая новая цивилизация, основанная на иных законах бытия, даже на иных энергетических ипостасях.

Остановить или переменить этого никак нельзя — человек слишком ничтожен перед законами всесильного космоса.

Наша нынешняя цивилизация трагически рухнет, вот и намечен список ученых, художников, философов, чье наследие должно быть сохранено для будущего. Кроме того, нет смысла будоражить людей несбыточными химерами, люди должны быть подготовлены к предстоящей катастрофе и должны воспринять ее спокойно, с достоинством, как суровую неизбежность.

— А-а! — сказал Батюнин и налил из графинчика еще по стопке. — Ну, мотив серьезный... Прошу! Вы мне открыли глаза на происходящее... Прошу, прошу...

Они вновь выпили, и Корф с отвращением покосился на остатки водки в графинчике, на полузасохший искрошившийся сыр в тарелке, затем все-таки выбрал кусочек и пожевал. Один глаз у него приобрел фиолетовый оттенок, и у Батюнина от этого установилось какое-то несвойственное моменту игровое расположение духа.

— Благодарю вас, благодарю, — сказал он весело и свободно, возвращая бумаги Корфу. — И кто же все-таки за вашей спиной, Бог или сатана, Геннадий Акилович? Я имею в виду пославшего вас?

— Не то и не другое! — воскликнул Корф, и ответная приветливая улыбка раздвинула его губы. — Просто самая примитивная необходимость, вот и все объяснение.

— А если я не соглашусь? — не унимался все больше приходящий в отличное настроение Батюнин, откровенно наслаждаясь обострением в разговоре. — Вот возьму и пошлю куда подальше!

— Ах, оставьте фантазии, уважаемый Михаил Степанович! — с живостью подхватил Корф. — Это никак невозможно, об этом я вам даже думать не рекомендую! Трагически опасно!

— Почему, почему? — добивался Батюнин. — Я сам себе хозяин, наконец-то у нас объявлена демократия, и позвольте уж мне быть свободным человеком!

— Еще одно трагическое недоразумение! — воскликнул Корф и озарился яркой фиолетовой улыбкой — даже его превосходные крепкие зубы просияли. — Это вам только кажется, Михаил Степанович, что вы сами себе хозяин, это всего лишь оптический обман, мираж воображения, галлюцинация души! А на самом деле ничего подобного нет и быть не может! Ну, дорогой мой Михаил Сте-

панович, вы же умный человек, не старайтесь быть смешным — у вас не получится... Давайте я вас отвезу в нашу нотариальную контору, мы быстренько все оформим, и вы действительно станете сам себе хозяином!

— А если я положу на вас крест, Геннадий Акилович? — поинтересовался Батюнин. — Вы — ничего?

— Ради Бога валяйте, Михаил Степанович... Если вам доставит удовольствие, развеет всякие гнусные сомнения — валяйте! — торжественно разрешил Корф и гордо выпрямился.

— Не боитесь развеяться яко прах? — теперь уже не совсем уверенно спросил Батюнин, и его гость, весь засмущавшись фиолетовым, раскатисто захохотал.

— То-то же, милый Михаил Степанович, то-то же! — возгласил он многозначительно. — Сами боитесь? Правильно боитесь! Жизнь одна, другой не будет даже у тебя!

— И все же при самом горячем желании я не могу подписать ваши бумаги, — угрюмо сказал Батюнин, привычно прихватывая горлышко графина и вновь наполняя рюмки. — Я — честный человек, я — гол как сокол, у меня не осталось ни одной самой завалящей работы... Ни эскиза, ни наброска — все продано и пропито! Я уже говорил — вот только каминная решетка, выполненная по моей прихоти в пору расцвета соцреализма. Что вы так трагически смотрите, я ведь весь свой долгий век был изгоем, все свое вбухал в русскую идею, и вот... завершение — пришлось отдавать свое самое дорогое за кусок хлеба, за бутылку водки... И я, поверьте, мой странный и непонятный гость, рад своей нищете, по крайней мере, даже сейчас ничего подписывать не придется, терпеть не могу никаких бумаг... Чего же вы скалитесь?

— Вашей детской наивности! — с готовностью откликнулся Корф, ярко полыхая фиолетовым и заставляя Батюнина теперь уже невыносимо страдать. — Посмотрите, Михаил Степанович, внимательно, здесь ничего не пропущено?

В руках у него оказался роскошный альбом-каталог, — на суперобложке одна из самых любимых картин Батюнина «Обнаженная в ландышах» и его имя — крупно и золотом. Корф, явно наслаждаясь, помедлил и протянул альбом хозяину, и старый художник, не желая того, принял его занемевшими руками, тотчас опустившимися от тяжести на стол. Взгляд у него стал почти безумным, и,

когда он развернул книгу и стал медленно и неуверенно листать ее, переворачивая каждую страницу, словно могольную плиту, с видимым усилием, лоб у него покрылся холодной испариной.

Наконец он поднял страдающие, больные глаза и своего страшного гостя не увидел.

— Не может быть, — медленно и обреченно сказал он. — Этого никогда не было... ложь, наваждение... мистификация! Как вы устроили?

— Помилуйте, какие могут быть сомнения? — донесся до него чей-то далекий, хотя и знакомый уже голос. — Вы держите альбом в руках, неужели вы не верите собственным глазам? Налю еще по рюмочке, с вашего разрешения, должны вы успокоиться, Михаил Степанович, нельзя так... Что вы! Вы слишком дорого стоите... Вы должны верить! Прошу вас, прошу...

— Черта с два! Меня никому не околпачить, любезнейший Геннадий Акилович, я слишком долго жил! — вновь запротестовал художник, стараясь по-прежнему не поддаваться искушению, — перед ним потихоньку уже начало проясняться, и он, выхватив стопку из рук Корфа, залпом выпил лимонную, по-стариковски бодро крикнул, потер почему-то руки, пожевал бескровными губами и сказал:

— Знаете, дорогой Геннадий Акилович, мне кажется, становится чересчур прохладно. Я разожгу камин... это всегда делал Игорек, да... вот сегодня его почему-то нет и нет... Вы не против?

— Отчего же? Конечно, нет, — отозвался Корф и шевельнулся, устраиваясь удобнее, — он давно взял себя в руки и уже предчувствовал близкое завершение своей миссии — сначала нужно было сделать главное, подписать соглашение, а потом можно будет не спеша и основательно разобраться со всей остальной чертовщиной, время и возможность для этого представятся...

Ему не понравился мгновенный, брошенный в него взгляд хозяина — какая-то странность в построжавшем лице, в губах — змеящаяся короткая усмешка, но все это тоже могло только показаться — чужой дом, чужая душа потемки, как говорят в этой дикой стране, и лучше всего хранить спокойствие и выдержку. И Корф уже послал хозяину легкую, безмятежную и понимающую улыбку, и Батюнин, присев перед камином, сложил в нем дрова, подсунул под них кусочек сухой бересты и чиркнул спич-

кой. «Чудак, чудак, — подумал Корф с невольным чувством собственного превосходства, глядя на художника, протянувшего руки к разгоравшемуся огоньку. — Такая жарница, а ему холодно... Чудак... что это... Бог мой...»

Он еще успел подтянуть к себе бумаги, оставленные хозяином на столе, успел схватить другой рукой свой изящный, крокодиловой кожи «дипломатик» и слегка приподняться. И в следующее мгновение, совершенно парализованный, рухнул обратно, и закипавший в нем крик беззвучно оборвался. «Вот она, их тайная и страшная власть, — еще успели промелькнуть у него в голове короткие и рваные мысли. — Я, кажется, схожу с ума... пла-та за самонадеянность...»

И все дальнейшее он мог только видеть, осмысливать он уже ничего больше не мог — мозг оцепенел. Огонь разгорелся необычайно быстро каким-то одним беззвучным взрывом, и тотчас стала светиться, раскаляясь, каминная решетка. Колдовской рисунок на ней пришел в бесконечное, затягивающее круговое движение. И сразу же пространство этого неодолимого движения раздвинулось, и художник, до сих пор согбенный, с опущенными плечами, выпрямился, широко раскинул руки, словно стремясь охватить всю свою бешено несущуюся в вечность вселенную, и Корф вторично содрогнулся от неизъяснимого чувства сладострастного ужаса. У него на глазах вершилось невероятное — перед ним вместо глубокого и бессильного старика возник ослепительно юный, смеющийся от какого-то неведомого счастья человек. И затем он растаял, исчез в веселом и буйном пламени, и тогда Корф увидел, что горит уже весь дом, со звоном трескаются и высыпаются стекла, из всех дверей рвется огненный гудящий ветер. Корф хотел вскочить и бежать, и по-прежнему не мог шевельнуться. Теперь ему уже было не страшно — его все сильнее и властнее охватывало теплое чувство возвращения к самому дорогому и заветному в себе, давно забытому.

Старый дом, построенный еще в начале почти пролетевшего века, обрушился вовнутрь себя, и высоко в небо понесся столб огня и дыма.

Именно в этот момент, расталкивая сбежавшихся на пожар местных обывателей, бестолково галдевших и кричавших друг другу о вызове пожарных, о ведрах и баграх и про всякую иную чепуху, о коей любит кричать, выказывая свою природную смекалку и смелость, всякий рус-

ский человек на пожаре, особенно когда все уже сгорело и тушить и растаскивать уже больше нечего, и появился посланный Батюниным в Москву на Арбат тот самый соседский Игорек с тяжелой, набитой продуктами и бутылками хозяйственной сумкой. Вся его жизнь, казалось, сосредоточилась сейчас в его потрясенных глазах, устремленных на опадающее пламя, дожиравшее остатки старого дома. Он выронил сумку из рук и завороченно медленно двинулся к пожарищу. Его окликнули раз и другой, затем, видя, что он совершенно ничего не слышит, один из пожилых мужчин выскочил из толпы и, заслоняясь от жара, подскочив к очумевшему мальчишке, схватил его за плечи и рванул назад.

— Стой! Спят! Сгоришь, поросенок! Здесь уже ничем не поможешь!

— Да, — сказал Игорь, крупно вздрагивая. — Он ведь обо всем этом вчера говорил... а я ничего не понял... Как же так... А я?

— Ты что? Думаешь, там... кто-то сгорел? Здесь, говорят, старый художник жил... еще из тех застойных времен... говорят, совершенно неудачник... а? — спросил мужчина, по-прежнему придерживая чересчур уж впечатлительного и нервного паренька за плечи и легонько подталкивая его подальше от огня.

Ответа от своего невольного подопечного он не получил и, встретив его взгляд, отдернул руки и торопливо попятился — его словно потянуло куда-то в провальную глубь, и от предчувствия неумолимо близившегося обрыва закружилась голова — он долго не мог прийти в себя, а когда очнулся, вокруг почти никого больше не было.

Сергей ЩЕРБАКОВ

КЕДРИ ЛИВАНСТИИ

РАССКАЗ

В карманах платка не было — значит, дома забыл. Больше мне ничего не оставалось — и я, как мальчишка, шмыгнул носом. Красноречиво глянул на Григорьича, мол, угрозило же в самое неподходящее время. Он раздумчиво наклонил голову: «Ну-у, платок забывать не надо... А болезни все там у тебя сразу пройдут». Я надеялся, что там нас ожидает немало чудесного, но чтобы мою простуду вылечить, надо дня три пить таблетки и никуда из дома не выходить... И я выразительно шмыгнул еще раз, мол, какое «там пройдут». Однако Григорьич уже открыл журнал, и я тоже развернул газету. Но в вагоне было душно, серенько до аллергии, кровь в голове словно остановилась, кроме того заныла нога в бедре, и я, сложив газету вчетверо, сокрушенно откинулся на скамейке. Григорьич вытащил из оранжевой кожаной сумки, которая, по его словам, должна была года через три потемнеть и оттого стать еще лучше, небольшой белый листок и молча подал мне. Зная, что зря он ничего не делает, я нехотя взял. Сразу бросились в глаза три подчеркнутых слова: «святче», «путевождь» и «достопоклоняемое». В хорошем самочув-

ПРОЗА

ствии я бы взялся размышлять, почему Григорьич подчеркнул именно их, а тут только запомнил на будущее...

На листочке была отпечатана молитва Преподобному Серафиму Саровскому: «О, великий угодниче Божий, преподобне и Богоносне отче наш Серафиме! Призри от горния славы на нас смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоя помощи и утешения просящих...» И я вдруг понял, что веду себя как барышня кисейная. Сразу выпрямился, встряхнул плечами...

Листок и газету я держал в левой руке и неожиданно почувствовал, что газета не то что мешает мне, но ей все же не место рядом с молитвой. Спросил Григорьича:

— «Литератор» не хочешь посмотреть?»

Он пронизательно глянул на мою руку. Зная его уважительное отношение к «Московскому литератору», я попытался оправдаться:

— Просто неловко в одной руке сразу две вещи держать. Григорьич улыбнулся:

— Да нет, не просто...

— Неужели даже в «Литераторе» чертовщинка есть? — догадался я.

— Немного, но есть.

Он забрал у меня газету.

Что бы там ни было, но дочитал я молитву уже спокойно и забыл о своих хворах: «...буди нам воистину ко спасению путевождь и приведи нас к невечернему свету жизни вечных...»

— Какая вещь! Григорьич. Как песня!

— Сильная молитва, но она... недавняя. Старые сильнее будут. Такие есть... — Он даже зажмурил глаза, изогнул рот горькой подковой и медленно-медленно помотал головой.

И сразу я вспомнил наших забайкальских мужиков. Опрокинув стакан водки, они точно так, как Григорьич сейчас, мотают головой, а ты с необъяснимым интересом глядишь на них и почему-то ждешь необычного. А заканчивается всегда выдохом со слезой на глазах: хор-роша-а... зараза. Так вот откуда у Григорьича такой жест — за свою жизнь он немало стаканов с этой заразой опрокинул, а потом завязал и вот уже десять лет вина в рот не берет. Потому вместо выдоха Григорьич достал из внутреннего кармана темно-синей вельветовой куртки, уже достигшей так любимой им естественности материала, зеленый блокнот, нашел нужную страницу и прочитал: «От скверных устен, от мерзкого сердца, от нечистаго языка, от души

осквернены, примите моление, Христе мой, и не презри моих ни словес, ниже образов, ниже безстудия. Дажь ми дерзновенно глаголати, яже хошу, Христе мой, паче же и научи мя, что ми подобает творити и глаголати...»

— Да, Григорьич, эта шершавее, позанозистее будет. Та поглаже...

Он лишь согласно кивнул. Значит, попал я в самую точку. Потом Григорьич узнал у соседа майора время и бодро произнес: «Через полчаса будем в Песках». Я уныло вздохнул: «Еще полчаса». Григорьич строго одернул меня: «Не еще полчаса, а просто полчаса». Я сразу вспомнил, куда мы едем, зачем едем, и устыдился своих слов.

Когда вышли в Песках, было уже темно, но Григорьич удовлетворенно отметил: «Засветло поспели». Я, конечно, поспешил откликнуться: «Ну-у, хоть не засветло, но и, слава Богу, не затемно». И мигом сообразил, что опять забыл, куда мы едем, — опять вылез со своим «еще». Но Григорьич, будто прочитав мои мысли, великодушно смолчал. А я вдруг понял, засветло, это сразу за светом, а затемно — это сразу за тьмой. Значит, как всегда Григорьич точно сказал.

Колдобистая дорога между одноэтажных домиков не-вдалеке разветвлялась, и мы поспешили догнать идущего впереди мужчину. Оказалось, ему в ту же сторону. Григорьич шумно вздохнул: «У вас воздух уже другой, чем в Москве». — «Какое там другой! У нас Воскресенск рядом!» — с горечью отозвался мужчина.

Поселок кончился, и мы вступили в старый сосновый лес. Он не был дремучим, но угнетал молчаливой темнотой. Григорьич как всегда шагал впереди, а я последним, за спиной нашего попутчика. Чтобы не попасть в грязь, коей было предостаточно, я старался идти по его следам и только тут увидел, что человек этот совершенно необъятных размеров. Тесно облепившая его огромные члены болоньевая куртка была настолько велика, что нас с Григорьичем можно было упрятать в нее как в мешок и еще таких троих туда же посадить. А вокруг ни души, только темный сосновый лес да чавкающая грязь под ногами — невольно по спине пробежали мурашки. Но больно хлестнула по лицу ветка, и я сосредоточился на ходьбе: запросто могло глаза выстebать. А страшноватый попутчик, будто желая разогнать молчаливую тревогу, промолвил: «Я раньше коммунистам верил...» Григорьич успокоил его, мол, не он один, а многие верили. И я подумал: именно с этих слов у нас теперь почти любой искренний разговор

начинается. А попутчик продолжил: «У нас директор школы был мужик толковый. После выпускного вечера мы праздновали в лесу на полянке, и он вдруг сказал: ну, ребята, а теперь забудьте все, чему я вас учил, у нас далеко не все так, как в учебниках написано. Я тогда подумал, что он попросту перебрал лишку, а теперь понимаю...» А я улыбнулся своим страхам и подумал, что именно с таким здоровяком и в темном лесу ходить нестрашно. Григорьич, конечно, не преминул вставить, мол, без православной веры ничего хорошего и выйти у нас не могло. Попутчик согласился: «Я сам неверующий, но веру уважаю. У нас отец Димитрий всех поцелует встречает. С похмелья денег у него займы попросишь, никогда не откажет и пьянкой не попрекнет. Потому и без попреков совестно станет. А попробуй нашего парторга спроси... Он тебя пошлет на три буквы, а потом еще на собрании обсрамит при всех... Коммунистам все время кто-нибудь мешает. Сначала дворяне с капиталистами, потом кулаки, потом Троцкий, потом диссиденты, а теперь демократы им мешают. Развалили вконец Россию». Я не во всем согласился с ним, но Григорьич опередил меня: «Ничего, если хоть один камень останется — восстановим». Не знаю, понял ли здоровяк, что камень-то храма Божьего, веры православной?.. Но призадумался он надолго...

Наконец выбрались из старого леса на твердую дорогу в поле и попрощались с попутчиком, мол, надо нам поспешать. Отойдя от него на порядочное расстояние, я порадовался: «Все-таки мудрый народ у нас». Григорьич, словно примериваясь боднуть кого-то, наклонил голову чуть вперед: «Ну-у, в чем-то мудрый, а в чем-то и немудрый...» Я смекнул, в чем немудрость здоровяка. Насчет демократов у нас с Григорьичем мнение согласное: такие же безбожные революционеры, как и коммунисты. Еще Владимир Иванович Даль точно назвал таких межеумками, сбитыми с толку грамотейством. У наших-то демократов, переродившихся заново на чужой почве, вообще ничего святого в душе нет, зато в кармане гроши есть, да и те, как говорится, не про нашу с вами честь.

Вдруг холодно и сладко обдало речным запахом. Река показалась таинственно-незнакомой, но Григорьич как всегда сохранил чувство здешней жизни: «Москва-река. Она неподалеку в Оку впадает (показал рукой на какие-то грустные огоньки), и с этого места Ока грязной становится...»

На разводной переправе, освещенной огнями, встретили стайку девочек-подростков. Из тех, что уже доросли до кавалеров, но ходят еще вечерами вместе, а парни выхватывают их по одной. Мы спросили: «Как к храму пройти?» Самая бойкая, которую, наверное, выхватят первой, показала рукой налево вдоль реки: «Это далеко еще. За дурдомом сразу». Ничего себе, приметка нашего времени: храм за дурдомом!

Одна девчушка так и не подошла к нам, и я разглядел, что она самая неказистая. Невольно представил, как одних ее подружек расхватывают кавалеры, а другие уедут искать свое счастье в Москве, и ей стыдно станет ходить в компании малолеток, и засядет она дома, а мать, обычно ворчавшая, что она только и знает, что улицу красить, тут будет гнать ее на улицу чуть ли не силой, мол, досидишься, что в девках навек останешься, а девушка все будет сердчать на упрямство матери, пока однажды не выкрикнет: «Да кому я нужна такая уродина!» И мать в бессилии отступится, и будут они тихонько жить вдвоем. И сколько любви накопит в тишине дома эта неказистая девушка! И дай-то Бог какому-нибудь мудрому человеку разглядеть в ней царевну-лягушку, почувствовать за ошительной грубостью ту великую любовь, которой на все хватит!..

Григорьич был здесь всего три раза. В последний раз аж в 85-м году, но, несмотря на темноту, дорогу помнил. Нога моя ныла все нестерпимее, однако, видя, как потирается мой путевождь, я терпел молча. Нагнали трех женщин в светлых платках: «Православные, Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» — «Как нам к храму пройти?» — «А вон, видите небо посветлее, это как раз над храмом».

Этот свет не вечерний вдохновил Григорьича. Он еще прибавил шагу и во весь голос, — вокруг никого не было, только три родные православные души текли следом — нараспев прочитал: «Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем. Аз же множеством милости Твоей Господи, вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему в страхе Твоем. Господи, настави мя правдою Твоею, враг моих ради исправи пред Тобою путь мой; да без преткновения прославлю Едино Божество, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Голос его раздавался словно под колоколом светло и радостно. Вдруг он весело спросил: «Что, Сереня, бо-

лезни прошли?» И опять угадал: то ли от близости при-сножеланной цели, то ли от щемящей мелодии молитвы, то ли еще от чего, но хвори мои как рукой сняло. Я недо-верчиво потопал правой ногой, — нет, никакой боли и в помине не осталось. С каждым шагом в меня вливалась молодая весенняя сила, и вскоре во мне ожило то ощу-щение, которое переполняло меня, когда я пришел из армии. Точно так, чувствуя в груди песню, я летал по родному селу и, казалось, мог горы своротить. А потом здоровье мое год от года все ухудшалось, болезни все об-тесняли меня, и я уже решил, что пришла преждевремен-ная старость. Я чувствовал себя то худо, то получше, а что такое хорошее самочувствие, начал даже забывать. А тут на тебе — снова молодость пришла! Не захочешь, а в Бога поверишь! И я воспрянул духом: я еще могу быть моло-дым, полным сил. Даже почему-то уверовал, что все в моих руках — захочу и буду здоровым...

Не знаю, светили так фонари или это белые стены цер-кви вкупе с золотом куполов отсвечивали, но вокруг хра-ма стояла ясная лунная ночь. Григорьич встал пред фрес-кой Спасителя. Перекрестился. Крестится он не просто размашисто, но как-то объемно, заводя персты аж за пле-чи, словно желая окрестить не только себя, но и все про-странство вокруг. Поцеловал пята Христову. Я же только слегка поклонился, не осмеливаясь на большее. И тут мы увидали на железных дверях храма крепкий, до безнадеж-ности в сердце, висячий замок. Ничуть не смутившись, Григорьич уверенно направился к служебному дому. Пред высоченным крутым крыльцом так тщательно вытер ноги о камень, что я невольно последовал его примеру. Снача-ла он почему-то попробовал дверь рукой, а потом уже позвонил. В освещенном окне по правую руку от нас раз-двинулись белые занавески, точно такие были в моем родительском доме, и появилась черная монашенка-ста-рушка.

— Нам отца Димитрия.

— А он в Москву сегодня уехал.

— Когда? — как-то по-детски спросил Григорьич, слов-но надеялся еще нагнать отца Димитрия.

— В четыре часа.

Раньше бы я сильно расстроился: трястись два часа в электричке, с больной ногой проковылять несколько ки-лометров, и в итоге поцеловать пробой, даже не зная, где ночевать и что делать дальше. Но теперь я вновь чувство-

вал себя молодым, а ради этого стоило пройти тысячи километров, и со мной был Григорьич, с которым ничего не бывает впустую, это я уже знал совершенно точно. И я искренне утешил его: «Все равно не зря съездили».

— Конечно, не зря. Зря ничего не бывает. Тем более в таком деле, — сразу подхватил Григорьич. — Поедем к моей сестре Маньке на «Фабричную», заночуем у нее. Надо мне передать ей кое-что, а утром в Москву, и будем с вокзала звонить отцу Димитрию. Может он у себя дома нас примет.

Двинулись в обратный путь. Вскоре я почувствовал своими усталыми ногами, что присножеланная цель наша призрачно далека и вряд ли достижима на этот раз, и я в страхе усомнился: может быть, Бог не желает принять меня, грешника треокаянного? Опять заныла нога и, надеясь на утешение Григорьича, я поделился с ним своими опасениями. Он даже прогневался на мое скудоумие: «Возле храма суеверий не бывает. И вообще у верующего суеверий нет. А ты думал: сел на электричку, пару километров пешочком прогулялся и благодать Божью заполучил... Бог знает, что делает! Значит, нужно было нам сюда приехать... Опять у тебя нога заболела — снова не веришь. Повторяй хотя бы про себя: помоги моему неверию, Господи. До тех пор пока боль не пройдет». Я начал шепотом твердить: «Помоги моему неверию, Господи. Помоги моему неверию, Господи...» Нога болеть не перестала, зато я понял, что терпения у меня хватит до самой Маньки. И все же я невольно мечтал побыстрее добратся до нее. Потому тотчас заметил неуверенность Григорьича. Мой путевождь замедлил шаг и озирался вокруг. Уже уяснив себе, что он только рассердится, мол, если и заблудились, — значит, так Богу нужно, я терпеливо помалкивал. Наконец Григорьич не выдержал сам: «Надо кого-нибудь спросить». Вскоре я увидел возле дома людей. На лавочке, подперев спинами палисадник, сидели два пожилых мужика, а перед ними на корточках — молодой. Не сходя с дороги, Григорьич приветствовал их: «С праздником вас!» Пожилые промолчали, словно глухонемые, зато молодой язвительно откликнулся: «Какой праздник!» В его тоне явно слышалось: вы что, мол, издеваетесь, какой праздник может быть без водки, да при нашей сегодняшней жизни. Несомненно, Григорьич понял его не хуже меня, но внушительно произнес: «Как какой! Христос воскрес!» Но и на этот раз никто не обрадовался:

воистину воскрес! Тогда Григорьич сухо спросил: «Как нам к переправе пройти?» Молодой присвистнул и даже встал с корточек: «Да вы, мужики, в Воскресенск топайте». Подошел к нам: «Вон, видите, последний фонарь. До него дойдете, и метров через двести тракт будет. А там налево по асфальту». И еще крикнул вдогонку: «Налево, а не то в Мячиково уйдете». Резануло по сердцу это Мячиково. Что там, испокон веку мячи, что ли, делали? Или деревня новая? Откуда ей взяться? Старых-то почти уже не осталось! Наверное, была когда-то деревня Мечиково и жили в ней великие кузнецы, ковавшие мечи против басурман да латинян, жаждавших покорить народ православный. Но старое мы почти все позабывали, а мячиками ребятишки играют, да по телевизору сплошной футбол-хоккей, вот и стало Мечиково Мячиковым. Чего не одолели огнем и мечом, то извели лукавым бесовским языком...

Григорьич неожиданно спохватился: «Пластинки у тебя?» В Москве, перед самым отъездом, он купил духовные песнопения, а теперь, как я сразу догадался, мужики так расстроили его: уже само Воскресение Христово для них без водки не праздник, что он поневоле беспокоился, — не отняли бы у него последнее... Я притворно охнул, какие, мол, пластинки? Григорьич резко остановился, так что я поспешил успокоить: «Да шучу я, шучу».

— С этим не шутят.

Я согласился, что пошутил неудачно, но все же обронил:

— Хотел тебя развеселить.

— Это в тебе язычник говорит, — осудил Григорьич. Но голос у него сразу потеплел благодарностью за мое сочувствие.

* * *

После переправы пошли не старым темным лесом, а прямо по асфальту. По обочинам подымался молодой сосняк. То ли от хорошего настроения, навеянного речным холодом, то ли еще от чего, но сосны показались мне в темноте необыкновенными. Они были удивительно раскидистые, так что я невольно представил ливанские кедры, не так давно виденные в Крыму. Да и иглы у этих тоже настолько длинные, что даже кажутся мягкими. Сразу вспомнил, на церковно-славянском название их звучит волнующе чудно «кедри ливанстии»... И тут-то

я уразумел, почему мне, не раз усмехавшемуся по молодости над деревенским языком, всегда ласкало слух и сердце произнесение моими земляками «т» вместо «к» в некоторых словах. Несмотря на «сплошную грамотность», они упорно говорили «рустий» вместо «русский», «хрестьянстий» вместо «крестьянский». И «российстий», «ангельтей»! Господи, каким же чудом, оторванный от всего древнего родного, напичканный всякими «измами», смог я расслышать в этих, на поверхностный взгляд невежественных «т» далекий-предалекий отголосок «кедри ливанстии» и «Распятого же за ны при Понтийстем Пилае, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием»?! Выходит, не совсем еще людие рустие Бога забыли?! И моя мать-коммунистка, девчонкой «ушедшая из деревни в интеллигенцию», тоже, выходит, Бога помнит?! На старости лет и она вдруг начала говорить «т» вместо «к»...

Неожиданно ясно засветила луна, и пряный сосновый запах усилился. Я снова ощутил себя двадцатилетним и сказал об этом Григорьичу. С непоколебимой уверенностью он подтвердил: «Тебе сорок, а с сорока до пятидесяти у человека вторая молодость, а в пятьдесят человек заколеневает и живет заколеневший (ему 53 года)». Это словечко «заколеневшее» как-то сразу связалось у меня с «кедри ливанстии», и мне открылось, что деревья большую часть своей жизни живут именно заколеневшими. Растут несколько десятков лет, а потом стоят столетия, а то и тысячелетия!

От избытка чувств я запрокинул голову. Над нами светила Большая Медведица: «Григорьич, а ковшичек-то прямо нам на голову опрокинулся».

— Ты все на звездочки глядишь.

— На Божьи звездочки.

— Все Божье, — доточнил он мою мысль. — Две крайние звезды на Москву: на твою Марину, на отца Димитрия путь нам указывают... Но здесь звезды не те. Вот в Каменке у нас звезды так звезды... (покосился на меня) и в Мухортибири твоим тоже несравненны.

— В Мухоршибири, — поправил я.

— Шибирь, сибирь? — произнес он.

— Григорьич, я так и думаю, что Сибирь от шибирей пошла. У монгольских племен, владевших сибирью, шибирь означает низкое место, заросшее кустами, а наши букву «ш» на «с» заменили, и стала местная шибирь великой Сибирью...

* * *

В пустом вагоне сидела в другом конце молодая бесполоцелуйная парочка, и вдохновленный Григорьич в полный голос запел: «Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезная всем подаваяй, Едине Содетелю, упокой, Господи, душу раба Твоего, на Тя бо упование возложивша, Творца и Зиждителя, и Бога нашего... Благословен еси, Господи...» Мелодия слов хватала за сердце и тянула его вверх из груди на волю вольную... Григорьич умолк, а я притрепетно чувствовал, как еще раз причастился «кедры ливанстии» и «купина древле неопальне горящи...».

— Поминальная молитва, — пояснил Григорьич, и, видя мое удивление, мол, где же здесь скорбь, доточнил: — В церковнославянском поминальные молитвы — самое прекрасное.

Оказывается, в спешке мы вскочили не в ту электричку — на «Фабричной» она не остановилась. Вышли на станции «Отдых». До электрички оставалось полчаса, и мы расхаживали взад-вперед по платформе под звяк бутылки одной развеселой парочки, которая пила пиво прямо из горлышка, а опорожненную тару бросала прямо на рельсы. Григорьич неожиданно положил руку мне на плечо: «Манька приезжала ко мне в Москву, когда я в институте еще учился, и на вокзале перед отъездом обняла меня вот так, лопатку пощупала и еще 250 рублей дала». То ли оттого, что он пощупал мою худую лопатку, то ли от жалости к Григорьичу, то ли от вспыхнувшей любви к Маньке глаза мои вдруг застлало слезами...

Самую лучшую, молодую, пору своей жизни Манька, Мария Григорьевна, отдала лагерям Магаданским. Там и замуж вышла за такого же, как сама, бедолагу. О муже ее, Викторе Павловиче, Григорьич сказал: «Жизнь у него была не приведи Господи... Я заставлял его записать все... У них как-то там один мужик умер, а Виктор посоветовал пайку его разделить на всех по-христиански. Потом узнали, его, как зачинщика, в карцер. Вышел он оттуда едва живой, спрашивает: а где моя бригада? А ему говорят, твою бригаду расстреляли за невыполнение нормы... Неповедимы пути Господни...»

* * *

Поднимаемся по цементно-каменной, оббитой до невероятия холодно-неуютной лестнице обычного советского дома, населенного рабочим людом. И вот мы у Мань-

киной грязно-желтоватой двери. Звоним. Невскоре встревоженный голос спросил: «Кто там?» Григорьич как-то по-казенному твердо ответил: «Богатырев». Однако дверь открылась все же после некоторого раздумья. Племянница Григорьича Любаня, миловидная женщина лет сорока, конечно, узнала дядьку, но почему-то встревоженно глядела на нас, не предлагая войти, раздеться. За ней стояла девушка лет пятнадцати, плотно повязанная белым платочком, может быть, даже вырезанным из старой простыни. Из дальней торцевой комнаты выглядывала седая крепкая старуха в ночной рубашке (я понял, что это сама Манька). Григорьича, видимо, начало сердить такое необъяснимое беспокойство и, снимая куртку, он сурово сказал: «Одевайся, Мария Григорьевна, одевайся». Любаня как-то жалобно спросила: «Куда собираться?» Тут уж Григорьич мой не на шутку рассердился, мол, что вы тут, с ума все посходили: «Куда, куда, в Магадан». Секунд через пять столбняк в квартире наконец-то прошел. Любаня устало попросила: «Дядя Володя, я тогда пойду лягу?»

Я вначале растерялся такому приему, но потом понял, что произошло. Неожиданный ночной звонок в дверь, входят двое людей. А семья-то баптистская, а старики-то не один год на Колыме оттрубили, да еще, как оказалось, они в Америку отъезжать собрались. Да тут кто бы ни вошел ночью, даже отец родной, а столбняк не сразу пройдет. Наверное, до самой смерти любой ночной звонок в дверь они будут переживать как арест!..

Квартира у них большая, но и в семье восемь человек; старики, Любаня да пятеро ее детей. Все обшарпано, неухожено. Во всем неистребимо чувствуется дух барачного общежития: в белье, висящем на веревках почти в каждой комнате, в десятках пар обуви в кухне на ящике, в трех грелках разного цвета, повешенных одна на другую на стене. Даже холодильник допотопно тарахтел. Во время нашего чаепития из-под него выполз прусакище лукового цвета, и, казалось, разглядывал нас.

За столом почти не разговаривали. Но когда Мария Григорьевна стелила постель, Григорьич не удержался: «Ну что, Любаня едет в Америку?» — Потрогал на столе мраморную вазу-чашку в виде лебедя, грустно положившего голову на крыло. — Если уедет, то пусть этого лебедя мне оставит». Суровая Мария Григорьевна неожиданно нежно отозвалась: «Боюсь, Володя, долго тебе этого лебедя ждать придется. Таких Любанек в Америке пруд пруди».

* * *

Спал я на старой железной кровати. Мария Григорьевна пристроилась на диване рядом с внуком, мальчиком лет десяти. Когда улегся, то услышал, как подо мной что-то знакомо зашуршало. Залез рукой под простыню, так и есть — клеенка. Встал, убрал. Мария Григорьевна спохватилась: «Совсем забыла. Здесь парнишка спит...» В детстве меня сонного уронили, и несколько лет я вскакивал по ночам, падал с кровати и спал на такой же клеенке, почему-то пахнувшей для меня больницей. Мать водила меня по врачам, но все было бесполезно. Пока моя бабушка Василиса не вылечила меня своими травками да ежедневными молитвами.

Среди ночи Мария Григорьевна встала, ласково подняла внука, так толком и не проснувшегося: «Пысай, пысай, сыночка». И я услышал, как мать будит меня, а я спросонок кричу: «Ты русский или немец?» А она тем, еще молодым, голосом отвечает: «Русский, русский, сыночка, пысай». Те ощущения десятилетнего мальчика, счастливого несмотря ни на что, проснулись во мне, и эта кровать с темно-синей материей вместо простыни стала мне до боли родной и знакомой.

Утром я никак не мог найти свои носки. Даже под кроватью все облазил. И догадался. Точно — висят они постиранные на батарее. Мария Григорьевна позаботилась. Как ни старался одеваться тихонько, она проснулась: «А что с Чернобылем теперь будет?» Такой вопрос спросонок несколько меня встревожил: «А что случилось?» Мария Григорьевна сразу успокоила: «Да нет, ничего не случилось». Я сообразил, что это важный вопрос грамотному гостю. И с превеликой охотой пошел философствовать. Мол, кто такой Ной, которого Бог спас за его праведность при всемирном потопе? Крестьянин! Там прямо сказано, что он возделывал землю. Значит, крестьянский дом — это и есть Ноев ковчег, в котором только и может спастись человечество. Ведь крестьянский дом — это маленький мир, в коем есть все для самостоятельного независимого плавания по жизни. Кто менее всего даже сейчас развращен обществом? Крестьянин. Значит, опять он, как и его предтеча Ной, самый праведный и благочестивый перед Богом! А что взял Ной в свой ковчег? По паре нечистых птиц, и по паре чистых, по паре нечистых животных, и по паре чистых, и зерно. То есть все крестьянское. И что начал Ной после спасения, выйдя из ковчега?

Возделывать землю! В общем, в Библии прямо сказано, что спасутся только те люди, которые возделывают землю, и что только ими и может спастись человечество. Потому-то и тянутся нынешние городские люди к земле, в деревенский дом — чувствуют, что спасение здесь. И коньки на крышах русских крестьянских домов не от норманской ладьи остались, а от библейского Ноева ковчега. Норманская ладья везла завоевателей, грабителей, убийц, а русский крестьянин прежде всего возделыватель земли.

Мария Григорьевна бесстрастно выслушала меня и так же молчком ушла умываться. Только во время завтрака я понял, почему ей не было никакого дела до Ноева ковчега. Григорьич опять спросил об отъезде в Америку. Мария Григорьевна своим обычным отрывистым голосом ответила, что они уже получили статус беженцев и теперь ждут своей очереди, что все уехавшие баптисты живут в Америке прекрасно. «Зато до нас письма оттуда идут по году», — скривилась она. И сразу распалилась: «На Чернобыль раствор с вертолетов бросали, а он так же защищает от радиации, как бумага от холода». Григорьич молча смотрел в стол и не поддакивал как обычно при правоте людей. Видя, что брата никак не проймешь, Мария Григорьевна устало сказала: «Виктор Павлович каждую ночь до сих пор кричит: за что вы меня убиваете?.. Правда, он и там кричать не перестанет...» Она поняла, что сказала не то, что нужно, и замолчала.

Так вот почему ее не затронуло мое размышление о Ноевом ковчеге... И Чернобыль, и долго идущие у нас письма, и сны Виктора Павловича — все это ей нужно для того, чтобы убедить брата, а скорее всего самое себя, что в нашей стране жить невозможно и она имеет потому полное человеческое право уехать с чистой совестью и спокойной душой. Ан нет, не получается так — душа все-таки болит и болит...

«Никуда вы не уедете, Мария Григорьевна», — убеждающе проговорил Григорьич. И вдруг она со спокойной улыбкой, как о раз навсегда решенном, вымолвила: «Уедем, Владимир Григорьич, и тебя потом туда вызовем». Он резко вскинулся: «Нет, нам там делать нечего. Мы здесь останемся... А вот лебедя вы тогда мне оставьте». Тут я наконец догадался, почему он так прицепился к этому лебедю, будто к богатству какому. Он как бы говорил Маньке, мол, красоту с собой не увозите, мне оставьте. И она прекрасно понимала брата. А в этот раз я

почувствовал в его голосе еще непреклонно-упреждающее: вы уедете, а красота все-таки здесь останется, в России. И я, кажется, понял, чем православные отличаются от других христиан: католиков, протестантов, сектантов всяких. Православия нет без Родины, без России... Потому-то православный Григорьич никогда не бросит Отечество, и потому-то баптистка Манька все-таки может уехать в Америку. Каким бы замечательным человеком она ни была.

Потом Мария Григорьевна уговаривала брата: «Владимир Григорьич, может, к матери на могилу съездим?» Он даже глазами сверкнул: «Сказано, летом приеду, тогда и съездим». Теперь я уже легко понимал их скрытый разговор. За Манькиными уговорами так и слышалось примирительное: давай в последний раз вместе проведем мать, все равно ты нас вспять не повернешь. А за Григорьевой непреклонностью звучало: может, и не поверну, но и подстраиваться под вас не буду — вот мое последнее слово...

В уголку, на скамеечке, незаметно устроилась внучатая племянница Григорьича Маша. Беззаботно ела хлеб с салом. Он спросил ее: «Хочешь в Америку?» Она ответила: «Хочу, но боюсь». — «Чего боишься?» — «На самолете лететь». Мы грустно улыбнулись: милая ты наша русская девочка, что же будет с тобой в этой пустоглазой Америке, такой далекой от твоих детских страхов, от этого куска хлеба с салом?! Тоскливо нам стало до слез. А она все так же простодушно-доверчиво ела в своем уголку...

После завтрака мою в ванной руки. С оглядкой, словно боясь, чтобы кто не застал нас вдвоем, подошла Любаня: «Спасибо». Я растерялся: за что спасибо? За то, что осчастливил их своим посещением, что ли? Но она тут же разъяснила: «У нас теперь все по-другому. Мы уже веру свою не скрываем. Священную литературу везде продают. А еще три года назад моему сыну говорили: тебе не место в советской школе... Спасибо». И опять я растерялся от жалости, мне показалось, что Любаня перестраховывается: на всякий случай, чтобы дали спокойно уехать в Америку, хвалит нынешнюю власть чужому человеку — пусть все знают, как благодарно она к ней относится, как уважает ее. Господи, не поворачивается язык осудить их!..

Григорьич молчком собирался. Я стоял на пороге. Не зная, куда девать глаза, глядел на полный мешок возле меня. Мария Григорьевна заметила мой взгляд: «Развя-

жи, Сережа, мешок». Развязал — в нем сухари. Она объяснила: «Не могу мимо брошенного хлеба пройти. Гляжу, лежит под сосной (в поселке растут одни сосны, своей редкой верхушкой больше похожие на облезлые пальмы), подберу, людям отдам — у нас теперь многие скотину держат — а они мне молока за это нальют, бесплатно». Что она этим хотела сказать нам? Что не может она жить в такой стране, где хлеб под сосны выбрасывают? Или, что она вот такая нигде не пропадет, везде человеком останется, хоть и в самой пустоглазой Америке? Или? Не знаю. Только я сразу увидел, что на подоконнике на бумажном мешке сушится очередная партия сухарей...

* * *

Снова меряем шагами платформу. Григорьич на ходу поддевает носком ботинка какой-то бугорок. Что-то кругленькое капелюшное катится по асфальту. Он поднимает, протирает рукой. Шайбочка. Кладет в карман. Улыбаюсь его беспримерной хозяйственности: «Ну и куда ты ее используешь?» — «Куда, куда. Я пока не знаю, но раз нашел, значит, она уже зачем-то нужна мне... Иван Алешин, братан мой, говорит: в деревне все пригодится, даже атомная пушка».

Глядя из окна электрички на раскуроченную подмосковную землю, на безжизненные коробки многоэтажек, Григорьич вспомнил: «Когда-то в юности я думал, вот построим таких домов и будем все счастливы... И над деревенскими подсмеивался, мол, никак вы не научитесь городских слов говорить. У нас в Каменке многие до сих пор говорят не совхоз, а савхоз, не архитекторы, а артихкторы... Насахвозили...»

— А моя бабушка Анистья, сплошь говорившая одними пословицами да поговорками, как я над ней ни подтрунивал, словно навред говорила хамхоз вместо комхоз, вместо квартиры хватера... Думаешь, народ хоть вот так все скудоумное, чужеродное припечатывает? Вернее, распечатывает?! А тут народ не ошибается?

— В этом никогда.

Сразу я завязал в памяти узелок: примечать распечатанные словечки. И невольно помечтал, чтоб он все эти «консенсусы, приватизации, презентации, спонсоры, путаны, рэкетеры, менеджеры» распечатал бы. А то ведь уже сегодня стоит сказать: это политика, это бизнес, и только вроде бы и остается доброму русскому человеку

виновато затылок почесать, мол, действительно, куда я со своим добром и ласкою, со своею правдою сермяжною и честностью неподкупною лезу. У вас тут бизнес! У вас тут политика!

Напротив выхода с Казанского вокзала нас встретил огромный рекламный щит: «Все виды банковских услуг». Григорьич передал мне зажженную трубку и, наказав не выбрасывать мою сигарету, мол, спички нынче дефицит, в отличие от всех видов банковских услуг, которые нам с тобой совсем ни к чему, как ни к чему крестьянину хвастера вместо дома, пошел звонить по телефону. Возвратился веселый: «Все. Едем к отцу Дмитрию». Я тоже прибодрился: присножеланная близка как никогда...

И вот мы у батюшки. У отца Дмитрия. Милая, милая фигурка округлая. И плечи округлые, и руки округлые, и освобожденный купол головы. А от висков в обе стороны вздымаются волнистые, нет, не седые, но голубоватые волосы. В каждом его движении дух дышит и в прясных глазах теплится. И дочь у него ангелоподобная. Когда она проходила возле, то даже воздух, казалось, шелестел невидимыми крилами и становился чище. Она тихонько целовала руку отца. Потом так же тихо застегивала «молнию» на полусапожке. И такая претихость во всех ее движениях, что даже полусапожки ее показались мне еще той прапрабабушкиной поры.

Мы стояли с Григорьичем рядом, позади отца Дмитрия. Он скороговоркой читал из требника, поворачивался и, взмахивая рукавом рясы, словно крылом, крестил нас перстами. А у меня от долго стояния на одном месте не шевелясь, снова заныло бедро. Закрутило, задергало и, с каждой секундой все нарастая, что даже в глазах потемнело, и я испугался, как бы не грохнуть на пол. Даже мелькнула мысль, что это вселившийся бес корчится, не хочет выходить вон. Но тут отец Дмитрий попросил нас подпевать «Господи помилуй». И мы с Григорьичем вначале разногласно, но с каждым разом согласнее, пели: «Господи помилуй, Господи помилуй...» А батюшка снова взмахивал рукавом рясы, словно собираясь лететь, — крестил нас. И я повторял вслед за Григорьичем, читавшим из Молитвослова: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа...» И вдруг я почувствовал, что боль прошла, и ноги мои словно выросли в пол. Мне стало легко и радостно. Отец Ди-

митрий, будто разрезая ладонью воду, окрестил ее. Я разделся и встал в купель! Батюшка наклонился, зачерпнул пригоршню воды и неожиданно быстро, чтобы не расплескаться, распрямился и, приговаривая, полил мне на макушку, на плечи. И еще раз, и еще раз! И пропел: «Крещается раю Божий Сергей, во имя Отца аминь, Сына аминь, и Святаго Духа аминь!» Я услышал нежное воркование моей матери и увидел, как она точно такими же быстрыми движениями оmyвает меня в простой оцинкованной ванне. И я почувствовал себя маленьким ребенком, которого сейчас подхватят самые родные руки и крепко-крепко прижмут к груди...

Неспешно батюшка надел мне на шею махонький алюминиевый крестик, — словно ветерок коснулся груди. Дал нам в руки свечи, и мы, как невинные дети, пошли за ним вокруг купели... Потом я надевал рубаху, а за стеклом, словно в другой жизни, бежала симпатичная девушка в спортивном костюме, и мне стало нестерпимо жалко ее и всех-всех мимоидущих...

Купель выносили вместе с Божаткой (так у нас в России зовут крестного отца). Еще в квартире отец Димитрий показал нам из окна: «Воду вон под то дерево вылейте». Я направился было к другому, но Божатка, мой попутный, был рядом: «Нет-нет, вот сюда». Мы неспешно выливали воду, и он радовался: «Моя тоже под этим деревом». Я представил, сколь многих окрестил наш батюшка. Значит, много освященной воды под этим деревом!.. Дерево освященное! И мы с Божаткой сроднились еще и чрез это древо... Я тихонько запел: «Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезная всем подаваяй...»

1991 г.

Марат КАЛАНДАРОВ

НОЧЬ С ВОЛЧИЦЕЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

1. Катастрофа

Под колеса вездехода летели ребристые сугробы, и гусеницы разрывали их с озлобленным лязгом. Кабина — то монотонно поднималась, то опускалась, пеленая меня в сонную одурь. На лице молоденького водителя из Белоруссии Вити Баранова — серая нечеловеческая усталость. Сорок восемь часов за рулем по бездорожью в таежной глухомани — дело нешуточное. И когда перед ветровым стеклом, как наваждение, возникла темная пасть пропасти, он уже утратил былую реакцию.

Далее все происходило, словно в кошмарном сне. Машина зависла над обрывом и стала медленно валиться через край... В сотые доли секунды я успел поймать наполненные ужасом глаза водителя, рванул дверцу и вытолкнул свое тело в бездну... Пролетев несколько метров, по счастливой случайности оказался в холодных объятиях снежного карниза. Машина со свистом пронеслась рядом...

Я с трудом выбрался из снежного плена и радостно констатировал, что отделался царапинами. Тут же ожег вопрос: что с водителем?

ПРОЗА

Когда добрался до шофера, увидел окровавленную портянку. Унт валялся в полуметре от неподвижного тела... Реснички дрогнули, приоткрыв бирюзовые зрачки, и опять сцепились. Жив, обрадовался я, и принялся внимательно осматривать ногу. Аккуратно стянув влажный носок, ахнул — обнажилась мешанина застывшей крови и осколков костей. Не надо было быть медиком, чтобы понять, что ступня парня раздроблена, и поднять его наверх без посторонней помощи невозможно. На дне ущелья темнел опрокинутый вездеход. К счастью, он не загорелся. Я заторопился вниз в надежде найти аптечку и все то, что может помочь пострадавшему. Прodelав опасный путь, я с трудом добрался до вездехода. Из помятой кабины вытащил одеяло, телогрейку, сухие чурки для костра — непосредственный атрибут каждого таежного шофера, топор и чудом уцелевшую канистру с бензином. На эту операцию ушло около двух часов.

Пока я перебинтовывал и тщательно укутывал в одеяло искалеченную ногу, Витек то впадал в бредовое забытие, то снова приходил в себя.

— Терпи, парень, — повторял я, полностью осознавая всю безнадежность ситуации, в которой оказался. — Сейчас разожгу костер, и станет веселее.

Я принялся собирать хворост, распилил несколько завалившихся стволов, плеснул бензин — заколыхались язычки пламени. Запекшиеся губы паренька что-то прошептали. Я склонился над ним:

— Больше сорока, — раздался слабый стон. — В такой мороз к утру превратимся в ледяные столбы... Транспорт тут вряд ли появится, поэтому двигайтесь за помощью...

Я слушал жаркий шепот и сквозь смутную тревогу чувствовал, как внутри меня пробивался страх перед опасностью. Мучительным и невыносимым было ощущение собственной затерянности среди безмолвного горного царства. Устало согбенная фигура водителя сливалась с отблеском заледенелой скалы. Его глаза с покорной мольбой обращались то к огню, то ко мне, изливая просьбу и безнадежность одновременно. Я улыбнулся молодому строителю БАМа, резко оторвался от теплого пламени костра и решительно проговорил:

— Ты прав, Витек. Я пойду за помощью. Доберусь до людей. Обязательно доберусь. Дров пока хватит. Подбрасывай их в огонь. Жди!

Тот вяло кивнул, не отрывая взгляда от язычков пламе-

ни, и застыл, как изваяние. Казалось, уже ничто не в состоянии избавить его от боли, тяжких дум и этого оцепенения.

Я выкарабкался из ущелья и отправился по гусеничному следу, надеясь, что он приведет меня то ли к геологам, то ли к лесорубам... Жуть звериного одиночества вкрадлась в мое тело, то и дело выжимая из него тяжелые вздохи. Потом на смену растерянности пришла ярость, которая гнала меня вперед к темнеющей внизу полоске леса. Я бежал, не чувствуя под собой скользкую вафельную колею, пока впереди не выросла еловая стена.

2. Встреча

Небо, проколотое яркими звездами, морозно клубилось над таежной глухоманью. Гусеничный след разрубал лесной массив, оставляя две искристые полосы. Я шел по этой скользкой тропе с чувством полной неопределенности, ибо был случайным гостем в этом безлюдном сибирском уголке. И только скрип шагов на миг разрывал тишину. Противный скрип моих собственных сапог.

На фоне переплетенных еловых лап вдруг вспыхнули две маленькие точки, которые двигались, замирали и исчезали. Я остановился, прощупал взглядом деревья — никаких признаков живого существа. Померещилось, решил я, видно от усталости.

Мороз крепчал. Я поднял жестяной ворот овчины и продолжил путь, настороженно поглядывая на хвойную стену. Таинственные точки опять вспыхнули и заматались от ствола к стволу. Стало ясно, что теперь за каждым моим движением внимательно следили две пары блестящих бусин. В голове тревожно пульсировало: рысь? медведь? волк? — хищников в тайге предостаточно!..

Я стянул варежку, чтобы достать из кармана брюк складной ножик, ясно понимая, что таким лезвием лишь карандаши точить или сосиски резать. Но достать ножик я не успел... Хвойная стена с треском разорвалась... В воздухе распласталось мохнатое тело с огненными зрачками... Будто взмах ножа, над моим лицом зловеще сверкнул волчий клык.

И в эту секунду я вдруг явственно услышал голос моего первого тренера по боксу Фрициса Кирсиса, который подсказал: встречай левой! Я выбросил кулак, нацелив его в темный проем пасти меж фосфоресцирующих в све-

те луны звериных челюстей... Я нанес точный удар, каких наносил множество в боях на различных боксерских рингах. Моя рука оказалась в горячей звериной глотке...

В лицо пахнуло ледяным ветром... Что-то твердое воткнулось в мою грудь, отчего перехватило дыхание и потемнело в глазах... Я потерял равновесие и упал, успев свободной рукой обхватить мохнатую шею...

Наши сплетенные тела барахтались на заледенелой гусеничной полосе. Над моим лицом мелькали острые когти, и я уходил от них, как на ринге, проявляя завидную реакцию...

Звериный хрип и человеческий вопль разбудили тайгу. Мощные лапы исполосовали овчину, сбили с головы шапку, царапали лед... Я извивался, как мог, но вскоре почувствовал, что слабею. Он, зверь, берет верх, и вот-вот наступит роковая минута... И лишь мой кулак, как клин, вбитый в пасть хищника, на какое-то время продлевал мне жизнь.

Надо мной витали волчьи огоньки ненависти.

3. Уязвимая точка

В десяти сантиметрах от меня горели пышущие злобой волчьи глаза... Смерть витала рядом... Смерть бросала мне в лицо крупницы слюны, клокочущее урчанье, в котором ощущался победный зов... И я вдруг понял, что проигрываю этот бой. Меня вдруг охватил панический страх. Вот так умереть на таежной тропе, разорванным на части клыками... Зверье оставит от моего тела лишь обглоданные кости...

Волк почуял мою слабость, встрепенулся, и мы закружились по ледяной глазури... И в этот роковой миг я увидел лицо своего деда, его добрую улыбку... Я — пятилетний мальчишка — играю с нашей собакой. «Ну-ка, — говорит дед, — сдави язык псине... Видишь, пасть парализована. До тех пор, пока ты будешь сжимать язык, собака тебя не в состоянии укусить...»

Я разжал кулак и сцепил пятерней мякоть волчьего языка... Из пасти брызнула слюна, и донеслось что-то похожее на жалобный стон. Щетинистое тело затряслось, лапы ослабли, блеск звериных зрачков угас. Я понял, что нашел уязвимую точку, которая поможет мне усмирить зверя! Пока я властелин языка — хищник беспомощен!..

Ослабнет рука — волчьи челюсти тут же отхватят мою кисть.

Я с облегчением откинул голову на лед и лежал без движения, пытаюсь осмыслить происшедшее. Луна вышла на небосклон в радужных кольцах. Причудливая игра теней и света превращала лес в сказочно-хрустальный мир.

Что же случилось со мной за последние дни?

Память вернула мне пропитанные табачным дымом и бумажной пылью тесноватые кабинеты латвийской газеты «Советская молодежь», где я работал по договору специальным корреспондентом. Свои материалы я писал дома, а в редакции появлялся на короткое время, чтобы сдать очередную байку, получить новое задание и... сыграть пару партий в шахматы. На этот раз я опустил якорь в кабинете заведомо промышленности Игоря Щедрина, который показал глазами на шахматную доску, мягко подошел к двери и, приложив палец к губам, повернул ключ. Потом шепотом произнес:

— Пять партий по трояку.

Для тощего журналистского кошелька это была значительная сумма. Поколебавшись минуту-другую, я кивнул головой, и фигуры бесшумно заскользили по шахматной доске. В дверь то и дело кто-то рвался, периодически звонил телефон, но мы погрузились в мир комбинаций и азарта, игнорируя обычную редакционную суету.

Итак, я увяз в щедринской паутине гамбита, из которой меня вытянул фальцет Ильи Героя.

— Марат, тебя срочно БАМ вызывает...

Это, пожалуй, был единственный аргумент, который заставил меня встать из-за шахматной доски и поспешить в приемную редактора к телефону.

Я узнал голос комиссара латвийского строительного отряда Яниса Стрельча.

— Приезжай, — умолял он, — надо разобраться в смерти Карлиса Силиныша. Официальная версия — сгорел по пьянке в палатке...

Об этом парне я писал в нашей газете после прошлой поездки на Байкало-Амурскую магистраль. Насколько мне помнилось, он не баловался спиртным. В тесноватой комнатухе таежного поселка Кичера, где жили Карлис Силиныш и его жена Анита, я просидел целый вечер. Заходили гости, приносили водку, пили за далекую и любимую Латвию, а Карлис лишь потягивал из жестяной кружки чаек.

— Я в этом сомневаюсь, — в голосе комиссара улавливались тревожные нотки. — Возможно, Силиныша убили!.. Приезжай, Богом прошу! Помоги распутать это дело. Руководители поселка запрещают нам даже шептаться на эту тему. Предупредили, что накажут каждого, кто снюхается с прессой...

Разговор внезапно оборвался, а мои попытки дозвониться до далекого таежного поселка оказались тщетными. Заявление было очень серьезным, и я пошел советоваться с ответственным секретарем Виктором Резником-Мартовым. Он сидел, заваленный газетными полосами и кипой материалов, в губах торчала неизменная сигарета, от которой в косые нити солнечных лучей всплывал сизый дым.

— Значит, убийство, — озадаченно протянул он, внимательно выслушав мой рассказ. — Отправляйся в рыбный порт и собери информацию. Ведь Силиныш по рекомендации этого предприятия выехал на БАМ? А потом решим, как поступить...

У вецмилгравского причала меня встретил секретарь комитета комсомола порта и задумчиво проговорил:

— Мы тоже получили «телегу» из Северобайкальска. Чепуха какая-то... Карлис Силиныш вообще не употребляет спиртного. Конечно, — на секунду заколебался комсорг, — возможно, на БАМе он мог приобщиться к спиртному... В тайге ведь всякое бывает, но я лично в это не верю. Карлис всегда был примерным работником... Жена интеллигентная, архитектор. Сейчас Анита ребенка ждет, а ей бамовское начальство в глаза бросает, дескать, присматривать надо было за мужем-пьяницей!.. Тут что-то не так...

Несколько портовиков, с кем мне пришлось беседовать, были единодушны во мнении: Карлис Силиныш не мог устроить пожар по пьянке.

Все эти факты я выложил ответственному секретарю. Он долго анализировал информацию, окутывая себя и меня сизыми кольцами дыма. Потом пошел держать совет с Володей Стешенко, который в эти дни замещал главного редактора. Денежных средств на такую далекую поездку у редакции не было, поэтому обратились в ЦК комсомола Латвии и попросили командировать меня на БАМ.

Итак, я летел в глушь Станового хребта, где пробивался путь от живописного озера Байкал к берегам Тихого океана. Это была моя третья командировка в эти суровые

края. Полет складывался не совсем удачно. На несколько суток я застрял в Улан-Удэ, ожидая рейса на Нижнеангарск. Заслон Аэрофлоту устроил взбешенный Байкал.

В зале ожидания аэровокзала — столпотворение: пассажиров было так много, что всем не хватало стоячих мест. На улице термометр показывал минус тридцать восемь. Картина развернулась нерадостная: мужики глушили тоску спиртным, сбывая местному населению по самым бросовым ценам все, что было в чемоданах и объемистых брезентовых рюкзаках. Женщины беспокойно озирались, дети плакали, старики тяжело вздыхали. В этой напряженной обстановке я осознал, как нужна железная дорога сквозь байкальские хребты. Та самая дорога, которую сейчас строили в лютую стужу молодые посланцы разных союзных республик.

4. Инцидент

Карлис Силиныш возился с трактором до самого обеда. Анита появилась в три часа, принесла еду. Взглянув на мужа, звонко расхохоталась.

— Ты на лешего похож — чумазый весь. Не дай Бог на тебя грибники наткнутся — зайками станут!

— У тебя, конечно, работа почище — ватман, карандаши... Архитектор как-никак, а мы — рабочий люд!

— Ладно, ладно, — примирительно сказала жена. — Пошутить нельзя.

После того как Анита ушла, Карлис еще долго работал. Вдруг он услышал женский крик. Поднялся и направился на голос.

В кустарнике увидел троих. Одного узнал сразу, вчера вечером в общежитии тот, складывая чемодан, громогласно заявил:

— Валить надо отседова, заработки малые.

— Чего же к лесорубам не пошел? — усмехнулся Карлис. — Там платят прилично...

— Уродоваться?! Это не для меня. Я к геологам пойду. Платят там больше, а работы поменьше. Давай со мной!

Карлис запомнил лицо этого неприятного типа с жесткими нахальными глазами. Сейчас он тянул за руку девушку и, захлебываясь, говорил:

— Да ты что ломаешься, дура! Васька-то в район укатил. Ни одна душа не узнает. Мы сегодня отваливаем...

Поначалу Карлис растерялся, ведь он был один.

— Держи червонец и не бесись! — шипел парень.
Девушка вырвалась. Ей удалось освободить руку, но тот сбил ее на землю.

— Водку ей, водку, — задыхался насильник. — Чего топчетесь! Лейте в рот!

Карлис понимал, что надо идти на помощь, но ноги будто налились свинцом. От природы миролюбивый, он старался не ввязываться в драки, хотя считался парнем сильным.

Безнадежный крик, похожий на вздох, в котором страх смешивался с отчаянием, резанул слух. Он потянулся к молотку, но раздумал. В драке всякое может случиться и, потеряв контроль, таким молотком можно раскроить череп. Лучше уж с голыми руками...

— Оставьте девушку! — крикнул он.

Появление человека в глухом месте поначалу испугало хулиганов. Девушка, рыдая, метнулась к Силиньшу и судорожно вцепилась в его плечо.

— Не оставляйте меня! — шептала она. — Умоляю вас!.. Это же — подонки!

— Шагайте, ребята! — миролюбиво предложил Карлис.

Убедившись в том, что защитник один и не представляет собой опасности, хулиганы решили действовать. Главарь ловко подступил к Силиньшу и довольно точно нанес удар в челюсть. Для Карлиса это было неожиданно, и он оценивал ситуацию уже на земле.

— Схлопотал! — злорадно протянул тот. — Это только начало.

Карлис успел подняться. Он соорудил испуганное лицо, показывая, что порядком стухнул и драться не собирается. Главарь поверил этому движению и подался вперед, чтобы нанести окончательный удар. Но... тут же взвыл от удара сапогом под колено.

Дружки бросились на помощь, но Силиньш тут же свалил первого. Он чувствовал, что свирепеет от злости... У второго в руке блеснул нож. Карлис уловил, что тот растерян и не знает, пускать в ход оружие или нет. Секундного замешательства было достаточно: ребром ладони Карлис сбил его на землю.

Потом все происходило словно во сне. Очнулся Силиньш уже тогда, когда рядом никого не было. Хулиганы бросились бежать.

Девушка смотрела на Карлиса широко раскрытыми глазами. Он молча взял ее за руку и повел в сторону поселка.

Когда показались контуры Кичеры, он устало проговорил:

— Теперь дойдешь сама. Мне работать надо.

— Спасибо!

Девушка хотела еще что-то сказать, но Силиныш повернулся и зашагал к лесу.

5. Версия

Позеленевший и истощенный — командировочные тогда выдавались скудные, и приходилось экономить каждую копейку — я добрался до Нижнеангарска, устроился на попутный «КамАЗ» и провалился в сон. Водитель был поражен моим умением отключаться и не замечать фантастических красок гигантских сопок. Лишь на вторые сутки я продрал глаза, когда грузовик уже подъезжал к поселку Кичера, где меня ждал комиссар латвийского отряда.

— Ситуация такова, — Янис приступил к главной теме после получасового восторженного расспроса о Латвии, — обгорелый труп Карлиса нашли в десяти километрах отсюда, где он ремонтировал брошенный бульдозер. Там стояла одинокая палатка геологов и кое-что из техники. Еще весной Силиныш наткнулся на бульдозер, старательно осмотрел и сообщил мне, что сможет отремонтировать. У него были золотые руки. В своем колхозе «Гайзиньш», что в Мадонском районе, он считался лучшим механизатором. И в Рижском рыбном порту его знали как хорошего рационализатора. Словом, привел он в порядок машину. Утром обещали доставить ему солярку... А ночью случилась беда...

Янис напряженно смотрел на пачку, достал дрожащими руками сигарету и закурил. Отмахнув ладонью клубок дыма, зло бросил:

— Я никогда не видел, чтобы Карлис к спиртному притрагивался! Что с ним случилось?!

— Убили его, — решительно проговорила Лайма. — А потом подожгли палатку. Народ зря судачить не будет.

— Мне тоже так кажется, — согласился Янис. — А местное начальство скрывает правду. Оно испугалось ЧП и оформило бумаги, будто бы Силиныш упился до того, что заснул, уронил сигарету, отчего и возник пожар.

— Следственный эксперимент проводили? — поинтересовался я.

— Кто этим будет заниматься?! Тут один участковый на триста километров. Собрали комиссию из местных, составили протокол и отправили в Северобайкальск. Оттуда уже официальное сообщение пошло в Москву.

Янис вдруг встал, напялил мохнатую шапку, куртку.

— Я сейчас, — предупредил он. — Приведу Марину. Она кое-что расскажет.

Он вернулся с девушкой лет двадцати. Она рассказала историю, которая, возможно, имела прямое отношение к смерти латышского парня. Марина Королева поведала о том, что Силиныш однажды спас ее от хулиганов, которые пытались изнасиловать.

— Я об этом случае и заместителю начальника СМП-608 Александру Мезенцеву сообщила, но он особого интереса не проявил.

Ночью я долго не мог уснуть, размышляя на эту тему. Детально складывая обстоятельства, я все больше и больше убеждался в том, что официальная версия смерти не соответствовала действительности.

На другой день Стрельч повез меня к геологам.

— Там работает один водитель, — рассказывал он по дороге, — которому я когда-то помог машину из трясины вытянуть. У него есть кое-какая информация.

Владимир Седов, невысокий худощавый водитель, узнав о цели нашего визита, охотно рассказал:

— Дело было осенью. Снег уже пошел. Двое ребят, которые устроились работать в наш геологический отряд разнорабочими, попросили меня добросить их до поселка Кичера. Там стояла наша точка — палатки, трактор и кое-что из техники. Один из них там сошел, второй остался в кабине и попросил меня подождать. Вскоре первый вернулся. Бросил фразу, что тракторист на месте. Вечером я поехал в Нижнеангарск шефа забирать. Они опять подсели ко мне и вышли у поселка Кичера. На другой день слух прошел о пожаре на нашем объекте. А те двое вскоре уволились...

— А вы рассказали об этом случае следственным органам? — спросил я.

— Меня никто не спрашивал. Янису я рассказал. Потом никто не интересовался.

Я не служил в органах внутренних дел, но в журналистских расследованиях мне приходилось участвовать. Если день смерти Силиныша и появление непрошенных гостей у палатки совпадали, то это уже серьезная зацепка.

От геологов мы возвращались на вахтовом автобусе. Лиепайчанин Володя Тихонов, крепкий мужчина лет тридцати пяти, с обветренным лицом и почерневшими от тяжелой работы крупными пальцами, повернулся в мою сторону и тихо заговорил:

— В тот памятный день я возвращался на этом же вахтовом автобусе из Нижнеангарска. Погода была мрачная: мела пурга, снежные вихри кружились в тусклом свете фар. Водитель, почти касаясь носом ветрового стекла, то и дело тревожно повторял, что ничего не видит. Анита сидела рядом и, видимо, испытывала беспокойство, предчувствие, что ли, чего-то неотвратимого... Она шептала мне, что зря Карлис пошел на базу геологов, где летом он сцепился с хулиганами. Но муж сказал, что без бульдозера улицы поселка не очистить. А там, дескать, стоит заброшенная машина, которую можно починить. Об этом его попросили в поселковом совете. Я пытался убедить Аниту, что предчувствие возникло из-за непогоды и опасной трассы. Машина буксовала на ледяных «блюдцах», и водитель, чертыхаясь, выкручивал руль. Иногда колеса проходили по самому краю трассы, за которой начиналась пропасть, и Анита, бледнея, зажимала глаза. Лишь когда замелькали огни поселка, она облегченно вздохнула....

Тихонов прервал рассказ, потянулся за сигаретами, но, осознав, что он в пассажирском салоне, спрятал обратно пачку, тяжело вздохнул и сипло продолжал:

— Когда водитель притормозил в центре поселка, кто-то резко распахнул дверцу автобуса. Я увидел бледное лицо моей жены Валентины. «Беда! — прошептала она. — Анита, торопись!» — «Что случилось?» — выдохнула Силиня и тут же изменилась в лице. Но моя Валя не ответила, не в силах была вымолвить слово. Анита все поняла. Она побежала к дому, возле которого уже собрались люди. Заметив ее, они молча расступились... Она почувствовала, что лежащий на полу неподвижный человек, накрытый покрывалом, — Карлис, ее муж. Янис Стрельч пытался ее удержать, но Анита оттолкнула его, упала на колени и сорвала покрывало. Обугленное и такое чужое тело предстало перед ее глазами. Она пыталась сдержать крик, но не смогла. Потом потеряла сознание, а кто-то рядом проговорил, что нельзя ей волноваться, ведь в положении она... За доктором надо послать...

Когда пришла в себя, она взяла в ладони черную руку

мужа. И больше уже не выпускала. Ее пытались увести, но она отталкивала людей. Кто-то пододвинул к ее губам стакан с водой.

Она искала воздух и не находила...

Я слушал Владимира и вспоминал свой прошлый приезд. Анита Силяня была славной, улыбчивой женщиной. Вчера я ее почти не узнал. Молчаливая, задумчивая, она опускала глаза и подолгу смотрела на пол, как бы пытаясь восстановить портрет мужа. Горе ее утихло. Родился сын, которого она в честь отца назвала Карлисом. После трагедии Анита уехала к матери в Латвию, но пробыла там недолго — ее тянуло в таежный поселок. Мать уговаривала остаться: дочери Эдите скоро в школу. Но Анита вернулась на БАМ.

Она подняла печальные глаза и задала вопрос:

— Что мне сыну сказать? Отец — пьяница! Сжег сам себя! Я одна двух детей воспитываю. Денежное пособие за смерть мужа не получаю. Да плевать на деньги, главное — его честное имя восстановить!

В поселковом совете меня встретили настороженно. Беседуя с представителями местной власти, я улавливал растерянность. У меня было достаточно информации, чтобы добиваться правды. Но здесь ее не добьешься, потому что честь конторы превыше всего. Да и дело удалось преподнести так, как удобно власти. А Москва восприняла сообщение с БАМа как официальную версию и не удосужилась перепроверить или хотя бы поручить это кому-либо сделать.

Я думал о тайнах человеческих судеб, о злом роке. Молодому парню, верившему в комсомол и честно выполнявшему его команды и оказавшемуся за десятки тысяч километров от дома, вот так найти свою смерть... И люди, управлявшие этими молодыми комсомольцами, вчерашними школьниками, творили свой суд, где такое понятие, как справедливость, они бесцеремонно бросали под новенькие шпалы магистрали. Москва приказала ускорить строительство БАМа! Стоит ли бравурное шествие из Сибири к берегам Тихого океана омрачать мелочными криминальными сообщениями!.. Проще все сгладить на свой лад. И бамовскому руководству хорошо, и Москве удобно!.. Я был уверен, что вряд ли достучусь до стен Кремля... Но есть мои зарубежные коллеги! Они и сейчас работают в пресс-поезде «Комсомольская правда». Им я выложу свою версию...

---

6. Испытание на прочность

Моя правая рука замерзала на льду. В схватке я потерял варежку, и сейчас почти не чувствую пальцев. Я сдвинул левой рукой волчий язык, и брешь между челюстями расширилась до предельных возможностей, куда я опустил онемевшую ладонь. Теперь обе руки покоились в пасти хищника. Он лишь вздрагивал и обволакивал мои руки теплой слюной. Я криво улыбнулся от мысли, что звериная пасть в таежных условиях служила мне радиатором.

В который уж раз на моем жизненном срезе помогли боксерские навыки!

Я мысленно благодарил тот дождливый осенний день 1955 года, когда мальчишкой с волнением приоткрыл дверь боксерского зала рижского спортивного общества «Спартак». Сквозь проем я увидел новый доселе неизвестный мне мир, полный какофонии звуков: от мощных ударов стонали увесистые мешки, у стены, захлебываясь, трещала пневматическая груша, свистяще разрезали воздух резиновые скакалки...

Я испуганно прикрыл дверь и в эту секунду получил мягкий пинок в зад. Резко обернулся и увидел озорные глаза крепкого стройного блондина.

— Подсматривать нельзя, — учительским тоном проговорил он.

— Я... я... Впрочем, — мои губы с трудом роняли слова. — Хочу записаться в секцию бокса...

— Интересная мысль, — съязвил он. — Не стесняйся — проходи в зал.

Сулейман Асанов был не только прекрасным боксером, но и неплохим актером. Теплым голосом и мягкими ласкающими манерами он завлек меня к рингу и официально заявил:

— Товарищи боксеры, в нашем полку прибыло, — и, давась собственным смехом, добавил: — Парень желает приобрести новую профессию. Придется ему сдать экзамен на прочность...

Я ничего не понял, но на всякий случай кивнул головой. К моему несчастью, в этот день в зале не было тренера, об этом я узнал уже потом.

— Алик! — бросил Сулейман невысокому коренастому пареньку, очень похожему на мексиканца. — Отведи товарища в раздевалку...

Непослушными руками я стянул с себя одежду, остава-

ясь в майке, и сомнамбулически последовал за провожаемым. Очнулся уже за канатами ринга, где Асанов старательно наплевывал на мои худющие ладони боксерские перчатки. Потом вытолкнул на середину ринга, где с охотничьим блеском в глазах меня поджидал боксер-разрядник Алик Тереньтев. Я растеряно топтался, пытаюсь осмыслить происходящее, но мощный удар в лоб смешал мои мысли в клубок, распутать который я уже был не в состоянии. Перчатки мне явно мешали дать обидчику приличную оплеуху, и только тут я понял, что надо ему врезать промеж глаз обычным человеческим кулаком. Я по-деревенски размахнулся, но тут же получил удар по печени — будто кто-то туда заронил пылающий окурок... От резкой боли я взвыл, метнулся к обидчику и успел укунить его за шею. Теперь уже остервенел Алик Тереньтев и проявил ярую жестокость, всадив в мое обмякшее тело серию жестких ударов. Почему-то я поначалу считал удары, как будто это было так важно. Потом в глазах помутнело, правый кулак «экзаменатора» сложил мое тело пополам, и я пришел в себя уже на полу...

Мне любезно дали отдышаться, и вновь прозвучала смертельная команда «бокс». От безуспешного вибрирования кулаками я настолько устал, что готов был рухнуть на брезент и вцепиться в него зубами, лишь бы не принимать вертикальное положение... Левый глаз заплаыл, губы кровоточили, печень горела, будто ее поджаривали на медленном огне...

Откуда-то издалека донеслись слова моего спасителя:
— Сулейман, кончай спектакль. А то по пятерке придется сбрасываться на венок...

Спас меня тяжеловес Ваня Ульянов, восходящая звезда латвийского ринга того времени. Я на четвереньках выполз из-под каната и уперся лбом в зеркало. Все стены боксерского зала были в зеркалах. И я очень пожалел, что увидел свое отражение. Лицо напоминало географическую карту с раструбами озер и прожилками рек, пиками гор и желтизной пустыни...

Два новоиспеченных моих друга — спартаковцы Володя Гордин и Саша Гофрат, любезно погрузили меня в трамвайный вагон, старательно усадили, предупредив кондуктора, что я, мол, не пьян, а попросту случайно угодил под бульдозер. Боксеры вежливо попросили ее на остановке «Станция «Засулаукс» сообщить мне о прибытии в родные места... Прощаясь, я услышал горячий шепот: «Все

мы через это прошли. Покажи характер, парень, и появись. Больше бить не будут».

Мое крещение на боксерском ринге вызвало бурю восторга у друзей, испуг сестер и задумчиво-сердитый взгляд матери, которая, кстати, не стала мне угрожать запретами.

Следующий день был, пожалуй, самым трудным в моем пятнадцатилетнем существовании на этом свете. С большим трудом я переборол себя и приковылял в боксерский зал. Тренер Фрицис Кирсис, прекраснейший педагог и великолепный человек, внимательно осмотрел мои ссадины, подбодрил меня теплой улыбкой, укоризненно посмотрел на моих экзаменаторов и показал мне боксерскую стойку. Асанов и Терентьев делали вид, что они тут ни при чем, и старательно околачивали груши...

Так началась моя спортивная жизнь. А уже через год я, Ваня Ульянов и Алик Терентьев в литовском городе Паневежисе стали чемпионами Прибалтики по боксу среди юношей.

По-разному сложилась судьба тогдашних спартаковцев: Алика Терентьева зарезали во время уличной драки, Сулейман Асанов погиб в автокатастрофе, многие оказались за тюремной решеткой и лишь Ваня Ульянов успешно окончил Рижский политехнический институт и стал инженером. А мой первый тренер Фрицис Кирсис защитил диссертацию и возглавил спортивную кафедру Рижского медицинского института...

7. Талисман

Я тряхнул головой, пытаюсь отбросить воспоминания, и вскрикнул от боли — ледок успел прихватить мои волосы.

Рядом мерцали раскосые глаза. В них не было страха. Впрочем, и я в эту минуту ничуть не боялся хищника. Я разлепил промерзшие губы и вслух заговорил, обращаясь к самому себе:

— Итак, приятель, ты прилично влип. Смерть — в сантиметрах от тебя... Дрогнут пальцы, выскользнет язык зверюги — тебе крышка... Зимой обычно волки охотятся стаями. Значит, помощники могут в любую минуту нагрянуть... А что делать?! Выход один: подниматься и шагать вместе с тушей килограммов под пятьдесят. Придется ее волочить до ближайшего огонька... А где он, этот огонек?!

С трудом поднялся на ноги и заковылял по тропе, волоча за собой волчье тело. Все не так страшно, утешал я себя, вдвоем гулять по тайге даже веселее. Вдруг мне захотелось узнать, какого пола это мохнатое существо. Я вспомнил о фонарике, которым почти не пользовался — берег батареи. Нашупав в кармане металлический цилиндр, сдвинул кнопку включателя. Лучик света выхватил красноватые соски... Понятно, усмехнулся я, — волчица.

Вылетая из Риги, я даже в кошмарном сне не мог предположить, что проведу ночь с волчицей. Я замер от удивления и внимательно смотрел в зеленоватые глаза пленницы... Передо мной вдруг всплыли другие глаза, огромные темные, подернутые легкой печалью. Глаза любимого человека.

Я увидел ее на пляже в Буддури. Она медленно шла, поглядывая на белесые гребни волн, которые надувались, шумно накатывались на берег, чмокали песчаную кромку, оставляя коралловые водоросли. Девушка грациозно нагибалась, поднимала морское растение, внимательно разглядывала... Спина у нее была прямая, даже чуть выгнутая, как у гимнастки. А чтобы измерить талию, хватило бы, казалось, одной моей пяди. Она светилась, как тонкая церковная свеча.

Фею звали Зинтой, и она занималась спортивными танцами, а такие понятия, как красота и стройность, были квинтэссенцией этого вида спорта.

Мы познакомились в июне, встречались не так часто, ибо репортерские будни уносили меня в разные концы света, отодвигая личную жизнь на второй план. И каково было мое удивление, когда в зале аэровокзала в столь ранний час я вдруг увидел Зинту. В светлой дубленке, она стояла чуть растерянная, а в ее глазах — мешанина тревоги и надежды одновременно.

— Ты что здесь делаешь? — начал я с банальной фразы, настолько банальной, что самому стало стыдно.

— Решила тебя проводить, — смущенно улыбнулась она. — Дома сказали, что ты уезжаешь на БАМ... На твой тайный отъезд я среагировала по-бабски: в пять утра поймала такси и вот я здесь...

— Ты сотворила подвиг, — заметил я, стараясь шутливой интонацией внушить самому себе беззаботность, подавить глухое волнение и мгновенно возникшее тревожное томление, словно предчувствие близкой беды.

Вдруг в ее глазах под густыми бровями появился испуг. Она опустилась на скамейку. Длинные ее пальцы забежали по пуговицам дубленки, суетливо и неловко, будто по чужой одежде скакали.

— Значит, Сибирь, — не поднимая головы, тихо проговорила она. — Там, наверное, холодно...

И я вдруг уловил в ее глазах не настороженность и отчуждение, а самую настоящую боль. От этого взгляда в моих коленях появилась мелкая противная дрожь. Не знаю почему, но страх вдруг удавкой перехватил горло, в голове истерическим повтором забился вопрос: «Куда тебя несет?! В прошлую поездку грузовик перевернулся, и я чудом остался жив. Нельзя же все время играть в прятки с опасностью!»

Зинта положила руку на мое плечо и шепнула:

— Я так боюсь в этот раз... Непонятная сила разбудила меня в три ночи. Таинственный голос шептал мне об опасности...

Теплый край ладони коснулся моей шеи, и я почувствовал, как дрожат ее пальцы и как дрожь передается мне.

— Все будет нормально, — сказал я и взял ее за другую руку, снизу вверх заглянул в испуганные глаза.

— Дай Бог! — шепнула она и протянула мне медальон. — Он будет твоим ангелом-хранителем.

В эту минуту объявили посадку, я заспешил к выходу, оглядываясь и стараясь запечатлеть бледное лицо, растерянность и слезы в глазах.

8. Луп-гару

Сейчас в моей голове словно проявлялась пленка, и на фоне хмурого ельника и застывших от холода звезд всплыли ее глаза, тонкие губы, что-то шептавшие мне...

Я опустил голову и наткнулся на другие глаза, змеино-слезливые, смотрящие на меня отчужденно. Вдруг по моему телу будто прошел электрический заряд — на месте ли талисман! Не потерял ли я дорогую мне вещь в схватке! Забыв об опасности, выдернул правую руку из пасти и стал лихорадочно шарить под овчиной. Теплая волна прошла по телу, когда пальцы нащупали ее вещицу.

Тихое рычание вернуло меня к действительности, и я зашагал еще быстрее.

— Черт тебя дернул, зверюга, — бормотал я, — напасть

на человека. Гуляла бы себе спокойно... А теперь, видишь, неудобства и тебе и мне...

Я остановился, перевел дух и взглянул на пленницу.

Казалось, волчица слушала меня и пыталась осмыслить сказанное.

— Дурочка, — улыбнулся я, — можно было бы тебя отпустить, но ты ведь тут же перегрызешь мне глотку!.. Впрочем, твой хахаль так и поступит, если обнаружит нас. А может, ты, на мое счастье, разведенная?..

Из прочитанного я пытался вспомнить, что происходит с волчьей парой, когда одной из особей надоест супружеская жизнь. Так же они разбегаются в разные стороны, как люди? На этот вопрос я не находил ответа и на душе становилось мутно от мысли, что вот-вот из-за гильчатой стены появится «ромео» с мощными клыками...

Я внимательно прощупал взглядом ельник. Вроде бы спокойно. Над зигзагом мохнатых вершин клубилось марево, сквозь которое пробивались крупные звезды. А бледная луна навеивала такую тоску, что самому хотелось упасть на четвереньки и повыть на нее. И чтобы отвлечься от гнетущей картины сибирской морозной ночи, я решил опять поговорить с волчицей.

— Знаешь, подружка, — шепелявил я замерзшими губами, — с твоим «ромео», если он сунется сюда, я поступлю точно так же, как и с тобой. Я воткну ему в глотку свой кулак, потом перехвачу язык, и вы оба окажетесь моими пленниками... И будем существовать втроем. Как изысканная француженка Полина Виардо, например, ее муж и русский писатель Тургенев...

От этого сравнения нервический смех выплеснулся из моей гортани. Не смех, а какое-то кудахтанье. Потом я почувствовал комок в горле и прикусил губу — стыдно лить слезы в присутствии волчицы. Как-никак, а живой свидетель моей слабости.

В ее глазах, казалось, появилось что-то похожее на страдание. Я мысленно отсек лохматое туловище, пасть и оставил только глаза... Поразительно! Они ничем не отличались от человеческих. И тут в моей голове молнией пронеслась мысль: а что если эта волчица — оборотень?! Этим можно объяснить ее одиночное бродяжничество. И тут память вернула мне кадры из прошлогодней поездки на БАМ.

Иностранные журналисты, аккредитованные в СССР, рвались в Забайкалье, чтобы своими глазами увидеть, как

же прокладывается фантастическая магистраль сквозь тайгу и горные перевалы? Но чины, курирующие стройку века, зарубежных корреспондентов туда не пускали. Под давлением международной общественности и иностранной прессы в отделе пропаганды ЦК комсомола решили приоткрыть занавес загадочной таежной эпопеи под коротким и многозначительным названием БАМ. Так на иркутской железной дороге появились свежеекрашенные вагоны с броской надписью «пресс-поезд Комсомольская правда», который курсировал по уже проложенному пути от Нижнеангарска и до только что принятой в эксплуатацию станции Чара. Здесь, в комфортабельных условиях, работали иностранные журналисты.

В прошлом году и я работал в этом пресс-центре на колесах.

Состав медленно катился по новеньким рельсам. Вагоны сбивались с привычного ритма на стыках, с грохотом здоровались с заиндепевшими пролетами свеженьких мостов. В купейных вагонах работали журналисты из четырнадцати стран, и я был единственным советским корреспондентом. Удобства для нас были созданы идеальные — шеф-повар из московского ресторана «Прага» заботился о наших желудках, вертолетом доставлялась свежая пресса, а глава отдела пропаганды ЦК комсомола вежливо и настырно предлагал информацию, которая, на взгляд Москвы, «довольно точно» отражала дух и характер покорителей Сибири, а жесткая цензура вычеркивала из наших материалов всю правду о стройке века.

Как-то в Северобайкальске в пресс-поезд подсел легенда советской журналистики Василий Песков. Я с ним был знаком со студенческой скамьи, когда по его книге «Шаги по росе» писал курсовую работу. Позже, добывая свой репортерский хлеб, мы встречались то на Крайнем Севере или в глубинке Урала, на Камчатке или на живописных озерах Карелии, словом, там, куда забрасывала нас журналистская судьба.

На БАМ он приехал вместе с космонавтом, известным хоккеистом и прославленной певицей. Все они отсыпались после бурно проведенного застолья в таежном клубе, а мы с Василием сидели в вагоне-ресторане, пили кофе и обменивались информацией с братьями по перу. Французский журналист взглянул в окно и воскликнул:

— Смотрите, господа!

На скале, в свете заходящего солнца, мы увидели волка, с любопытством смотревшего на наш поезд.

— В этих краях, — заметил Песков, — звери непуганые. Пока обошла их человеческая жестокость. Вот и этот волк смотрит на нас миролюбиво...

— Это не волк, а луп-гару, — уверенно проговорил мсье Лорен из французской газеты и, поймав мой недоуменный взгляд, пояснил: — Так в нашей стране называют людей, которые превращаются в волков. Оборотни по-русски. Французы в существование оборотней верят с древности. По-моему, в шестнадцатом веке эта проблема была настолько актуальна для Франции, что парламент принял закон о повсеместном истреблении луп-гару, то есть оборотней... Вера в ликантропию у нас настолько сильна, что даже сегодня крестьяне в темное время боятся выходить из дому, дабы не встретить луп-гару...

— А в моей стране, — вмешался немецкий коллега Ганс Торец, — в декабре из уст бауэра клещами не вытянешь слово «волк». Он считает, что это слово провоцирует нападение на них оборотней. И сегодня это табу на роковое слово сохраняется...

— Вы, немцы, всегда были трусливы и беспомощны, — перебил его поляк Марек Валяцкий и ехидно улыбнулся.

Все добродушие слетело с лица Ганса, он сидел, сжав зубы, а стиснутый до белизны кулак нервно постукивал по краю столика. Ганс залился краской, его большие синеватые глаза подернулись злыми искорками.

Напряженную обстановку разрядил Вася Песков.

— Кстати, — заметил он, улыбаясь, — великий греческий историк Геродот писал об оборотнях, называя их «неури». Он в своих работах утверждал, что подобные люди несколько дней в году существовали в облике волка...

Я слушал коллег и вспомнил свои командировки в глухие российские места, где крестьяне с наступлением темноты запирают окна и двери и накладывают на ставни охранные знаки. «Да-да, парень, — с полной серьезностью заметил как-то один старичок, — без креста на ночь нельзя. Выложу крест — душа спокойна. Оборотень не появится, эт-т-т точно... Ведь он как? Днем — красавица или видный хуторянин, а ночью — бац, волком обернется и загрызет любого, кто охранный знак не поставил...»

— Уважаемые коллеги, — продолжал мэтр журналистики, — я пару месяцев назад был в Старой Ладоге. На окраине этого древнего русского городка ведутся архео-

логические раскопки. Оттуда мне позвонил один знакомый археолог, дескать, приезжай срочно, тут мы зверя нашли необычного. Меня, как ведущего передачи о животных на Центральном телевидении, конечно же, сообщение заинтересовало, и я на редакционной машине помчался в этот городок. Там действительно меня ожидала сенсационная находка — обезображенный человеческий скелет с неестественно вытянутым, почти собачьим черепом. Необычный труп был старательно завален огромными камнями, а между ребер торчал окаменевший обломок осинового кола. Полюбоваться уникальной биологической находкой приехали самые именитые ученые. Ни один из них не смог внятно ответить на мой простой вопрос: человек это или волк? Один профессор-зоолог, смущаясь, констатировал, что странная находка относится к природе псовых с характерными волчьими чертами... «То есть оборотень?» — поинтересовался я. — «Вроде бы, — промямлил ученый муж. — Внешность подтверждает вашу мысль... Нужны тщательные исследования, чтобы окончательно ответить на этот вопрос». Вопрос так и остался открытым. Мне не разрешили об этом рассказать зрителям и для газеты запретили писать...

9. Кто ты, подружка?!

И вот сейчас, в безлюдной тайге, я вдруг точно, во всех деталях, вспомнил тот купейный разговор на волчью тему и стал проследживать цепочку странных совпадений. Первую картину моего раннего детства, которая запечатлелась в памяти пятилетнего ребенка, — это овчарка и важное замечание деда. В первый приезд на БАМ — заочная встреча со зверем из окна поезда. Потом долгий разговор о волколаках. И вот теперь — встреча реальная... Следует определить: действительно ли моя пленница является оборотнем, луп-гару, неури или как там еще называют ту животину!

Я стал внимательно рассматривать морду, вспоминая информацию моего давнего знакомого Василия Пескова. Он, кажется, говорил, что оборотня можно распознать по форме глаз, оскалу, манере бега... Но для этого надо быть зоологом... Один факт очевиден: волчица-одиночка — вполне могла быть оборотнем... Это вселяет надежду, грустно усмехнулся я, в любой момент она может приобрести человеческий облик и превратиться в смазливую жен-

щину. Правда, этому перевоплощению может помешать сдавленный мною язык...

Я остановился, потряс головой, пытаюсь избавиться от глупых мыслей.

— Ну, какой ты оборотень! — сплюнул я. — Обычная хищница!.. Хотелось бы, чтобы ты превратилась в симпатичную даму! Вывела бы меня к человеческому жилью... Боже, я схожу с ума в этой таежной глухомани...

Ладонь, в которой покоился звериный язык, почти онемела. Я остановился, отдышался и с предельной осторожностью поменял руки. Тут в голову пришли лермонтовские строчки: «...и в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть свое оружие...». Я стал шарить глазами в поисках сука или чего-то похожего на него. Но видел лишь чистую искристо-вафельную колею, снежные сугробы и тревожные глаза пленницы.

— В твою глотку воткнуть нечего, — вздохнул я. — Придется волочь дальше... Возможно, ей перегрызть горло собственными зубами?..

Я тут же отмел эту мысль, вспомнив о своих растерянных на различных рингах зубах и шатком протезе с золотыми коронками, которым, конечно же, не перекусить толстую волчью шкуру...

Меня все больше и больше занимала мысль о том, что моя пленница могла быть оборотнем. Обычно волки зимой охотятся стаями по пять-десять особей. Иногда промышляют парой... А тут — волчица-одиночка!.. Опять в моем затылке застучали болезненные молоточки, а по спине пробежали холодные мурашки. Я остановился и уставился на волчью морду... Меня вдруг поразили ее глаза, очень похожие на человеческие — зеленоватые с настороженными зрачками. Я был уверен, что в жизни не один раз видел похожие глаза у людей.

— Кто ты, подружка, — мягко вскрикнул я, — человек-волк? Или по-научному вас, сударыня, называют волколаками... На всякий случай поставлю охранный знак, как немецкие бауэры или французские крестьяне.

Я растерянно топтался, пытаюсь вспомнить подобный знак, но ничего кроме креста на ум не пришло. На всякий случай перекрестился сам и пальцем провел условный знак на лбу волчицы. Как мне показалось, глаза ее дрогнули и беспокойно забегали.

— Значит, ты оборотень! — констатировал я. — Значит, можешь в любую секунду принять облик красавицы...

Впрочем, пока я скрутил твой язык, ты вряд ли перевоплотишься... Конечно же, с натуральной дамой куда приятнее гулять в тайге, чем с вонючей псиной!..

Я вслух выкладывал свои мысли, отчего пугался все больше и больше. Я превращался в полудикого крестьянина, для которого такое понятие, как научно-технический прогресс, сводится к телевизору и не более.

Лес расступился, и колея пошла в гору. Теперь мириады звезд и луна искорками отсвечивали на затянутых инеем кронах редких елей. Природа застыла, загипнотизированная лютой стужей. И на фоне хрустальной ночи моя тень с растянутой ношей напоминала чем-то Христа, несущего свой крест...

Я почувствовал себя маленьким, растерянным перед грозной таежной круговертью. Пространство и время смешались, подчеркивая мою ничтожность в этих нескончаемых просторах хребтового края.

В этот вечер я впервые пожалел о том, что поехал на БАМ. Забайкальские хребты казались мне слишком негостеприимными и даже жестокими, а трудности пути, поджидавшие меня впереди, почти непреодолимыми. Проклиная тягу к репортерской романтике, собственную глупость, я с трудом карабкался по ледово-вафельной тропе. И ночь, звездно-холодная, скрутила меня своими ледяными путами, как живое враждебное существо. Я замерзал, и лишь тепло, излучаемое моим врагом, пока согревало меня. И чем выше я шел, тем заметнее слабели ноги, и мне казалось, что проще умереть здесь, на этом горном склоне, чем шагать в неопределенное.

— Ноги отваливаются, — пролепетал я непослушным языком, чувствуя, как страх постепенно переходит в парализующий ужас. — Отдаю Богу душу.

Неодолимая сила рвет меня вниз, ноги подкашиваются, небо опрокидывается, и мир начинает бешено вращаться. Вздохнуть невозможно, я ослеп и оглох и лечу в никуда. Последняя мысль — лишь бы не выпустить волчий язык...

Красное, черное, зеленое, синее в глазах...

Темнота раздвинулась, и я вдруг четко и ясно увидел лицо Зинты, ее огромные темные с искринками глаза и губы, ронявшие слова: «Грей руки у моего талисмана. Он спасет тебя... До встречи, милый...»

Непослушными пальцами я стал шарить под свитером, нащупал медальон, сжал его и будто черпнул невидимую

волшебную силу... Пелена перед глазами рассеялась, и я увидел звезды, лохматые, яркие. Окружающее еще не обрело четкость, в ушах звенело, к горлу подступала тошнота. Это мелочи — с этим я справлюсь. Глубокий вздох, как при нокдауне, задержка дыхания, выдох — мне уже лучше. И в подтверждение этому совсем рядом я услышал хрип живого существа.

Пока я лежал, мое лицо покрылось инеем. Первая мысль была засунуть щеки в теплую волчью пасть вместо ладоней и отогреться. Пальцами я сгреб с звериного языка теплую слюну и этой слизью протер лицо. Потом вспомнил о плоской фляжке, которую я часто брал с собой, отправляясь в суровые края. Зубами отвинтил крышку, хлебнул глоток, и приятное тепло разлилось по телу.

А что, если влить остаток коньяка в пасть волчицы? Эта мысль заставила меня остановиться. Да, ответил я сам себе, неизвестно какой фортель выкинет опьяневшее животное?! Тут рисковать нельзя! Да и коньяк жалко вливать в эту волчью глотку. Спиртного осталось совсем мало... Тут не до экспериментов...

Мозг работал, предлагая варианты избавления от непредвиденного одушевленного груза. Я вспомнил рассказ одного зека, которому на тюремных нарах вышиб глаз маленький старичок-рецидивист. Боль была такая, что он залился звериным воплем, забыв об обидчике.

Я зубами содрал варежку, залез в карман и нащупал перочинный ножик, зубами оттянул лезвие... В свете луны оно искрилось, вливая в мое усталое тело надежду... Я сжал рукоятку, развернул волчью морду и увидел глаза... Нет, они не молили о пощаде, они смотрели на меня так, как смотрят святые с древних икон... Я занес лезвие над головой, но оно застыло в воздухе, заморозилось вместе с окоченевшими пальцами... Я поймал себя на мысли, что не могу воткнуть металл в живой, хоть и звериный, глаз. И в то же время я знал, что волчица меня, если что, не пощадит. Неужели я стал таким идиотом, проявляя жалость к врагу накануне собственной смерти!.. Человек перед гибелью проявляет потрясающую находчивость, лишь бы поразить врага. Любым методом... Появилась реальная возможность спасти себя, выколов волчице глаза, а я проявляю мягкотелость?! Значит, я отказываюсь от коварного удара, предпочитая собственную смерть...

Я выражал свои мысли вслух и чувствовал, что волчица внимательно слушает меня — видел это по ее глазам. Без-

различие в зверином взгляде исчезло и появилось что-то похожее на благодарность... Я захохотал, потом заплакал, опустил ножик в карман и опустил в пасть замерзшую ладонь. Я плакал, проклиная свое бессилие... На ринге я проявлял жесткость, нещадно колотил соперника, вливая в каждый удар предельную злость. А тут, перед лицом смерти, дрогнул, как сосунок, трусливо замер... Боже, в какого хлюпика я превратился?!

Удивительный парадокс в экстремальной ситуации поразила меня настолько, что я упал на колени, потом опустил голову, прижался лицом к теплому мохнатому телу, как когда-то в детстве прижимался к заботливым материнским рукам, и лежал долго, ошарашенный этим открытием...

Волчица словно понимала меня, лежала, не шевелясь, как бы позволяя человеку хоть на мгновение сомкнуть глаза. На миг звезды стали меняться местами, и я провалился в сон... В забытие усталый мозг беззвучно шептал лишь одно: не выпускать язык. И где-то там, в извилинах усталого мозга проплывал смутный ответ: а ведь волчица ничего не предпринимает для своего освобождения. Но это лишь маневр... И тогда почти нечеловеческим усилием воли заставил себя подчиниться. И в эту секунду где-то внизу мелькнул лучик света. Я не верил своим глазам, всматриваясь в темноту. Два желтых пятна то пропадали, то опять появлялись... Реальность или галлюцинация? Я протер глаз — лучик покачивался и увеличивался... Кажется, я уже не существовал, и этот свет проходил сквозь меня, не встречая сопротивления. Мною овладело чувство полной отстраненности от всего того, что происходило там, вдалеке. Я верил и не верил случаю. Из оцепенения меня вывел тихий стон. Я посмотрел на волчицу и вдруг понял, что это ее предсмертный стон. Глаза зверя превратились в щели, вся она дрожала. И тут меня поразило открытие — люди, которые едут сюда, наверняка убьют ее!.. Решение пришло мгновенно, словно о нем мне шепнул сам Бог: я расцепил пальцы и освободил язык. Глаза волчицы расширились... Она вяло попыталась встать на ноги, но тут же падала.

— Беги, подружка, — хрипел я, — спасайся. Спасайся. Они тебя пристрелят!

Забыв об опасности, об инстинкте хищника, потеряв всякий контроль, я припал на колени и стал подталкивать обессиленное и отощавшее тело к склону горы. По-

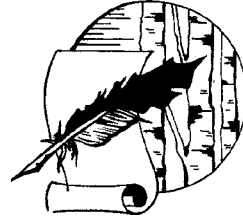
том резким движением отправил его по крутому спуску. Волчица, совершив несколько кульбитов, вдруг вскочила на ноги, словно вдохнула целебный нектар. Совершив два прыжка, она остановилась и долго смотрела в мою сторону.

Я с непонятным чувством смотрел на уходящую в темноту хищницу, с которой провел ночь в этой таежной глухомани. Из этой растерянности меня вывел длинный гудок вездехода.

*Байкало-Амурская магистраль.
1980 год.*

ПОЭЗИЯ

Владимир ШУВАЕВ

ЭТА ВЕЧНАЯ ДАЛЬ

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА

По большому ни с кем не спорила,
Погасив маяки огней,
Отшумела, уйдя в историю,
Атлантида советских дней...

И хотел бы я, не хотел бы я,
Никого совсем не виня,
В этой бездне, покрывшись стеблями,
Затонула и часть меня.

Толща вод над твоими башнями.
С каждым годом вода темней.
Но нет-нет, да и тронет за душу
Дальний отсвет твоих огней!

Пусть развеяны твои истины
И затерты слова идей —
Помню лица, такие чистые
Бескорыстных твоих детей...

ЭЛЕКТОРАТ

Снова выборный блеф и пустая морока.
Новых грез листопад.
Это родина — снега, Чайковского, Блока?
Это Электрат!
Не Россия, а место каких-то мутантов.
Разве это страна?
Жизнь людская — дороже дворцов, бриллиантов,
А — копейка цена!

Всюду пляшут, ловчат, угрожают терактом,
Ворожат на воде.
Всюду пахнет монетой и жареным фактом,
Человеком — нигде.
И лежит он в бомжовом своем обрамленье,
И вокруг никого.
И собака в природном своем преклоненье
Лижет лоб у него.

РОССИЯ

Ветер за Волгой. Да дедовский крест.
Привкус Отечества — кровный!
Медленно сходит леоновский лес
На инвалиютные бревна.

Вот она — Родина! Храм на крови!
Прошное спит в половицах.
Дешево проданы слезы твои...
Но весела — продавщица!

Ночью в Царицыне, в Нижнем, в Твери —
Что тебе, древняя, снится?
Многострадальные дети твои...
Чистые, честные лица...

Мир обогрела собольим теплом!
А у себя в околотке
Нищие мерзнут за каждым углом,
Бедствуют в каждой «хрущевке».

Образ тщетой покрывается твой.
Истины вышли из моды.
Долго ль ходить тебе черной вдовой
При не умершем народе?

Долго ли надобно ждать и страдать
Тем, что не впали в химеры?
Кто не забыл еще русскую мать,
Кровную русскую веру?!

Песня звучит над осенним селом!
Значит, на празднике снова

Всех отогреешь последним теплом,
Чистым и истинным словом...

Счастья не будет. Зови — не зови.
Но в обреченности нашей —
Есть совершенная правда любви:
Холод и голод — не страшен!

ИНФЛЯЦИЯ

А вокруг: инфляция и осень.
Каждый — коммерсант, кого ни спросишь.
А вокруг: тоска и зоосад.
Два дебила — третьего растят.
Что тебе советовать — не знаю.
Я и сам всего не понимаю.
Я и сам — во сне и наяву —
Лишь одной надеждою живу.
Я живу надеждою и знаю,
Что в дешевых пьесах — не играю.
Кабаком и бабой — не куплюсь,
И чужим куском не подавлюсь.
Потому что в споре сам с собою
Я судьбу не называл игрою.
А по мере слова и стыда
Сам собой остался навсегда.

ИСТОРИЯ

Все в ней вечно... и пусто, и серо...
И все так же плывут облака.
В гильотинных глазах Робеспьера,
В современных глазах дурака.

Все, смирившись, легло под лопатой
Мертвым ценником дел и миров,
Перегноя и суперфосфата,
Перемолотых душ и умов.

И кружит по мирам Человека
Этот клеточный круговорот.
Вон душа из десятого века,
Словно облачко, в небе плывет.

Что ж незыблемо в этой Пустыне,
В этом мраке и в этой глуши?
Сквознячок предрассветный у тына...
Соловьиная свежесть души...

И еще, может, некая радость,
Что и я средь веков и лесов
Затерялся в бессмертном пространстве,
В горловинке песочных часов.

ТРОЙКА

«...Куда мчишься, Тройка-Русь?»

А в российском сырьевом придатке
В деревнях иконной красоты
Доживают верные солдатики,
Догнивают вечные кресты.

Довершает жизнь свои загадки.
И куда ни глянь, и там и тут
Правда с нищетой играют в прятки
И других потешиться зовут.

Ах, Россия!
Крах иль возрожденье?
Грустно Гоголь смотрит с облучка...
Души — не меняются, как деньги.
Их реформа — очень нелегка.

«СОВОК»

Это ветер эпохи гремит у помоек,
Это «новое мышление» в рамках петли,
Это русские люди никак не освоят
Инвалютную стоимость русской земли!

Это время трагедий идет на потоке,
На разбитых дорогах буксует страна...
Тяжелы и горьки для России уроки,
Но в такие моменты — дороже она!

Нас еще до рожденья крестили бедою:
Девятнадцать столетий — тоска да снега,
Все весной уносило высокой водою,
И Россия входила в свои берега.

Будем верить в нее!
Хоть и скудною мерой
Платит нашим надеждам родная земля,
Но на этой земле не оставлена Вера,
Не забыта тропа в Куликовы поля!

Эта вечная даль, что врагами не пройдена,
Где могилы великих стоят там и тут —
Для меня не «совок», а по-прежнему — Родина,
Как для Пушкина, Блока и тех, что придут...

Константин КОЛЕДИН

КОЛЬЦО ПЕРЕМЕН

* * *

Ночь прошла тиха и безуханна.
На поселке блекнут фонари.
Утро из прозрачного стакана
Пьет вино лучистое зари.

Облака, запряженные цугом,
Тянут солнца золотой возок.
Утро пахнет озером и лугом,
Солнце каплет медом на песок.

И, крепчая на шмелином гуде,
Не скопив в излишке ни рубля,
С древних пор затеяна на чуде
И на сказке Русская земля.

Чтобы пушки острова Буяна
Белый дым пускали в небеса.

Чтобы песни вешего Баяна
Охраняли наши голоса.

Чтобы сердце билось, как жар-птица,
Оброня перья на лету.
Чтобы умереть и вновь родиться
С золотой ложечкой во рту.

КОЛЬЦО ПЕРЕМЕН

Навалился свинцовый туман на пустые болота и гари.
Утки низкие криком кричат, покидая родное жильё.
Ну, уймись... Не стучи, словно колокол
на деревенском пожаре,
Непослушное сердце мое.

В яму тинную сходит налим, словно зная
о вышедшем сроке.
Зайцы летние шубки клоками оставят на голых кустах.
И к полудню растаявший иней блестит
на повядшей осоке
И дрожит на последних листьях.

Замыкая кольцо перемен, неотступная осень сурова.
Под холодной косою ветров побуревшие
травы слегли.
Чем тревожит тебя это небо, прощального
полное зова,
И таинственный шорох земли?

Ведь не вечно зима. Вновь вернется пора
поднебесного пенья.
И налимов поднимет со дна набежавшая
с поля вода.
И, быть может, лишь ты, не дождавшись весеннего
перерождения,
Не вернешься сюда никогда.

* * *

Последние годы такие коварные весны:
Ночные морозы, а после ветра и ветра.
Закаты студёные скалят кровавые десны,
И снова идет вкруговую — с утра до утра.

Но, забывая весны, зимы, лета,
Зыбучим, обжигающим песком,
Уже две тыщи лет из Назарета
Он к нам идет, как прежде, босиком.

Идет. И не доходит век за веком,
И клятвами исходит на крови.
Чтоб все уже познавшим человекам
Сказать о человеческой любви.

Борис ШАЛЬНЕВ

СВЕТЕЛ КРУГ

* * *

Молодые, падкие на шутки,
Вдруг с недоумением глядим:
Из прокуренной отцовской трубки
Навсегда уходит синий дым.

И тогда впервые станет тяжело,
И забеспокоимся тогда:
Вдруг над старой материнской чашкой
Сизый пар растает навсегда?..

ЗОРЯНА

Сквозь туман, сквозь сизый дым годов
Чувствую, как остро пахнет донник,
Слышу, как поет на сто ладов
Старомодный цинковый подойник.

Ситцевый в горошинку платок
Мать неторопливо поправляет.
— Потерпи, кормилица, чуток, —
Ласково буренку величает.

А Зорянка, важности полна,
Уронила длинные ресницы,
Сытная лесная сторона
В этот час закатный ей приснится.

Не одну поляну обошла,
Не одно болото исходила.
Семерых от голода спасла,
А своих телят — не сохранила...

* * *

Тоска в полях. Лесов печален лик.
Не ведала Россия злей напасти.
Как пес побитый, пятится мужик
И от детей голодных, и от власти.
И сколько отступать — не знает сам,
И нет просвета детям и лесам...

* * *

О, память сердца, —
Отчье село...
В избе голодной
От луны светло.

* * *

И Пасха, и святая Троица
Не зарастают трын-травой:
Душа на цыпочки становится,
Чтоб детский след приметить свой.

* * *

Боже, какие напасти
Всем поименно даны!
В юности — глупые страсти,
В старости — вещие сны.
Все различимей, горчимей
В неудержимости дней:
Ранние годы — любимей,
Поздние годы — родней...

* * *

Светел круг!
Другим не застя,
Не фальшивя звук, —
Сын — для чести,
Дочь — для счастья,
Для бессмертья — внук.

Владимир МОЛЧАНОВ

БЕЛАЯ ДОРОГА

* * *

И солнце в тучах не померкло,
И гром не грянул в небесах,
Когда в селе ломали церковь
У всей округи на глазах.

На битых стеклах гасли блики,
Старухи плакали, шепча.
Глядели свергнутые лики
Из-под обломков кирпича.

В глухом бору кричали птицы,
Как будто знали наперед,
Что с нами в будущем случится
И после нас произойдет...

* * *

Мрак за окном... Луны светильник...
То дождь, то снег, то гололед.
На подоконнике будильник
Напоминает: жизнь идет.

И ощущаю все острее
Я жизнь предчувствием грозы.

И с каждым годом все быстрее
Идут, мне кажется, часы.

«Тик-так, тик-так!» — будильник бьется,
Пружинист ход его и крут.
Все больше в прошлом остается,
Все меньше — будущих минут...

ПРЕДЗИМЬЕ

1

Еще и осень не простилась,
И над землей листва скользит,
Как снова, снова всей России
Зима метелями грозит.

И эти будущие бури
Уже бесчинствуют в груди,
Как предсказание, что будет
Большое что-то впереди.

2

И замело, и запуржило,
И закружилось все дружней,
Как будто лопнула пружина
Осенних листьев и дождей.

Потом внезапно тихо стало.
И над землею, как во сне,
Искрясь на солнце и блистая,
Спускался чистый, чистый снег.

И незаметно побелели
Лесные кряжи и холмы,
Хотя еще на самом деле
Пока что не было зимы...

* * *

Есть предрассветные часы,
Когда природа чутко дремлет,
И с листьев капельки росы
Скользят и падают на землю.

Есть предвечерняя пора,
Когда смолкает пенье птичьё,

Потом до самого утра
Царят молчанье и величье.

Но есть такой короткий миг,
Когда в зените солнце тает,
И бесконечность нив родных
За горизонт отодвигает.

РАССВЕТ

Редает мгла ночной прохлады,
Тускнеет звезд высокий свет,
А в глубь предутреннего сада
Неслышно движется рассвет.

Уж солнце, облака стреножив,
Уселось, словно на коня,
И, всю природу растревожив,
Вслед за собой зовет меня.

Уж листья сонно зашептались,
Вспорхнули птицы — посмотри!
А люди — шли, не удивлялись,
Шли мимо сада и зари...

* * *

Вдали не горы — гóрушки,
А на речном мыске
Утята чистят перышки
На беленьком брюшке.

Береговые линии
Кувшинками цветут,
Где в каждой белой лилии
Дюймовочки живут.

Стремглав лучи вершинные
Спешат к речному дну,
А стрелы камышинные
Взметнулись в вышину.

То робкая, то смелая,
От отчего крыльца
Бежит дорога белая
И нету ей конца...

* * *

Когда безлюдие кругом
И нет от боли средства,
Мое спасение — твой дом,
Который знаю с детства.

Пускай на улице темно,
Пускай прохладой тянет,
Я постучу в твоё окно,
И мир светлее станет.

И, глядя в утреннюю даль,
Увижу мимоходом,
Как пьёт колодезный журавль
Железным клювом воду...

* * *

Какая тишь... Какой простор!..
И горизонт — кольцом.
Светло молчит сосновый бор
Над Северским Донцом.

Не крикнет птица.
И пчела
В цветах не прожужжит.
Лишь от рыбацкого весла
Вода, искрясь, дрожит.

В душе я свято берегу
Начало всех начал:
И камыши на берегу,
И лодочный причал.

Когда вечерняя луна
Восходит, чтоб гореть,
Я верю — эта тишина
Не может умереть...

* * *

О, сколько дней без потрясений
Я жил, спокойствием дыша.
Но снова, снова мир осенний
Вбирают разум и душа.

И снова полон я сомнений,
И снова думаю не вдруг,
Что не могу без потрясений,
Без птиц, что тянутся на юг.

* * *

Еще недавно шли дожди,
И вот теперь — совсем иное:
Вконец измучившись от зноя,
Деревья листья подожгли.

Я меж осиновых стволов
Ищу оранжевые листья,
Чтобы потом читать, как письма,
В которых нет печальных слов.

И, слыша птиц осенних речь,
Слова которой непонятны,
Вдруг набреду на ту поляну,
Где так костры любил я жечь.

И вновь увижу вдалеке,
Где воздух памятью очищен,
То дорогое пепелище
И небо вечное в реке...

Раиса РОМАНОВА

РОССИЙСКАЯ БЕЗДНА

НИКОЛА ЗИМНИЙ

Декабрь возносит сахарные главы
По городам в окрестностях Москвы.
Волшебные урочища и травы
На окнах предвечерней синевы.

Святой Никола всходит на сугробы
И в деревенских валенках идет
Утишить волны зависти и злобы.
Но выюга распри вслед ему метет.

Она восстала от хребтов Кавказа,
Спеша на зов российских палачей.
Зеленоватым зраком хризопраза
Луна сверкает в бешенстве ночей.

Честной угодник! Хладную Россию
Спаси! Да не уронит головы!
И помощи вернуть нам честь и силу
Днесь, на виду планеты, средь Москвы!

* * *

Российская бездна погибших святынь...
Останки большого народа...
Храни себя, сердце, не сетуй, не стынь,
Не майся, как поп без прихода.

Да как же не маяться?! Что утолит
Тоску, и любовь, и тревогу?..
Ни ключ, чья вода уже не исцелит,
Ни поле, постылое Богу...

Ни лес, где не только не стало чудес, —
Но что ни урема — кладбище...
Ни город, где что ни жилище, — то бес
В луче голубеющем рыщет.

В груди для дыханья так много тепла.
Да мало под небом простора.
Ответь: добровольно ль ты в ночь с ним ушла,
Отчизна — наложница вора?!

ПОЛЕ

Над полем — лет несметных череда
И облаков безвестная гряда.
И отражает гневный лик Стрибога
Покойная до времени вода.

Река времен! Сей берег омой!
Несуетную песню напевай!
Не перепутай дел своих насущных:
Забвенью этот край не предавай!

Звучит степей высокая струна.
Ковыль да рожь — с рассвета до темна.
Простор. И в нем душа моя просторна
И мысль светла. В ней истина видна.

Здесь, на равнине, орды полегли,
Следы ливонца травы погребли,
Не одолел француз ее пределов.
Блицкриг затух в густой ее пыли.

Мы возрастали — бездны на краю.
Над нами не картавить воронью.
Пока трубят над полем ветер свободы,
С колен поднимем Родину свою!

*Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет
нашего давнего автора, замечательную поэтессу Раису
Александровну Романову с юбилеем. Мы желаем ей добрых
чувств, поэтических озарений и много светлых дней.*

Михаил АНТОНОВ

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

*(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)*

Глава 6. О НАЦИОНАЛЬНОМ ДОСТОИНСТВЕ ВЕЛИКОРОССОВ, РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ И РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Анализируя перспективы России в XXI веке, надо составить себе четкое представление о ее будущем государственном устройстве. А его нельзя установить произвольно.

История знает тысячи государств, существовавших на разных континентах нашей планеты. И сейчас членами ООН состоят почти 200 государств. И у каждого государства, если только это не чья-то марионетка, есть свое особенное лицо.

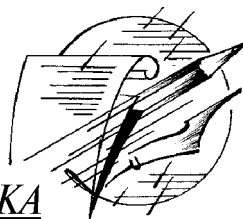
Вот Франция и Германия, две демократические республики, но насколько разны их государственное устройство!

Вот эти-то различия между государствами в решающей степени зависят от того невидимого и часто не учитываемого политиками элемента, который можно назвать ду-

---

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

хом народа. А дух народа определяет и национальный характер, и народный менталитет.

Народ — это не просто совокупность людей, проживающих на определенной территории. Их объединяют некие общие ценности, которые в старину считали религиозными. В наши дни им дают объяснения светского характера. Но вряд ли кто станет отрицать, что дух народов, например, православных, католических, протестантских, исламских и конфуцианских, существенно различен, и это отражается на их образе жизни, понятиях и нравах. Дух народа соединяет людей в народ и определяет собой «физиономию» государства.

О том, что такое государство, написаны тысячи книг, но коротко можно сказать: если дух оживляет тело народа, то государство образует для народного тела скелет и панцирь. Профессор Сергей Кара-Мурза отметил два разных взгляда на природу государства:

«В традиционном обществе (Сергей Георгиевич относит к ним и советское общество, на мой взгляд, ошибочно. — М.А.) государство — ипостась народа, выражение его воли и духа, оно создается «сверху», через откровение (Бога, революции, традиции). У гражданского (рыночного) общества государство — его служащий, прежде всего полицейский, защищающий собственность граждан от пролетариев и голодных орд «дикарей». Оно создается «снизу» — волей массы индивидов (тех, кого не отлучили от выборов цензами, апатией и наркотиками)» (Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М. 2002. Книга 1. С. 562).

Политолог Ксения Мяло, выступая на организованном «Литературной газетой» «круглом столе» «Все ли народы России равны?» («ЛГ», 2004, № 24), дала другое определение:

«Государство — высшая форма самоорганизации народа для решения проблем его исторической жизни».

В самом деле, если народ нашел себя, живет своими, а не заимствованными или навязанными чуждыми идеалами, то его государство крепкое, и национальное его достоинство на высоте. Если же народ «заблудился в эпохе» или его завели в исторический тупик собственные правители, то о настоящем государстве не приходится и говорить, а сам народ стоит на пути в никуда. И если такое состояние продолжается слишком долго, то либо страну спасет революция, которая приведет государственный строй в соответствие с духом и идеалами народа, либо

страна превращается в колонию другого государства или вообще исчезает с исторической арены.

Так каково же нынешнее российское государство, хранит ли русский народ свое национальное достоинство, каков наш национальный характер и кто же мы такие, русские?

Сущность проблемы

В одной из телевизионных передач (если не ошибаюсь, в программе Леонида Млечина «Особая папка» в конце 2000 или начале 2001 года) бывший министр иностранных дел СССР А.Бессмертных публично подтвердил факт, известный ранее только по слухам. Оказывается, президенты США, готовясь к встречам с советскими руководителями, получали от своих советников записки, в которых неизменно говорилось, что советские лидеры (находившиеся у власти после Сталина) страдают комплексом неполноценности. И это была несомненная правда. О каком же воспитании чувства национального достоинства можно говорить в стране, вожди которой сами этого достоинства не имеют!

Но откуда появился у нас этот неизживаемый комплекс? Это, можно сказать, болезнь наследственная. Русский человек в конце правления Романовых ощущал себя затравленным, почти незаконнорожденным ребенком, изгоем, ему с детских лет внушали школа и общественное мнение (то есть мнение интеллигенции), что Россия — это некое незаконное дитя, курьез истории, страна, где люди обречены мучиться и периодически проходить через бессмысленные кровавые потрясения. Напомню, что Петр Чаадаев в своем знаменитом первом «Философическом письме» прямо утверждал, что если у европейских народов первоначальный период истории был полон великих деяний и поэзии, то «у нас ничего этого нет. Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, — такова печальная история нашей юности... Мы растем, но не созреваем, движемся вперед, но по кривой линии, то есть по такой, которая не ведет к цели... мы не обладаем ни одним из достоинств, отличающих народы зрелые и высококультурные... И вот я спрашиваю вас, где наши мудрецы, где наши мыслители?.. Исторический опыт для

нас не существует, поколения и века протекли без пользы для нас... Одиноким в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его. Мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей, ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей Родины, ни одна великая истина не вышла из нашей среды. Мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь... И в общем мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять. Ныне же мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке. Я не могу вдоволь надивиться этой необычайной пустоте и обособленности нашего социального существования» (Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М. 1987. С. 37 — 42).

Это писал Чаадаев, человек высочайшей образованности, горячо переживавший судьбы и трагедию России. (Письмо Пушкина, не соглашавшегося с такой оценкой нашей истории, не было отправлено и долго оставалось неизвестным общественности.) Что же говорить о рядовых российских интеллигентах, о космополитизме которых, о незнании ими своей страны и о низкопоклонстве их перед Западом написаны тома и тома! Россия — страна, показывающая миру, как не следует жить! — вот суть их миропонимания, которое сначала, когда простой народ существовал вне истории, царило именно в среде «мозга нации» и в правительственных кругах, а затем, по мере распространения образованности, в ослабленном виде проникало в сознание и даже скорее в подсознание все более широких слоев народа.

Так и жил русский человек весь свой век с таким клеймом. Лучше всех это ощущение русских выразил наш замечательный (при всей его противоречивости) писатель и мыслитель Василий Розанов:

«У нас нет совсем **мечты своей родины**.

И на голом месте выросла космополитическая мечтательность.

У греков есть она. Была у римлян. У евреев есть.

У француза — «chere France», у англичан — «Старая Англия». У немцев — «наш старый Фриц».

Только у прошедшего русскую гимназию и университет — «проклятая Россия»...

У нас слово «отечество» узнается одновременно со словом «проклятие».

Посмотрите названия журналов: «Тарантул», «Оса». Целое издательство — «Скорпион»...

И все «жалят» Россию. «Как бы и куда ей запустить яда»...

Жалит ее немец. Жалит ее еврей. Жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол.

И в середине всех, распоясавшись, «сам русский» ступил сапожищем на лицо бабушки-Родины» (Розанов В.В. Соч. Т. 2. М. 1990. С 497 — 498).

Такое мироощущение насаждалось всей системой образования в романовской России. Тот же Розанов вспоминал: учился он в Костроме — ничего не знал об этом крае, даже о подвиге Ивана Сусанина. Учился в Симбирске — не знал ничего и об этой земле, не знал, куда и как протекает прелестная местная речка, любимица горожан — Свияга. Учился в Нижнем Новгороде — увлекался Боклем и до тошноты ненавидел «Минина и Пожарского» за то, что они не написали никакой великой книги вроде «Истории цивилизации в Англии». Потом университет. «У них была Реформация, а у нас нечесаный поп Аввакум». Там — римляне, у русских же — Чичиковы. Как же не взять бомбу, как не примкнуть к партии «ниспровержения существующего строя».

Разумеется, лучшие умы России выступали против этого засилья западничества в русской жизни, зная этой национально-освободительной войны поднял в литературе еще Пушкин, однако влияние этих гениев ощущалось больше в области художественного творчества, чем в общественной жизни. Суть мироощущения русской интеллигенции в предреволюционные годы Розанов, ссылаясь на произведения Д.Мережковского, выразил в одной фразе: «Честно мыслящий русский человек, и особенно если он писатель, не может не ненавидеть Россию».

В свете сказанного Октябрьскую революцию надо рассматривать не только как социальную, но и как национально-освободительную. В короткий исторический срок, буквально за несколько лет благодаря развязыванию народной инициативы разоренная Первой мировой и Гражданской войнами страна не только первой в Европе достигла довоенного уровня материального производства, но

и выдвинула множество талантов мировой величины и породила революционные идеи в различных областях творчества. Однако той идеологии, какой вдохновлялся авангард народа, были присущи не только очевидные достоинства, но и скрытые недостатки, которые со всей силой проявились лишь позднее.

С одной стороны, идея мировой революции, братства трудящихся всех стран обладала огромной притягательной силой, несла в себе заряд мессианства, без чего русских людей вряд ли можно было бы поднять на тяжелую и беспощадную борьбу и великие подвиги, ведь нас не привлечь обещанием прибавки заработка в пятак на рубль. С другой стороны, именно в силу этого русские люди, совершившие революцию и поднимавшие страну в первые годы Советской власти, воспринимали свою деятельность как созидание новой общественно-экономической формации, а не как строительство новой Русской цивилизации, которая служила бы контрцивилизацией по отношению к европейской цивилизации. Вера в то, что мы стали первопроходцами на пути к коммунизму, по которому со временем пойдут все другие народы планеты, как бы подразумевала, что мы должны быть первыми во всем, в том числе и в уровне жизни. Однако красноармейцы, вступившие освободителями трудящихся от гнета капитала в страны Балтии, увидели там не сплошную нищету, а переполненные полки магазинов и изобилие товаров без очередей, о чем еще приходилось только мечтать в Стране Советов. Известный советский разведчик Михаил Любимов вспоминал, какой идейный кризис он пережил, когда приехал на задание в Англию и столкнулся совсем не с оборванными работягами, а с материально обеспеченными людьми труда, к тому же считающими себя джентльменами. А ведь я помню, как на помощь бастующим и потому бедствующим английским братьям по классу собирали деньги советские рабочие по линии МОПРа — была такая Международная организация помощи революционерам.

Если бы мы своевременно поняли, что строим самобытную русскую советскую цивилизацию, то не стали бы надрываться в гонке с Западом по уровню жизни, сознавая, что количество штанов на душу населения — еще не показатель степени развития человека. «Да, — сказали бы мы людям Запада, — у вас каждая семья имеет автомобиль, и даже не один, но зато у нас чище жизнь, межче-

ловеческие отношения человечнее, более ухоженная страна, люди осваивают вершины мировой культуры, имея все возможности полностью раскрыть свои дарования, осуществить свое призвание в этом мире...»

Откровенно говоря, я и сам долго думал, что такой пример окажется заразительным для образованных людей Запада. Ведь писал же В.Г.Белинский, что он завидует внукам и правнукам, которым суждено видеть Россию 1940 года, стоящую во главе цивилизованного мира, дающую ему законы и принимающую благоговейную дань уважения от всех народов. Вот и мне казалось: придет западный бизнесмен в такой Советский Союз и, увидев там 170 миллионов творцов, среди которых — тысячи Пушкиных и Чайковских, Ломоносовых и Менделеевых, должен будет признать, что он, посвятивший свою жизнь наживе, по сравнению с нами прожил ее напрасно. И лишь общение с рядом деятелей Запада заставило меня взглянуть на дело иначе.

Во-первых, им совсем не интересны ни наши духовные ценности, ни достижения интеллекта, они свысока посматривали на нас, как бы спрашивая: «Если вы такие умные, то почему такие бедные?» Во-вторых, в разных цивилизациях различны критерии хорошего и плохого, создать такой строй жизни, который был бы идеальным для всех, принципиально невозможно. Отдельные интеллектуалы Запада, увидев, что наша страна находится на гребне мирового прогресса, могли, даже не принимая советского строя, проявлять к нам интерес и симпатии, и в 20-е годы XX века в разоренную, голодную и холодную Россию приезжали выдающиеся деятели культуры Европы и Америки. Но народы и власти Запада воспринимали нас иначе. И то, что мы сочли бы для себя вполне подходящим, людям Запада могло бы показаться чудовищным. И как тогда быть?

Тот же западный бизнесмен завопил бы: «Ноги моей не будет в этой стране, где «права человека» не признаются как нечто стоящее превыше всего!» И наш ответ должен был бы быть таким: «Да, у вас, возможно, четче организованы снабжение и бытовое обслуживание, уважаются любые, в том числе и самые безнравственные меньшинства, зато у нас есть то, что нам нужно: хозяйство ведется по плану, обеспечивается социальная справедливость, страна идет вперед семимильными шагами... Так что возвращайтесь в ваш капиталистический рай, а

мы пойдем своим путем!» В том, что диссиденты ернически пели «Зато мы делаем ракеты...», была большая доля правды, но это было осознано нами слишком поздно.

В связи с этим мне вспоминается один эпизод из собственной жизни. Кажется, в 1975 году я, долгое время не имевший возможности устроиться на работу после выхода из заключения, наконец был зачислен временно в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Уже не помню сейчас, по какому поводу тогда проводилась в печати широкая дискуссия, и я послал в ЦК КПСС письмо. В нем я писал, что преимущества Советского строя, социализма вообще заключаются вовсе не в более высоком уровне материального благосостояния, а в более высоком строе жизни, доступности духовных и культурных благ и творчества (точной формулировки сейчас припомнить не могу, но смысл передаю верно). Через некоторое время мне позвонил инструктор ЦК и, поблагодарив за письмо, сообщил, что эта идея была с восторгом принята не только в кругах, готовивших материалы для руководства КПСС, но и представителями коммунистических партий Запада. «Вам бы в Идеологическом отделе ЦК работать», — сказал он на прощание, а я думал о том, выгонят ли меня и с этой-то работы, какую временно получил. Позднее мне говорили, какой дождь всевозможных благ пролился на тех идеологов, которые бросились разрабатывать вновь открытую золотую жилу.

Непонимание сути цивилизационной революции, какую должна была бы осуществить наша страна, привело к кризису коммунистической идеологии. Советская элита все острее ощущала, что руководствуется устаревшими идеями и оказывается на обочине исторического процесса. Но революция, как говорится, подобна велосипеду, который либо движется вперед, либо лежит на боку, к стоянию на месте он не приспособлен. Из-за отставания идеологии в стране начался застой, и СССР распался, не выдержав гонки, в которую он втянулся зря, по недомыслию своих «верхов». А за неимением передовой идеологии вновь ожила идеология старая, перелицованная романовская, основанная на преклонении перед Западом (которое лишь укрепилось после фарса борьбы с космополитизмом в конце 40-х годов). Потому-то советским лидерам и был присущ тот самый комплекс неполноценности, о котором напоминали президентам США их со-

ветники. Российская элита и до сих пор лебезит перед Западом — как перед его общественным мнением, так и перед официальными властями. «А что подумают о нас на Западе, если мы...» (например, запретим проведение гей-парада в Москве, поступив вопреки их представлениям о «правах человека»)? И в этом — корень главных наших недостатков, бед и несчастий.

Не познав себя, нельзя найти себя — это справедливо как для отдельного человека, так и для народа. История России развивалась стихийно, вслепую, она нам неизвестна. Россия оказалась в худшем положении, чем Ирландия или Шотландия, которые после завоевания британцами потеряли свои языки. У нас язык сохранился, но украдена история. В ее изучении бывали озарения, подчас гениальные, но не было системы. А ныне для России настало время сознательного движения к высокой цели. И воспитание национального достоинства может быть успешным лишь на этом пути.

Но обратимся к заботам дня сегодняшнего.

В известном в свое время фильме «Мертвый сезон» герой определяет, что есть главное в профессии разведчика: это — чувство собственного достоинства. Строго говоря, оно должно бы быть главным и в любой сфере человеческой деятельности. Это можно обосновать и философски, и религиозно. Ведь человек — венец Божьего творения, одна человеческая душа для Господа дороже целой Вселенной. Человек, наделенный плотью и свободой воли, выше бесплотных ангелов, лишь выполняющих волю Бога. Не в меньшей мере, чем к отдельным людям, это относится и к народам. Так в какой же мере чувство национального достоинства присуще русским людям, гражданам России вообще и в данный конкретный исторический момент в особенности, и если оно сегодня недостаточно развито, то как можно его воспитать?

Ответ на данные вопросы важен не только для теоретиков, но и для власти. Ведь она будет чувствовать себя вполне прочной лишь в том случае, если поймет душу собственного народа и будет действовать соответственно народным чаяниям. Пока же и при Путине, сменившем Ельцина, жизнь большинства народа не улучшается, а у самых «низов» становится все труднее. А значит, реформы, проводимые новым руководством, пока оказываются такими же неэффективными, какими были реформы Гайдара, и так же отторгаются менталитетом нашего народа.

Но нашим государственным мужам и в голову не приходит, что в их политике и самом образе мыслей что-то не так, не отвечает ходу истории, духу народа.

Но в чем же заключается этот русский менталитет, эта загадочная русская душа, в спорах о которой поломано столько копий и в среде нашей интеллигенции, и зарубежными интеллектуалами? При всей разноголосице мнений на этот счет можно все же выделить две крайние точки зрения, как бы продолжающие в современных условиях известные идеи «славянофилов» («почвенников») и «западников» (либералов) позапрошлого века.

Отжившие авторитеты

Я с удивлением узнал, что в кругах нынешних радете-лей «русскости» большим авторитетом пользуется книга Н.О. Лосского «Характер русского народа» (Изд. «Посев». Франкфурт-на Майне. 1957). Ее автор, известный философ, был в 1922 году выслан большевиками из России и остаток жизни (а умер он в 1965 году в возрасте 94 лет) провел в эмиграции, не соприкасаясь с объектом своего исследования. (Да и до высылки он с ним имел мало точек соприкосновения.) И книга его — это собрание мнений русских и зарубежных авторов о русском человеке, подогнанных под излюбленную идею сочинителя, высказанную в первой же фразе: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием».

Своеобразной рецензией на писания такого рода можно считать мнение другого русского мыслителя, высланного в том же 1922 году из России, — ученого-экономиста, тонкого критика, богослова и священника Сергея Булгакова. Персонаж его книги «У стен Херсониса» (отождествляемый с самим автором) говорит о славянофильстве, что оно «разрушено с начала и до конца, от него ничего не осталось. Оно все было основано на идеологии Третьего Рима, православного царства, которое ушло из истории, а именно этого-то и не предвидели и не допускали славянофилы, с этим была связана их вера в миссию русского народа, более того, в его мессианство... даже во многих отношениях прозорливый и гениально одаренный Достоевский тоже устарел, представляет собой пример мечтательности отжившей уже эпохи... удалите из Досто-

евского «царя-батюшку», что же останется от его исторической философии? Или мечтательная идея **народа-богоносца** — безответственная фраза, слишком долго мутившая наши головы?.. **Как смел** кто бы то ни было, хотя бы Достоевский, дать своему народу такое именование, на которое властен только Господь Бог! И как мы за это наказаны, как наказаны!... Это народничество разных видов у нас общая болезнь, затемняющая сознание. А между тем духовное состояние русского народа ужасное, и не теперь только, но и раньше не было иным, как свидетельствует нелицеприятная история... И это народничество усыпляло совесть, родило самодовольство, и самой опасной и вредной формой этого самодовольства было **церковное**» (Булгаков С.Н. У стен Херсониса. СПб. 1993. С. 138. Выделено мной. — М.А.).

И действительно, жизнь вскоре показала, что русский народ-богоносец очень быстро превратился в народ-богорец.

Какие же качества русского народа Н.Лосский объявляет наиболее важными, определяющими в его характере? Тут и гадать нечего, главы книги так и называются: «Доброта русского народа». «Способность русского народа к высшим формам опыта». «Свободолюбие». И прочая, и прочая, и прочая... Конечно, ученый признает, что русским присуща и жестокость, и другие мало приятные качества, но их он считает как бы оборотной стороной наших достоинств.

А в чем же философ видит проявления той самой религиозности, которая, по его мнению, прежде всего определяет характер русского народа? В том, что крестьянин, войдя в избу, «прежде всего крестился, смотря на икону, и потом отвешивал поклоны всем присутствующим по определенному порядку, степенно, неторопливо». По средам и пятницам крестьяне постились. И далее в том же духе. Иными словами, за религиозность русских выдается их приверженность обрядовой стороне православия, а вовсе не соответствие их жизни и идеалов учению Христа. Об интеллигенции российской и говорить нечего — она, как признает сам философ, космополитична и безрелигиозна, воспитана на идеалах, принесенных с Запада.

Ну и, разумеется, для Н.Лосского идеал социалистического общества — это торжество сатанократии (Ч. 2. С. 48), хотя он и вынужден признать, что вера большевиков в победу коммунизма, в торжество справедливости — это

тоже как бы религия. Если в Ленине, как в настоящем русском интеллигенте, он еще готов признать «искателя максимального добра для всего человечества», лишь избравшего ложный путь, то уж Сталин для него — только честолюбец, властолюбец и карьерист. А советский строй, по его мнению, оскотинил русских людей, а ведь Лосский дожил даже до полета Гагарина...

В 1914 году появилась статья Владимира Ульянова (Ленина) «О национальной гордости великороссов», которая долгие годы, уже в советское время, служила одной из основ идеологического воспитания трудящихся нашей страны. Ленин видел основание для чувства нашей национальной гордости в том, что насилия, гнет и издевательства, которым подвергают нашу прекрасную Родину царские палачи, дворяне и капиталисты, «вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов», и эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев, а затем и социал-демократов. «Необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций». Но и эта задача воспитания была поставлена так же абстрактно, как и сформулированная тремя годами позже в книге «Государство и революция» задача построения идеального советского государства. Но государства особого: во-первых, без постоянной армии (замененной вооруженным народом). Во-вторых, без чиновничества (а с народными представителями, которых можно отозвать или сменить в любое время, причем получать они должны не более заработной платы рабочего, без каких-либо «представительских»). В-третьих, без тюрем и пр. В-четвертых, организованного как одна контора и одна фабрика. И т.д., и т.п. Утопичность этих представлений жизнь показала уже сразу же после взятия власти большевиками.

После окончания Гражданской войны, вызвавшей к жизни эпоху «военного коммунизма», Ленин, по существу, стал лидером меньшевистского крыла в РКП(б), выдвинув идеи нэпа, культурной революции, строя цивилизованных кооператоров, то есть «теорию малых дел» в новой упаковке. В его «Письме к съезду» содержится, например, пожелание «защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ».

Ясно, что при такой установке пролетарского вождя воспитание чувства национального достоинства у русских людей становилось чрезвычайно односторонним, если вообще возможным.

Не народ, не класс, а цивилизация!

Как мы видим, у Н.Лосского речь идет о характере народа, а у Ленина на первый план выступает классовое начало, пролетарский подход. Но и то, и другое оказывается недостаточным для объяснения такого явления, как дух народа и неразрывно связанное с ним национальное достоинство. Недостающее звено было гораздо раньше найдено русским публицистом и социологом Николаем Яковлевичем Данилевским, который в своей книге «Россия и Европа», вышедшей еще в 1869 году, изложил теорию так называемых «культурно-исторических типов» (или цивилизаций), развивающихся подобно биологическим организмам. Согласно этой теории, история человечества — это сосуществование или смена таких цивилизаций, вступающих в борьбу за существование подобно биологическим видам. У каждой из них — своя система ценностей, скрещивания культур невозможны.

У древних евреев, по Данилевскому, культура была построена на религиозной основе, у древних греков — на красоте, у римлян — на достижении политического могущества. Эти три цивилизации можно назвать одноосновными. А западноевропейские народы создали двухосновную романо-германскую цивилизацию, соединив политическое могущество с культурой, прежде всего промышленного и научного характера.

Данилевский выражает «надежду, что славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности» и «будет полным четырехосновным культурно-историческим типом». Для этого высшим сословиям России, «привыкшим презрительно смотреть на все русское», надо избавиться от «затемнения своеобразного русского взгляда на вещи европейничаньем».

Основоположники славянофильства романтически смотрели на Европу, рассчитывая, что со временем Россия, восстановив свою самобытность, поможет своим европейским странам-сестрам подняться в духовном отношении. А Данилевский говорит о «коварстве Европы», об

исторически сложившихся агрессивности и эгоизме европейцев. Европу это привело к колониализму, угнетению, а то и поголовному истреблению других народов, нещадной эксплуатации наемных работников, навязыванию своей веры огнем и мечом.

Хотя пионером цивилизационного подхода в науке был именно Данилевский, это открытие чаще всего связывают с именами немецкого философа и историка Освальда Шпенглера (1880 — 1936) и английского историка и социолога Арнолда Джозефа Тойнби (1889 — 1975). Зато Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» прямо сказал, что Европа исчерпала свой творческий и жизненный потенциал, и после 2000 года мировое лидерство перейдет к России. В наши дни наиболее известным представителем цивилизационного подхода стал С.Хантингтон, предсказывающий, что главные события XXI века будут связаны с конфликтами цивилизаций, о чем будет сказано в дальнейшем.

Так кто же общинник и кто — индивидуалист?

Над сущностью русского человека размышляли и ученые, и публицисты. Ученые дают русскому человеку научные определения. Например, К.Касьянова, автор книги «О русском национальном характере», утверждает: русский человек — «культурный эпилептоид». Современные «почвенники» утверждают, что русские по природе — коллективисты, общинники, «соборники», тогда как западная модель — это состояние «атомарных» личностей, находящихся в состоянии вечной конкуренции и борьбы всех против всех. Нынешние «западники» верят, что и в России в результате либеральных реформ «западный индивидуализм» уже победил, а если это сегодня еще не очевидно, то уж во всяком случае окончательно победит в новом поколении, обеспечив необратимость установления капитализма. И чуть ли не ежедневно «исследователи общественного мнения», выполняя социальный заказ, с деланой беспристрастностью уведомляют нас, что, «согласно последним опросам», отечественная молодежь уже меньше ценит коллективистские ценности, отдавая предпочтение индивидуалистским...

Я с самого начала перестройки слышу постоянно эти разговоры о коллективизме и его антагонисте — индивидуализме, споры о том, кто победит, — и не могу по-

нять, о ком все-таки говорят. Так и хочется спросить спорщиков, наблюдавших русскую жизнь: «Друзья, где это вы видели здесь **коллективизм**? Вспомните, каким притеснениям и просто надругательствам подвергались рабочие со стороны новых «хозяев жизни»: тут и хладнокровное закрытие градообразующих предприятий, и умышленное доведение заводов до банкротства и пр. Можете ли вы припомнить случаи, когда эти акты угнетения рабочих вызывали бы отклик среди рабочего люда в других частях страны в виде забастовок и митингов — той самой классовой **солидарности**, на которой строятся не только марксистские постулаты, но и повседневная жизнь на «индивидуалистическом Западе»? Находят ли у нас действенный отклик призывы «озаботиться судьбами русских людей, оставшихся в республиках бывшего СССР»? (Особенно если сравнить это с мощной тягой немцев к воссоединению двух частей расчлененной после Второй мировой войны Германии.) И уж, наверное, уникальным является такой момент: правящий режим, замыслив в начале 90-х годов людоедские реформы, острие своей политики обратил против... армии (имею в виду все силовые структуры, включая правоохранительные). Ведь именно армия, вроде бы, должна была быть его единственной опорой. Но, видимо, сильна была уверенность власти в том, что никто из офицеров и ухом не поведет, услышав о нищей жизни своих коллег за пределами гарнизонных ворот. Нет, на личный протест они способны: тщательно заперев вверенное им мощное оружие, стреляются в укромном уголке или устраивают публичные самосожжения; жены офицеров время от времени зачем-то перекрывают полосы аэродромов, словно это самолеты — их главные враги. Но никакого мощного **коллективного** протеста, проявления классовой солидарности у нас и представить себе было невозможно ни в армии, ни «на гражданке».

А на бытовом уровне? Сколько сетований слышали мы на то, что в городе даже семьи, годами живущие на одной лестничной площадке, остаются незнакомыми! Как часто хулиганы избивают прохожего на глазах десятков людей, и никто не только не вступится за жертву, но даже и не вызовет милицию. Словом, проявлений нашей антиобщинности, несоборности не счесть.

С другой стороны, явно на очень наивных людей может быть рассчитано представление, что жители одной из

классических буржуазных стран — голландцы — сумели обустроить свою страну на основе «звериного индивидуализма». Напомню, что значительная часть территории этой страны отвоевана у моря путем постройки дамб. Разве можно было бы их соорудить так, чтобы каждый голландец, по-индивидуалистически озираясь, возводил от сих до сих свой личный участок дамбы, а там хоть трава не расти? Нет, конечно, тут мы имеем дело с высочайшей организацией совместного труда. Вспомним к тому же, что старинные голландские групповые портреты изображают членов **гильдий, обществ**. В общем, там куда ни глянь, — вот она, соборность, в действии! Получается, что это как раз западный человек «общинник», тогда как наш соотечественник — яркий индивидуалист?! (Кстати, массовое международное движение протеста против диктата мирового капитала и в наши дни тоже развернулось именно на Западе, но не в бывшем «государстве трудящихся».)

Вот это объяснение особенностей нашей истории преобладанием у русских общинного, артельного начала широко распространено в кругах патриотической общественности, и это заблуждение в современных условиях чрезвычайно вредно. Уже упоминавшийся Сергей Карамурза создал двухтомный труд «Советская цивилизация». Никто другой ничего лучшего о величайших преимуществах советского строя не сказал и не написал. Сказать, что советский строй был вершиной развития не только России, но и всего человечества, мог и Александр Зиновьев, да и я писал об этом в своих статьях. Но рассмотреть вопрос всесторонне, собрать и обобщить тысячи фактов смог только Сергей Георгиевич. И тем досаднее, что в главном вопросе — о природе советского строя и Советского государства он допустил ошибку, объявив, что Советская власть — это порождение традиции, идущей от крестьянской общины, проистекает из крестьянского мироощущения, а крестьянская жизнь якобы отличается от городской тем, что она **религиозна**. СССР будто бы стал народом-семьей (в отличие от государства на Западе, где оно было обществом-рынком), народом-общиной и даже страной — большой общиной.

Если бы дело обстояло действительно так, то эта большая община выстроила бы, скажем, большую деревню, но создать великую мировую державу ей было бы не по силам. Эту державу создавал авангард народа, часто преодолевая сопротивление ведомых и даже прибегая к су-

ровым репрессиям. Да и сам Кара-Мурза признает: «У нас крестьянство было заключено в несколько сот тысяч общин, каждая из которых жила в своем космосе-деревне. Государственная власть была той силой, что объединяла все эти деревни в Россию... и диктат — хоть Петра I, хоть земства, хоть райкома — был для крестьян и для страны совершенно необходим». А отношение Петра к крестьянству вряд ли можно было уподобить отношению доброго любящего отца к своим детям. Правящая элита, образно говоря, берет народ за шкуру и тащит его к достижению цели, ею поставленной. Весь вопрос в том, насколько правильно понимает элита эту цель, соответствует ли ее курс реальным потребностям страны или же «элитарии» преследуют лишь свой корыстный интерес. Впрочем, об элите нам предстоит особый разговор.

Секрет «русскости» (либо «сажа», либо «алмаз»)

Выходит, неправы ни «почвенники», ни «западники», и русский национальный характер остается непонятым обоими спорящими лагерями. А распространенное его понимание — это результат одной путаницы в умах нашей интеллектуальной элиты. Русских отличает от европейцев (равно как и от большинства других народов) не какой-то таинственный «коллективизм», а **отношение к собственности**. Русский крестьянин фактически обладал **правом аренды** земли у своей общины (как колхозы в СССР считались бессрочными **пользователями** земли), не более того. А большинство правящего класса до середины XVIII века (до «вольности дворянской») были владельцами **поместий**, то есть **пожалованных в пользование** на время службы земельных участков, и лишь немногие счастливицы были настоящими земельными собственниками, **вотчинниками**, аналогами европейских феодалов.

Тут надо напомнить еще и различное понимание предназначения человека в России и на Западе. А оно в главном сводится к тому, что если на Западе акцент делается на «талант», то в России — на «призвание».

«Талант» — это возможности человека; «призвание» — это его обязанность в этой жизни. Как и во многом другом, здесь проявляется западный крен все мерить правами («права человека») и русский — обязанностями. Отсюда вытекает и разное понимание свободы у тех и других. В западном понимании человек свободен, когда он

физически и юридически свободен. В русском — когда он свободен реализовывать свое призвание. Если у русского человека абстрактная свобода выбора есть, а нет самой малости — возможности реализовать свое предназначение, то это в его понимании не свобода, а каторга. И наоборот, заставьте нашего человека ходить на любимую работу в цепях и под конвоем — он все равно будет счастлив. Полистайте книги замечательного (к сожалению, уже умершего) писателя Феликса Чуева о наших выдающихся конструкторах ракет и самолетов, людях, ставших впоследствии гордостью страны (таких, как Сергей Королев, Борис Стечкин и многие другие), но в 30-е годы невинно репрессированных и попавших в «шарашки», то есть в конструкторские бюро с тюремным режимом. Сколько изобретательности проявляли эти гении, какие неординарные решения они находили в казалось бы невыносимых, не подходящих для творчества условиях!

Можно сказать, что, по русскому пониманию, человек свободен, когда он счастлив. А счастье — это не только «когда тебя понимают», но и когда ты видишь, как сбываются твои мечты, — особенно, если тебе самому удалось приложить к этому руку. Вот почему в известной песне второй половины 30-х годов «Широка страна моя родная...» без всякого смущения поется: «Где так вольно дышит человек!», хотя состояние в обществе мало имело общего с «разгулом политических свобод». Просто люди видели, как сбываются их мечты о стране, выбивающейся в люди, о жизни, которая каждый день меняется в лучшую сторону на их глазах. Они были счастливы — и потому свободны!

Более того, именно отсутствие частной собственности на землю породило все мировоззрение русского народа, космизм его мировидения. В то время как взор европейца упирался в границы его земельных владений, взор русского от пределов его общины («мира») переходил прямо к миру Божьему, мирозданию. Отсюда — и высочайшая духовность русской литературы, и космизм как стержневое направление русской философской мысли.

Русских как фактический народ без собственности отличает не «коллективизм», а **мобильность, готовность к действию во имя воодушевляющей его идеи** (что при поверхностном взгляде можно принять за некое коллективистское начало). Русского легче поднять на какое-то общественно значимое дело, как бы лично его и не касающе-

еся, тогда как у прочих народов грузом висит на ногах собственность, за которую они держатся руками и зубами.

Если провести аналогию с физикой, то получается, что определение «атомарный» больше подходит как раз к общественному состоянию в России, а для Запада подходило бы определение «молекулярный». У нас наблюдается легкая атомарность, а у них — тяжелая неповоротливость громоздких молекул. Можно даже сказать, что русское общество «газообразно»; «газообразность» — одно из его традиционных «агрегатных состояний».

Но ведь на одной такой «атомарности» вряд можно построить что-то большее, чем культуру подсечного земледелия. А поскольку русские — творцы великой и самостоятельной цивилизации, то значит, что-то еще должно было лежать в основе их достижений. Этим чем-то является **государственный инстинкт**. Кажущийся аморфный социальный газ легко пробивается общегосударственным импульсом и... структурируется в другое агрегатное состояние, близкое к кристаллу.

Вот эту-то открытость русских людей государственно-му импульсу (по научному — **этатизм**) и приняли исследователи за мифический «коллективизм». (Другой причиной ошибки интеллектуалов было все то же легкое у нас, можно даже сказать — легкомысленное отношение к собственности и как следствие — отсутствие привычки охранять частную жизнь, свою и чужую.) Якобы этот коллективизм русских противостоял «западному индивидуализму». На деле же западного человека просто трудно вытянуть за пределы его личных интересов в пользу абстрактных общенациональных и тем более интернациональных, хотя он гораздо легче кооперируется с другими для защиты конкретного общего дела, задевающего этот частный интерес.

Если продолжить аналогию с миром физических явлений, можно отметить, что среди аморфных веществ числятся не только газы, но и, допустим, сажа. Обычная сажа — это продукт, образующийся в результате неполного сгорания или термического разложения углеводов. Многие, наверное, знают, что сажа применяется не только в производстве резины или пластмасс, — ее можно, воздействуя высокими температурами и давлениями, превратить в... алмаз! Ежегодно в мире производятся миллионы карат искусственных алмазов. В свою очередь, ал-

маз, этот самый твердый минерал, может попросту сгореть, оставив после себя... сажу.

Аморфная «сажа» и кристаллический «алмаз» — это как бы два основных состояния русского народа. Сгорел алмаз — получилась сажа, пачкающая все вокруг. «Русская мафия», коррупция, хаос в экономике — вот впечатления от «общества-сажи». Трудно увидеть что-то общее у **этих** русских с теми, кто создал великое государство и великую культуру (как невозможно представить, что мирно обрабатывающие землю тятками мексиканские индейцы — прямые потомки высокой воинственной цивилизации майя). Но ведь Великую Россию построили не инопланетяне и не «варяги» (как утверждала популярная в свое время «норманнская теория» о происхождении российской государственности от скандинавов)! Тем не менее многочисленные доброхоты, не меняя обстановки в стране, пытаются научить «частицы сажи» объединяться, вести себя «поцивилизованному», но... только сами пачкаются, а «сажа» остается аморфной.

Но вот наступает какой-то таинственный момент — звучит труба, словно трубят ангелы перед кончиной мира. Это **государственный зов**, мобилизующий нацию на борьбу и подвиг. И чудо — аморфные частицы начинают вроде сами по себе выстраиваться... среда нагревается... пробегает искра — и вместо невзрачной кучки «сажи» взору открывается сверкающий гранями «алмаз»!

Так что же, неправы не только сегодняшние «почвенники» и «западники», но и корифеи прошлого, Достоевский, называвший русский народ самым стадным народом на Земле, или Лев Толстой, столько страниц посвятивший освещению «роевого начала» народной жизни? Нет, для своего времени они были правы (впрочем, тоже лишь отчасти), к тому же Толстой хорошо понимал и ярко отобразил и государственный инстинкт русских. Но уже А.Н. Энгельгардт и писатели-народники Н.В. и Г.И. Успенские в конце XIX века показали, что русская крестьянская община — это вовсе не пчелиная семья, где каждая пчелка трудится в полную силу ради общего дела. (Правда, современные исследователи доказали, что и там дело обстоит не так идиллически, среди пчел есть свои лодыри и прогульщики.) По свидетельству Энгельгардта, известная доля кулачества присуща каждому крестьянину, но настоящими кулаками становились лишь немногие — и то при определенных условиях. Об-

щина — это собрание ярких индивидуалистов, которых лишь верховная власть и обстоятельства (в особенности природно-климатические) заставляют жить вместе и совместно решать вопросы общей жизни. А с переходом от аграрного общества к индустриальному, от сельского образа жизни к городскому проявления общинного духа у наших соотечественников, наличие которых трудно отрицать полностью, носят характер реликта. Еще во времена моего детства «ребята с нашего двора» представляли собой некую общность, противостоящую другим, между мальчишками дворов порой развертывались нешуточные побоища. А теперь не осталось не только команд, но и самих дворов. Правда, в некоторых городах идут куда более дикие и кровавые схватки молодежи разных кварталов. А так, кажется, самыми яркими проявлениями «общинности» остаются толпы фанатов — поклонников спортивных клубов и шоу-кумиров. Вот этого-то обстоятельства и не заметили наши «властители дум».

Из сказанного вовсе не следует, что русский человек-государственник любит это самое государство. Он нередко страдал от государства, от власти, порой восставал против чрезмерного угнетения. Но когда вопрос вставал о судьбе страны, о том, быть или не быть России, русские люди в массе своей поднимались на защиту государства, подчинялись его приказам и спасали его, не считаясь с ценой, которую им приходилось за это заплатить.

Все попытки «оживить» русскую жизнь без ее «огосударствления» тщетны. На индивидуализм уповать бесполезно — он может породить только то, что мы имеем: все эти телевизионные игры «О, счастливчик!», призывающие выиграть миллион, и другие подобные им ухищрения, способные еще больше развратить и разложить народ, но стать созидательной силой не могущие. Развивать же в русских коллективизм тоже не имеет смысла — даже на субботник в своем дворе жильцов приходится чуть ли не выгонять. И только признав, что слом всеобъемлющей государственной машины был ошибкой, и приняв программу ее срочного восстановления, можно вытащить наше общество на высокий энергетический уровень, возродить его «пассионарность». Не вертикаль власти, замыкающаяся в чиновничьем кругу, а государственная машина, опирающаяся на народ, нужна сегодня России.

В качестве иллюстрации этой своей мысли напомним, что произошло в 1972 году, когда под Москвой загоре-

лись торфяники. Эти пожары стали рубежом в структуре Гражданской обороны СССР: до того у нее не было своих собственных контингентов, только техника и штабы — предполагалось, что людскими ресурсами ее при необходимости обеспечат трудовые коллективы; лишь после тех пожаров ГО стала комплектоваться и личным составом. И вот почему такое изменение случилось.

Когда начались пожары, решили попросить трудовые коллективы выделить работников для их тушения. Те откликнулись на просьбу, выделив для такого большого дела разных граждан — алкоголиков, тунеядцев, хулиганов... Целый день, говорят, командующий Гражданской обороной бегал по окрестностям, закрывая точки продажи спиртного. Потом стали думать, что делать с этой «непобедимой армадой».

От отчаяния решились на крайнюю меру — постановили людей мобилизовать. Их зачислили на довольствие, выдали им форму, напомнили о присяге. И свершилось чудо: казалось бы, никчемные, потерянные для общества люди пошли в огонь! И сделала это не угроза кары (как предположил рассказавший мне об этом случае офицер Гражданской обороны); просто люди зримо ощутили причастность к чему-то великому, национальному, **государственному** (а иные, возможно, даже, надев форму, вспомнили фронтовую юность). И произошло преображение.

Вот так же может преобразиться и наш народ, который уже не раз в истории доказывал свою способность подниматься на высоты героизма и подвижничества после, казалось бы, окончательных падений. Но для этого нужна власть, понимающая свой народ и способная поставить перед ним великую цель, которую он воспринял бы как свою. Трудно представить, чтобы наши люди пошли на подвиг ради увеличения барышей Дерипаски или Потанина (или тех из новой президентской команды, кто хотел бы обратить в свою собственность имущество этих олигархов). Не пойдут они на жертвы и борьбу и ради демократии, «прав человека» или каких-нибудь других ценностей, чуждых русскому миропониманию. Только восстановление чувства причастности каждого нашего соотечественника к делам и судьбам государства, чувства, утерянного задолго до «перестройки» (что и предопределило распад великой страны), способно вывести Россию из того исторического тупика, в который ее загоняли правители последние 60 лет и продолжает с маниакальным

стремлением загонять нынешняя власть. Все другие способы, какие бы усилия там ни прилагались и какие бы громадные инвестиции ни изыскивались, лишь ускорят приближение печального конца для нашей страны.

Вот так: казалось бы, какое значение для практики государственного строительства имеют споры теоретиков и идеологов по поводу соотношения коллективизма и индивидуализма в русском человеке? А выходит, значение это решающее, иначе говоря, идеология (если она отвечает духу народа) первична, а государственное строительство вторично. Государство для русских — это высшая, священная, сакральная ценность. И пока власть пытается поставить телегу впереди лошади, страна не только не сможет двинуться рысью к вершинам технологии, финансов и политики, но не сдвинется и с места. Понимание властью своего народа становится сегодня условием выживания и народа, и страны, да и самой власти.

Что ожидает Россию в «год великого перелома»?

Долгие годы наш народ был готов терпеть всякие тяготы и неудобства, «лишь бы не было войны». Люди старались не думать о возможных угрозах стране извне. Но сейчас и даже те, кто редко задумывается над вопросами мировой политики, начинают осознавать: в воздухе вновь запахло порохом.

Путин много раз говорил о том, что всем нам объявлена война (эти слова он произнес после трагедии Беслана), что в мире немало тех, кто зарится на наши богатства и мечтает отхватить кусочек побольше от нашей территории. Напоминал он и о том, что «товарищ волк» (надо бы добавить — со сворой шакалов и гиен) кушает и никого не слушает. Но все это воспринималось в обществе как некие абстрактные рассуждения. Однако, когда агрессивные намерения Запада стали уж совсем очевидны, Путин своей речью на международной конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2007 года предупредил любителей военных авантюр, что Россия готова дать им достойный отпор. При этом она не позволит втянуть себя в изнурительную гонку вооружений, ее ответ будет асимметричным, основанным, как он говорил раньше, на нашем интеллектуальном превосходстве.

Из того, что Путин говорил о «товарище волке», ясно, что наиболее острые разногласия по военным вопросам у

нас существуют с Америкой, а главное — под воздействием страхов времен «холодной войны» у нас многие привычно считают первым врагом России США. Особенно усилились эти настроения с тех пор, как распался СССР и Америка осталась единственной в мире сверхдержавой. Однако в действительности, о чем я не раз писал в нашем журнале, дело обстоит иначе. США — наш вероятный противник, но первый, вечный и непримиримый враг России — это Западная Европа. И в основе этой враждебности лежат даже не столько экономические интересы, сколько мировоззренческая, духовная и моральная несовместимость русского и европейского менталитетов. И те интеллектуалы, которые наиболее полно выражают дух народов Европы, и государственные деятели, определяющие политику ведущих европейских держав, живут (причем на протяжении нескольких веков) стремлением к «окончательному решению русского вопроса», которое заключается в уничтожении нашего народа или, по крайней мере, в оттеснении его за Урал.

Известно, что для англичанина нормальная жизнь и нормальные люди кончаются за «каналом» (Ла-Маншем), а уж русские — это какие-то скифы. Для француза каждый русский, как писал маркиз де Кюстин, — это крещеный медведь (подобных суждений полно в его книге о России). Но самые агрессивные намерения в отношении России всегда имели немцы. А сегодня в Евросоюзе оказались и самый непримиримый враг России — Польша, и жаждающие мести «советским оккупантам» бывшие прибалтийские республики СССР, и недавние собратья по Варшавскому Договору.

Чего добивались от нашей страны главы государств Евросоюза на «саммите Россия — ЕС» в президентской резиденции под Самарой в мае 2007 года? Свободного доступа к нашим месторождениям полезных ископаемых и к нашей трубопроводной сети. Это уже вплотную приближается к требованию, все чаще выдвигаемому на Западе, объявить природные ресурсы России «всеобщим достоянием человечества»: дескать, Бог создавал эти богатства не для одних русских. И одновременно провозглашается, что НАТО должен силой подкрепить эти «справедливые требования» Запада. Ведь вот стоило только американцам начать переговоры о размещении радаров их ПРО в Польше и Чехии, как ЕС немедленно объявил о своем желании создать систему ПРО, совместную с США. Против кого она будет направлена? Ясно, что против России.

И сегодня повторяется знакомая картина. Пока Германия стремилась к воссоединению, она преследовала прежде всего свои национальные интересы. Однако, став экономическим лидером Европы, она вновь берет на себя роль выразительницы общеевропейских интересов, среди которых одно из первых мест занимает уже упомянутое выше «окончательное решение русского вопроса».

Немцы вообще склонны к силовому решению любых вопросов, в этом (наряду с педантичностью и пунктуальностью) — главная особенность их национального характера. Не исключено, что и сейчас они попытаются подтолкнуть весь блок НАТО решать вопросы международной политики, в особенности «русский вопрос», силой, военным путем.

Итог сказанному можно выразить одной фразой: как международная обстановка, так и ход событий внутри страны дают основание утверждать, что 2008 год окажется для России переломным.

Слово «перелом» в русском языке имеет несколько значений. Бывает перелом руки, ноги, позвоночника — избави Боже нас от таких несчастий. Но можно говорить о переломе наметившейся тенденции в общественной жизни, например, о переходе от спада в экономике к подъему, от беспредела преступности к порядку. В нашей истории уже был «год великого перелома» — так называлась и статья Сталина, написанная к XII годовщине Октябрьской революции. Как бы ни оценивать проведенную тогда коллективизацию сельского хозяйства, вряд ли кто станет отрицать, что этот момент в нашей истории оказался во многом переломным. А чтобы понять, в каком направлении будут меняться тенденции развития нашей страны сегодня, есть смысл поглубже разобраться в том, что представляет собой путинский курс. Вспомним один символический эпизод из фильма «Чапаев».

...Чапаеву доносят: взбунтовался полк. Он седлает коня и мчится к мятежникам.

А там всю митинг. На бочке стоит оратор, подстрекающий: «Хватит, навоевались! Пора по домам!» (В переводе на нашу современную лексику: «Хватит противостояния! Долой образ врага! Пусть наши люди поживут в свое удовольствие!») Толпа одобрительно поддакивает: «Правильно! Верно говоришь!» Вдруг горлопан замечает, что все куда-то побежали. Оглядывается — он уже один, а все стоят в строю навятяжку; перед строем — Чапаев.

Провокатора он быстро пускает в расход, а к прочим обращается с краткой речью: «Кровью искупите свой позор!»

А если оценивать наши «веселые» девяностые годы, то приходит на ум мини-история, пересказанная К. Чуковским в его книге «От двух до пяти».

— Мама, а ты умрешь?

— Умру, деточка.

— И тебя закопают?

— Закопают.

— Глубоко?

— Глубоко.

— Вот тогда я буду твою швейную машинку вертеть!

Мамаша-КПСС наконец-то отдала Богу душу; да и то сказать — под конец изрядно из ума подвыжила. Ее закопали, а кто-то даже утверждал, что забил в ее гроб последний гвоздь. Хорошо, вольно. Теперь вертим машинку: бизнес, поездки за границу, модная аппаратура и шмотки. И так крутим уже семнадцать лет — спокойно и без помех.

Вообще-то ничего плохого во всем этом самом по себе нет — приятно смотреть, как люди находят свое дело, как иные из них приобрели достойное благосостояние. Плохо то, что ради всего этого людей заставили растоптать все, чем жила страна. Да, мобильный телефон, счет в банке и иномарка — это хорошо. Но когда эти атрибуты уже не в диковинку, постепенно встают вопросы: «А зачем?», «А дальше что?» Великая цель великого народа исчезла, растворилась, а потому мелкие частные достижения все больше становятся похожими на бесплодное верчение машинки. И постепенно подспудно нарастает в душе тоска: «На что променяли бывшее величие?» Вожделенные когда-то атрибуты все больше становятся похожи на забавных, но надоевших чертиков перед ветровым стеклом автомобиля, а то и на маячащие перед глазами Иуды 30 серебреников.

Вот здесь и разгадка того, в чем секрет такого феноменального успеха Путина в самых широких массах. Почему еще в предвыборную пору светила интеллигенции исключительно «по зову сердца» пришли на съезд пропутинского «Единства». И почему укрощаемые губернаторы не осмеливаются и пикнуть, а наперегонки бегут к президенту и берут под козырек*.

---

* Эти «светила интеллигенции» и те же самые губернаторы наперегонки прибегали в проельцинские партии и на поклон лично к ЕБН. — **Ред.**

Объяснение тому очень простое. Немного поостывших и прозревших людей начинает **мучить совесть**. До них начинается (пока подспудно) доходить, что они наделали. Конечно, прямо покаяться в содеянном мало у кого хватит духу, больше в ходу самооправдание и попытки свалить вину на других: дескать, это все Гайдар с Чубайсом, проклятые, наделали (можно подумать, что у Гайдара такое красноречие и дар убеждения, что он сумел повести за собой миллионы людей). Но внутренний голос говорит очень нелицеприятные слова. Вот постепенно на наших глазах и бежит народ строиться, как чапаевские бунтовщики, перед Верховным Главнокомандующим — а на самом деле, конечно, перед Историей. «Идейные» либерал-реформаторы (типа Боннер с Новодворской) остаются в глубоком одиночестве, отход человеческих масс от них подобен стремительному отливу на море. (Так что вынести им надлежащий приговор со временем будет делом техники.)

И дело, конечно, не в Путине: он популярен просто потому, что явился вовремя. Люди, как я сказал, стремятся стать навтыжку не перед президентом, а перед Историей, незримо стоящей за ним и смотрящей на них пронзительными глазами Чапаева. «Вы пошли за горсткой отщепенцев, продали величие страны, позволили разрушить и растащить все. Теперь вы кровью искупите ваш позор. Будете работать сутками, вас будут приковывать к станкам и кормить раз в день баландой, но вы не посмеете роптать!» И впрямь не посмеют — не потому, что будут бояться: люди уже понемногу понимают, что нашкодили, и внутренне начинают готовиться к будущему искуплению*.

На рубеже 20—30-х годов Сталин сказал свои знаменитые слова, обосновывающие необходимость форсированной индустриализации страны: мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет, нам надо преодолеть это отставание за 10 — 15 лет, «иначе нас сомнут». Что уж говорить о нас, знающих о стоящих заводах, замершем производстве и все увеличивающемся отставании страны от мирового уровня... И все больше и больше людей начинают неосознанно ждать, когда же нынешний или новый президент скажет эти заветные слова, призвав к режиму же-

---

* Кто? Окружающие Путина Кудрин, Чубайс, Лужков, Фурсенко, Швыдкой, еврей-олигархи, вороватые мэры и ельцинисты-губернаторы? — Ред.

сткой экономии и настойчивого труда — к тому, что в условиях правления «реформаторов» называется «непопулярными мерами», но в новых условиях вдруг станет очень популярным. Уже сейчас едва только наметившиеся меры Путина кое-кто называет мобилизационной программой развития России.

Внутренне люди понимают, что для пробивания страны на оставленные ею позиции необходим масштабный комплекс мер военного типа; невозможно мобилизовать население, не построив его предварительно в колонны, не приучив вновь его двигаться по свистку и команде, не установив в стране единомыслия, наконец. Но человек, как правило, не любит осознавать фатальность противоречий. Он хочет жить на авось — авось «новый курс» сможет соединить несоединимое: чтобы и страна была монолитно-сильной, и я мог приятно сачковать на диване перед телевизором с бутылочкой в руке. Авось необходимая диктатура сможет мирно ужиться со всеобщей анархией.

Поэтому лозунг момента облечен в весьма половинчатую форму: необходима «диктатура закона». Кто такой этот Закон, которого прочат в диктаторы, — никто не знает (как в советские годы никто не знал, кто такой Слава Капээсэс), но все же лозунг успокаивает: и магическое слово «диктатура» произнесено, и диктатором обещан, слава богу, не Пиночет, а кто-то другой, «в законе»...

В российских СМИ пока преобладает такой взгляд: Путин принимает меры, чтобы сосредоточить всю полноту власти в своих руках, но зачем он это делает, в каких целях употребит эту неограниченную (в рамках закона) власть — неизвестно. Что ж, с этим можно согласиться, но только надо добавить: ясность появится уже очень скоро.

Вот, скажем, оппозиция остро критиковала внесенный правительством и принятый Государственной думой новый Трудовой кодекс и другие законодательные акты. Дескать, при новых законах станут возможными меры по усилению эксплуатации наемных работников работодателями. Это — увеличение продолжительности рабочего дня без оплаты сверхурочных, шестидневная рабочая неделя, перевод всех на контрактную основу, так чтобы в любое время работодатель мог отказаться от продления трудового договора, то есть уволить работника, и притом без согласования с профсоюзом (а только после «консультации» с ним), и многое другое такого же характера. Некоторые свои предложения правительство отозвало, стол-

кнувшись с негативным отношением депутатов, но это ненадолго. Внесет нужные редакционные поправки и снова представит в Думу, и та, поворчав для виду, все проекты одобрит: а куда ей деваться? Ведь большинство в Думе принадлежит к фракциям, заранее заявившим, что они будут поддерживать президента и правительство во всех их начинаниях.

Возможно, большинству наших соотечественников среднего возраста эти проекты ничего не напоминают из советской истории. А я хорошо помню, как незадолго до начала Великой Отечественной войны (и в предвидении ее) были изданы Указы Президиума Верховного Совета СССР о переходе с пятидневки на семидневную неделю с шестью рабочими днями и восьмичасовой рабочий день, да еще и о фактическом закреплении работников за предприятием. Более того, не только за прогул без уважительных причин, но и за опоздание на работу более чем на 20 минут было введено уголовное наказание (как много людей попало под эти указы, легко представить, если вспомнить, сколь слабо развит наш городской транспорт, а тогда он был еще слабее). Правда, большинство судимых за опоздание на работу приговаривалось не к отбыванию наказания в тюрьме или лагере, а к принудительным работам по месту основной работы с удержанием части (порядка 20 — 25 процентов) заработка. И все же меры были очень суровыми. Вольготная жизнь у прогульщиков и «летунов» (как тогда называли тех, кто, устроившись на работу на одном предприятии и получив там комнату или еще кое-какие льготы, прощался с ним и «перелетал» на другое...) кончилась, вообще расхлябанность на производстве была в основном искоренена. А чем ее продолжение обернулось бы в войну, легко представить.

И вот сегодня — снова «закручивание гаек» в области трудовых отношений (и не только). Благо это или зло?

Если ужесточение «правил игры» коснется не только наемных работников, но и работодателей, то станет очевидным, что речь идет о мобилизации усилий для вывода страны из болота, в каком она оказалась. Образно говоря, если рабочих «прикуют к тачке», то и предпринимателей нужно «приковать цепями» к ножкам столов в их офисах. Служить делу возрождения страны обязаны все. Петр I никак не мог взять в толк, почему фельдмаршал Шереметев просит отпустить его со службы на покой в силу достижения преклонного возраста. В России все

должны служить царю, будь то крепостной крестьянин или граф и фельдмаршал, и служить до конца дней. Это сурово, но справедливо. А если новый трудовой кодекс будет в сегодняшней России принят ради того, чтобы дать возможность «олигархам» и прочим «хозяевам жизни» безнаказанно усиливать эксплуатацию бесправных наемных работников, то это станет свидетельством того, что президент не «стоит над схваткой», а выполняет волю властвующей «элиты», служит ее корыстным интересам. И это только один пример, «лакмусовая бумажка» для определения подлинных целей российской власти.

А вот другие примеры. После многолетнего перерыва российские военные летчики стали совершать дальние полеты за пределы страны. Однажды они, взломав американскую систему противовоздушной обороны, совершили дерзкий облет авианосца США. А затем эскадрилья бомбардировщиков дальней авиации, способных без дозаправки совершать полет на расстояние 12 тысяч километров, была перебазирована в Анадырь, в непосредственной близости к границам США. На боевое дежурство поставлен еще один полк межконтинентальных ракет «Тополь-М» (пусть и в сокращенном составе). Вскоре, после размещения элементов американской системы противоракетной обороны вблизи границ России, не исключена возможность оснащения наших межконтинентальных ракет боеголовками с разделяющимися частями, а также создания вновь ракет средней дальности. Все эти шаги можно расценить и как заявку на проведение самостоятельной внешней политики, и как очередной этап милитаризации страны. А саму милитаризацию можно рассматривать и как козырь в торговле в предвидении «войны с исламом» ради защиты «мировой цивилизации», на что Западу очень хотелось бы толкнуть Россию. Не случайно делегация ОБСЕ, побывавшая на таджикско-афганской границе, положительно оценила присутствие там российских пограничников, подчеркнув, что речь идет о «защите рубежей Европы», для начала — от проникновения наркотиков. И какая из этих версий более справедлива, станет ясным очень скоро.

Россия сможет сохраниться как государство и снова стать великой державой, лишь став на путь строительства русской цивилизации, продолжая и развивая советский опыт. Вот на этих основах, на мой взгляд, только и можно строить воспитание чувства национального достоинства. И 2008 год в этом отношении будет переломным, тем более, что он совпадает со сменой президента России.

Казалось бы, понимание необходимости большой цели, причем именно государственного масштаба и характера, сегодня пробивает себе дорогу в нашем обществе. Вот что говорил политолог Юрий Крупнов на уже упоминавшемся «круглом столе» в редакции «ЛГ»: *«Русские существуют только тогда, когда Россия сильная. А сильная Россия — это Россия как мировая держава, способная противостоять глобализации и гиперимперии США. Большинство русских людей, особенно молодежь, остро ощущают себя русскими по отношению к происходящему в мире. Базы США идут на территорию союзных республик — у людей болит. В Катаре судят соотечественников — наши переживают. Люди чувствуют. Что мы в промышленности недоотягиваем из-за лени и пьянки, кому-то из-за этого стыдно. Вот где они русские!*

Главное — направить все усилия страны на проведение новой восточной политики, преодоление дисбаланса между западной и восточной частями страны. В числе заостренных вопросов, связанных с развитием приоритетов Дальнего Востока, есть и такой, как перенос столицы России на Тихий океан. Практически мы перестали решать вопросы на нашем Дальнем Востоке. Если так будет продолжаться дальше, нас как державы, империи — назовите как угодно — не станет уже в течение ближайших десяти лет. В мире очень жесткая ситуация...

Без постановки таких принципиальных вопросов все наше нытье будет сводиться только к тому, что рожать будут все меньше и меньше, а пить будут все больше.

А главное — самая талантливая молодежь будет убегать из страны, ибо никто не предлагает ей ясного и интересного дела. Ей наплевать на наши идеологические споры, ее интересует, как прожить интересную жизнь».

Это правильно подмечено, что молодежь уезжает из России на Запад не только ради большего заработка, но и потому, что хочет прожить интересную жизнь. Только вряд ли она найдет ее на нынешнем Западе. А в России она может стать реальностью. Только надо договаривать до конца. При сохранении курса на рыночную экономику и на построение капитализма Россия своим гражданам великой цели предложить не сможет. И без обращения к советскому опыту Россия не только не станет мировой державой, но и вряд ли избежит превращения в колонию.

Так кто же такие русские?

Вопрос этот так часто и горячо обсуждался, что повторять многократно высказывавшиеся точки зрения нет

смысла. Конечно, даже намек на расовый подход здесь допускать нельзя. Да и объективные доказательства налицо: чем больше генотипов смешано в народе, тем он богаче. Но у этой темы есть одна сторона, до сих пор не решенная: существует ли в России «русский вопрос», не оказались ли русские, эта государствообразующая нация, угнетенными на своей собственной Родине? Это и было главным предметом дискуссии на «круглом столе» «ЛГ».

Об ущемлении русских говорил депутат Государственной думы Александр Крутов. Ему возражал Юрий Крупнов:

«Я считаю, что «русского вопроса в России» просто не существует. Нет и русского национализма, русского фашизма, о котором так любят говорить. Есть простой вопрос — судьба России, ее сегодняшнего состояния, будущего. Естественно, великое будущее России невозможно без того, чтобы русские люди начали действовать в полную силу. Русского же вопроса в России быть не может, потому что России не будет без русских.

Постановка русского вопроса происходит от слабости и безысходности. Нужно обсуждать не это, а положение в стране. У русских не может быть национального вопроса, ибо они — не нация. Русские — супернарод. Нация — это народ, который унифицирует в рамках национального государства свои культурные представления, «привязывает» их к определенной территории и существует в истории как национально самостоятельное государство. Русские никогда так не существовали. Неприемлемы две крайности: растворение русских среди других народностей, как этого требуют называющие себя евразийцами, и название русских нацией, то есть использование чужого нам западного подхода по отношению к русскому народу. Неправильно в национальных терминах описывать русских. Я считаю себя русским. И считаю также, что от состояния русского народа зависит состояние России»*.

И тут участники дискуссии скрестили шпаги по главному вопросу: Кто же такие русские?

Александр Крутов утверждал:

«Чтобы русский человек чувствовал себя русским, он прежде всего должен быть православным».

---

* Выходит, русские «должны действовать в полную силу», но в то же время русские — это «не нация»... Очень интересно! Значит, русские опять должны на всех пахать, а национальные привилегии — кому угодно, но только не русским? Мы это уже проходили. — Ред.

Его поддержал священник Александр Макаров: «Русский народ — это те, кто православные».

На это Ксения Мяло возразила: «Великая русская культура в огромной мере формировалась в русле православия... Наверное, французская культура сложилась на основе католичества. Но из этого же не следует, что француз — это католик, а католик — это француз».

И свой ответ дал Юрий Крупнов:

«Кто такие русские? Это все, кому дорога Россия историческая, тысячелетняя, кто сегодня готов восстанавливать страну на этих тысячелетних основаниях — как мировую державу...»*

Те, кто не видит реального дела для России, начинают говорить, что все, в том числе малочисленные коренные народы, не дают им нормально жить и развиваться. Все это кажется чудовищным преувеличением из-за отсутствия реального дела для страны».

За этими полусхоластическими спорами осталась без рассмотрения одна очень важная деталь.

Правящая элита, пришедшая к власти в 1991 году, поставила задачу построения в России капитализма. Но она даже не задалась вопросом: а способен ли русский человек полноценно жить и трудиться в капиталистическом обществе. Ведь настоящий капитализм так и оставался достоянием нескольких стран Западной Европы и США, во всем остальном мире, даже за пределами бывшего социалистического лагеря, капитализма не было. И это не случайно.

Для капиталистического общества нужен особый тип человека — «экономический человек», homo economicus. Именно с этого типа человека и в расчете на него создана наука политической экономии. Это человек — индивид, радующийся только прибыли и горюющий только об убытках, а к другим людям и к природе относящийся только как к объекту эксплуатации. Это, конечно, абстракция, а точнее — идеал.

Но русский человек никогда не был таким индивидом, он — личность, связанная с другими людьми и с космосом.

Впрочем, настает тот критический момент, когда каждый не на словах, а на деле покажет, русский он или нет. Ибо снова настает время подвига и жертвы во имя России.

Продолжение следует

---

* Россия-то русским дорога, но вот дороги ли русские нынешней российской власти? — Ред.

Олег ПЛАТОНОВ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

На родине Григория Распутина. — Беседы с односельчанами. — По дорогам паломничеств старца. — Важные находки в архивах. — Разрушение масонского мифа.

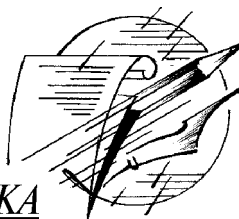
Летом 1991 года я отложил все дела и на полтора месяца отправился в научную экспедицию в Сибирь. Целью моей поездки был поиск и изучение документов, относящихся к самой загадочной личности в истории России XX века Григорию Ефимовичу Распутину. Мне сообщили, что на родине Распутина в селе Покровском, а также в Тюмени и Тобольске еще живы люди, знавшие его, а в местных архивах хранятся документы о нем.

Заняться историей жизни Григория Ефимовича Распутина подтолкнуло меня многолетнее изучение личности Николая II и его семьи. Чем ближе я знакомился с документами, дневниками, перепиской этой семьи, тем большее недоумение вызывало у меня внушаемое нам десятилетиями стандартное представление о Распутине как об исчадии ада, человеке абсолютно аморальном и корыстном.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Этот страшный образ не вписывался в обстановку высшей духовности, нравственности, семейного лада и согласия, в которой жила семья последнего русского Царя. Со времени знакомства Царской семьи с Распутиным (с октября 1905 года), вплоть до своей трагической кончины Царь, Царица и их дети, безусловно, любили Григория и верили в него, как в Божьего человека. На убитых Царице и царских детях были надеты медальоны с изображением Григория Распутина. Однажды, уже в заточении в Тобольске, Царь попросил доктора Деревенко незаметно от стражи вынести шкатулку, в которой находится, как он выразился, «самое ценное для них». Рискнув жизнью, доктор Деревенко выполнил просьбу Царя.

До последней минуты Царская чета верила в молитвы Григория Распутина. Из Тобольска они писали Анне Вырубовой, подруге Царицы, что Россия страдает за его убийство. Никто не мог поколебать их доверие к нему, хотя все враждебные газетные статьи были им известны, их приносили Царской семье, и все старались им доказать, что Распутин — дурной человек. Не следует думать, что Царь и Царица были наивными, обманутыми людьми. По обязанности своего положения они неоднократно устраивали негласные проверки достоверности полученной о нем информации и каждый раз убеждались, что все сказанное о Распутине — выдумки и клевета.

Когда-то мне казалось, что о Распутине написано так много, что все о нем известно. Действительно, преимущественно в 20-е годы вышло большое количество книг, брошюр, статей о нем. Но когда я стал читать их внимательно, стремясь найти первоисточники того или иного факта, то раз за разом попадал в какой-то заколдованный круг. В большей части публикаций были использованы одни и те же скабрзные примеры. Авторы этих материалов, почитая их за достоверные доказательства, не утруждали себя ссылкой на конкретные источники. Тогда я решил проверить эти публикации по архивным данным — изучить личный фонд Распутина и другие материалы, относящиеся к нему, хранившиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ныне ГАРФ).

И любопытная картина открылась предо мной. Оказывается, ни советская, ни зарубежная либеральная историческая наука историей жизни Распутина никогда серьезно не занималась. Нет ни одной статьи, я уже не говорю

о книге, где бы жизнь Распутина рассматривалась последовательно, исторически, опираясь на критический анализ источников. Все сочинения и статьи о Распутине являлись пересказом — только что в разных комбинациях — одних и тех же исторических легенд и анекдотов (исключительно в духе революционной обличительности), большая часть которых являлись откровенным вымыслом и фальсификацией, вроде поддельных дневников Вырубовой.

И я понял, что специально, в духе «черного пиара» создавался миф о Распутине, миф, имеющий целью опоганить и дискредитировать Россию, ее крестьянское духовное народное начало, которое олицетворял собой и Распутин. Причем, как писал журнал «Вече» (1989 г., №4), «невероятная злоба, пышущая со страниц бульварной распутинины, целиком выдавала кочегаров преисподней, которые одни только имеют способность добиваться столь высокого и повсеместного накала».

Создание мифа носило отчетливый антирусский характер и шло в русле иудейско-масонской идеологии, для которой любые, самые грязные, подлые и кровавые методы считались приемлемыми.

Изучение архивных источников показало мне, что понимание русской общественностью этой цели мифотворцев было еще при жизни Распутина. В газетной полемике тех лет одни рассматривали Распутина в народной традиции странничества и старчества, другие рисовали его страшным развратником, хлыстом, пьяницей. Причем справедливо отмечалось, что на печатные столбцы проникали главным образом лишь одни отрицательные мнения о Распутине, как правило, без приведения каких-либо конкретных фактов, в бешеном и все нарастающем потоке тонули незамеченными попытки сказать правду о нем. Еврейская и либерально-масонская печать сделала все, чтобы возбудить в отношении к Распутину самую неприемлимую ненависть в обществе.

«Думаем, что мы не будем далеки от истины, — писала в 1914 году газета «Московские ведомости», — если скажем, что Распутин как «газетная легенда» и как настоящий человек из плоти и крови мало что имеют общего между собой. Распутина создала наша печать, его репутацию раздули и взмылили до того, что издали она могла казаться чем-то необычайным. Распутин стал каким-то гигантским призраком, набрасывающим на все свою тень».

«Кому это понадобилось? — спрашивали «Московские ведомости» и отвечали: — Во-первых, напали левые. Эти нападки носили чисто партийный характер. Распутину отождествляли с современным режимом, его именем хотели заклеить существующий строй. Все стрелы, направленные на Распутину, на самом деле летели не в него. Он нужен был лишь для того, чтобы скомпрометировать, обесславить, замарать наше время и нашу жизнь. Его именем хотели заклеить Россию. Понятно, что ко всем нападкам с этой стороны на Распутину можно и должно было отнестись с особой недоверчивостью. Тут наши публицисты избрали для себя самую невыгодную позицию: они прикрывались именем Распутина, как щитом. Всем было ясно, что они целят в руководителей политики, говоря о Распутине, но когда до этих писак добиралась цензура, угадывавшая их истинное намерение, они вопияли: «Вот видите, что с нами делают из-за Распутина! Вот каков наш теперешний режим!»

Но на Распутину выходили со своими обличениями и из правого лагеря. Иные обличители были действительно искренни, но были и такие, которые делали свою карьеру на Распутине: «Вот, дескать, какова наша гражданская доблесть — мы самого Распутина не побоялись! Похвалите нас, удивитесь нашей смелости, поспособствуйте нашей популярности. И левые газеты охотно выдавали свои похвальные листы таким господам, которым, впрочем, ничего другого и не было нужно.

Что же получалось? Наше общество поверило в Распутину».

И эта вера продолжала поддерживаться весь советский период, а с приходом к власти Горбачева и Ельцина даже усилились. «Перестройка» дала новую жизнь антирусским силам, которые в свое время создавали этот миф и были заинтересованы в его сохранении.

Все сильнее я осознавал, что миф о Распутине следует рассматривать как специально созданное препятствие (хотя далеко не единственное) на пути понимания русских духовных, политических и национальных ценностей и прежде всего осознания величия русской православной Монархии. И создан он именно для того, чтобы перекрыть дорогу возвращения к этим ценностям. Чтобы, посмотрев на мифологизированного Распутину, люди в ужасе отшатывались от своего славного и победного прошлого, стараясь забыть его и не возвращаться к нему.

Отправляясь в Сибирь, я понял, что пришло время убрать эти завалы, а сделать это можно только внимательным, объективным изучением подлинных фактов и документов, тщательным анализом и сопоставлением различных источников, придерживаясь строгой исторической последовательности событий. Только так можно было размотать тот трагический клубок, которым были жизнь и смерть Григория Распутина...

На родину Распутина я отправился один, без машины. Джинсы, куртка и смена белья, блокноты, диктофон в маленьком рюкзаке. Опасаясь повторения уральских попыток помешать мне работать, эту поездку я совершил в полной секретности. Даже командировочное удостоверение и письмо от газеты «Литературная Россия» я напечатал сам на бланке, переданном мне Э.И. Сафоновым. Без этих документов я не мог бы получить разрешение работать в местных архивах. В общем, на этот раз никто, кроме жены и близких друзей, не знал о моей поездке.

Поездом добравшись до Тюмени, я решил повторить речной путь Григория Ефимовича, добравшегося до родных мест пароходом по реке Туре. Однако оказалось, что пассажирское сообщение по Туре давно отменено, а ходят только грузовые суда. На одно из них под вечер мне удалось устроиться. Пока не стемнело, я много снимал. Эпические сибирские просторы вызвали восторг. Устроившись на жесткой деревянной скамье на палубе, я не мог заснуть всю ночь, вспоминая, что этим же путем 70 с лишним лет назад везли в Тобольск Царскую семью. Под утро я задремал, но вскоре был разбужен матросом: «Пора, Покровское!»

Уже светало. Берега были затянуты туманом. Наше судно стояло почти у берега. Закатав джинсы, я по колено в воде вышел на берег. Домов почти не было видно. Побродив немного у кромки воды, я забрался в ближайший стожок сена и тут же уснул. Разбудил меня шум трактора, туман рассеялся, солнце стояло высоко. Отряхнув с себя сено, я пошел к домам и почти сразу вышел на старый сибирский тракт, как раз в том месте, где раньше стояла построенная стараниями Распутина церковь. Богатое сибирское село, стоявшее на путях славных походов Ермака Тимофеевича, за годы советской власти захирело. Самые лучшие и добротные дома были срублены еще при Распутине, архитектура еврейских большевиков принесла в село несколько жалких строений барачного типа. Такое же

барачное строение стояло на месте дома Распутина, разрушенного по указанию партийных властей почти в одно время с домом Ипатьева в Екатеринбурге.

Устроившись на квартиру, я пошел обходить дома в поисках стариков, знавших Григория Ефимовича. Таких уже было немного. Все они смотрели фильм о Распутине, поставленный советским режиссером Климовым, и как один утверждали, что созданный им образ совсем не похож на настоящего Распутина. «В фильме, — говорили старики, — он огромный, высокий и страшный, а мы его помним совсем другим, ну, может быть, чуть-чуть выше среднего роста, скорее тщедушным. И все манеры и поведение другие были. Лицо бледное, глаза впалые, вид, как правило, измученный. Ходил с посохом».

О конокрадстве и распутном образе жизни Григория Ефимовича никто из стариков не слышал, зато они охотно рассказывали мне о нем как о благотворителе и бесребренике.

Анфиса Федотовна Моторина, 88 лет, рассказывала: как только Григорий приезжал в село, дети бедных крестьян прибегали к нему, знали, что он всегда угостит их конфетами, орехами или еще какими лакомствами, заведет разговор. Как живете? Все ли у вас есть, есть ли сапоги, рубашки, платье? Коль узнает, что нет, пишет записку лавочнику — он в том доме, где сейчас почта, раньше располагался. С этой запиской летит детвора к лавочнику, и тот подбирает нужную вещь. Ну а потом Распутин за все расплачивается. Таких случаев было очень много. О них рассказывали практически все опрошенные.

Иванова Анна Федоровна, 93 лет, вспоминала, как у ее сестры Марины не было ботинок, нельзя было в церковь на праздник пойти, а об этом узнал Распутин, написал записку лавочнику; а Киреевой Матрене Алексеевне дал на платье.

Но это не самое главное. Если кто у бедных женился, денег на свадьбу давал Григорий.

Старушки передавали сцену: приходит бедняк: «Помоги, Григорий Ефимович, свадьба скоро». — «А сколько надо?» — «Ну, рублей 50». — «Что на 50 сделаешь, бери 100».

Михаилу Григорьевичу Почивалову построил на свои деньги дом. Другим покупал то лошадь, то корову, давал деньги детям на учебу, на лекарства. Прежде всего на собранные деньги в селе была построена церковь, позднее

разрушенная большевиками. Много делал Распутин для своего села вообще. Источники свидетельствуют, что он регулярно жертвовал то 500, то 100, то 300 рублей на общественные нужды, строительство общественных зданий, ремонт волостного правления, которое размещалось рядом с его домом.

Часто Распутин выступал ходатаем по общественным делам. Однажды, когда крестьяне села Покровского узнали, что у них отобрали озеро Большое, богатое рыбой, то решили ходатайствовать по этому делу перед губернатором, который в то время проезжал через село. Однако делегацию крестьян к губернатору не допустили, а Распутин сумел пройти к нему сам и через некоторое время вернулся к крестьянам с бумагой, по которой озеро снова возвратилось селу.

Со слов односельчан, к деньгам Распутин относился по-философски: если их не было, не горевал, а если появлялись, легко раздавал.

За пять дней я вдоль и поперек обошел все село, поговорил со всеми стариками. Затем я решил пройти по дорогам сибирских паломничеств Распутина. Это была самая трудная часть моей экспедиции.

Григорий Ефимович большую часть пути шел пешком. Вставая рано на рассвете, выходил натошак. Шел от села к селу, от деревни к деревне, от монастыря к монастырю, питался тем, что подавали крестьяне или что в пути зарабатывал поденной работой. Ночевал где придется, куда положат: и в избе, и на сеновале, а, бывало, и в чистом поле: «Березонька под боком, и зорьку не проспийшь». Такое путешествие я себе позволить не мог. Оно бы заняло не один месяц. Поэтому, повторяя маршрут старца, я только небольшую часть пути шел пешком, а в основном ехал на попутных машинах, плыл на моторных лодках.

Прежде всего, я совершил паломничество в Абалакский монастырь, с которого начал свои богомолья Распутин. Сначала длинный путь до Тобольска, а затем вдоль реки Иртыш до Абалака.

В древности здесь стояла крепость татарского хана Кучума. Монастырь располагался в 25 верстах от Тобольска. Историю этого монастыря Распутин часто рассказывал и в Петербурге, и в Москве. В селении Абалак жила благочестивая старица Мария, которой явилась в видении Богоматерь. По этому случаю в 1637 году протоиерей Софийского Тобольского собора написал икону, признан-

ную чудотворной и чтимую окрестными жителями. К этой иконе совершались массовые паломничества, для богомольцев была устроена бесплатная гостиница.

Окружающая монастырь природа вызывает чувство восторга. Когда стоишь возле высоких каменных стен монастыря и смотришь в сторону Иртыша, видишь неоглядные просторы, спокойную гладь реки, заливные луга и далекие леса с церковью на горизонте. Наверное, подобное чувство испытывал Григорий Распутин, когда был здесь.

В 1918 году в этом монастыре побывала на последнем своем богомолье Царская семья. Когда их привезли на пароходе в Тобольск, то оказалось, что помещение для их заточения еще не готово. Тогда местные власти разрешили им совершить паломничество в Абалак. Для Царской семьи это было настоящим счастьем, ибо они знали о монастыре по рассказам Григория, который здесь за свою жизнь побывал много раз. Я же увидел здесь мерзость запустения, а все три церкви и другие постройки в аварийном состоянии. Но возрождение начиналось, шли реставрационные работы. Появились первые помощники-богомольцы, женщины из разных мест Сибири.

«В паломничестве, — потом будет рассказывать Григорий Распутин, — мне приходилось переносить нередко всякие беды и напасти; так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья! То скажут: «Одежда неладная», то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полночи, а враг завистлив всяким добрым делам, пошлет какого-нибудь смутителя, он познакомится, чего-нибудь у хозяина возьмет, а за мной погоня, и все это пережито мною! А виновник тотчас же находится. Не один раз нападали волки, но они разбегались. Не один раз нападали хищники, хотели обобрать, я им сказывал: «Это не мое, а все Божье, вы возьмите у меня, я вам помощник, с радостью отдаю», — им что-то особенно скажет в сердцах их, они подумают и скажут: «Откуда ты и что такое с тобой?» — «Я человек — посланный брат вам и преданный Богу».

Верхотурский Николаевский монастырь, располагавшийся в Пермской губернии, Григорий Распутин обычно посещал не один, а собирал на паломничество крестьян из окрестных сел. Шли пешком сотни верст старым сибирским трактом от Тюмени на Туринск, а потом на го-

род Верхотурье. Этот путь старца повторил и я. Здесь, в живописном возвышенном месте в устье двух речек, стоял основанный еще в конце XVI века монастырь, где хранились мощи святого Симеона Верхотурского, поклониться которым приезжали богомольцы со всей России. В 1913 году в монастыре был освящен новый огромный храм, построенный в русско-византийском духе, вмещавший в себя до 14 тысяч молящихся.

В 1914 году ожидался приезд сюда Царской семьи, причем наследник должен был остаться здесь на некоторое время на лечение. Для этого Распутин на свои средства (точнее, средства, пожертвованные ему на эти цели) возвел красивый дом, напоминающий древнерусские терема (в нем сейчас краеведческий музей). Но началась война, все дела были отложены на неопределенный срок, а затем пришла революция. В самом начале ее большевики надругались над мощами св. Симеона Верхотурского. Настоятель монастыря Ксенофонт и братия стали обличать святотатцев и за это были зверски убиты. В 20-е годы здесь была устроена тюрьма для несовершеннолетних. Когда я здесь был в июле 1991 года, над стенами еще была натянута колючая проволока и стояли сторожевые вышки, но заключенных уже не было. В изуродованную обитель пришли монахи. Молодой игумен Тихон с братией, пока немногочисленной, своими руками восстановили одну небольшую церковь и начали службу. В скором времени будет возрожден еще один храм, куда возвратятся мощи св. Симеона. Монахи — труженики и подвижники — мечтают восстановить монастырь в полной славе, сделать его таким, как в начале века, когда на поклонение святым мощам Симеона Верхотурского съезжалось сюда со всей России около 50 тысяч человек, среди которых шел и не известный тогда никому Григорий Распутин.

Странничество для Распутина было не самоцелью и тем более не средством ухода от жизни, а внесением в нее духовного начала, приданием ей высшего смысла через подвижничество. Григорий осуждал странников, для которых богомолье стало своего рода профессией, которые избегают труда. Он этого не принимал.

«Странничество, — говорил он, — нужно только по времени — месяцами, а года, чтобы ими многие годы, то я много обошел странноприимен — тут я нашел странников, которые не только годы, а целые века все ходят, хо-

дят, и до того они, бедняжки, доходили, что враг в них посеял ересь, самое главное — осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, но по стопам Самого Христа. Мы — странники, все плохо можем бороться с врагом. От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным, наипаче простячком. Если это все сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь — источник живой воды. А в настоящее время сохранить этот источник трудненько. Нужда все-таки. Бог не старее и не моложе, только время другое. Страннику нужно причащаться тем более во всяком монастыре, потому что у него большие скорби, всякие нужды. Святые Тайны обрадуют странника, как май месяц свою землю».

В странствовании Григорий измозждал свою плоть до того, что ему начинали являться видения:

«Злодей враг завидовал всему моему доброму делу, то он являлся в виде нищего, а все-таки знатно, что не нищий, а враг в тумане. Я успевал в то время крестным знаменем себя осенять, и вдруг исчезал, как прах. То мне казал, что деревня еще более как 30 верст, смотришь из-за леску и вышел на долинку — тут и село. Экой сатана!»

Григорий не лукавил, не обманывал, не стеснялся признаваться в своих человеческих слабостях. Порой его охватывали «помыслы нечестивые, усталость неописанная, голод невысказанный, жажда питья неопределенная». Но Григорий понимал, что это искушение. Старался с ним бороться, хотя это давалось нелегко. Когда после дальней дороги он приходил в село, возникало страстное желание попить и поесть. Но это — искушение, и его надо было пересилить, пойти в церковь, отстоять службу, а потом уже думать о еде и питье.

«Приблизись к селу, звон раздастся, своими прыткими ногами и частой походкой уже — в храм. Вот мне первую мысль враг задает: то стань на паперти, собирай жертвы — дорога далекая, денег много надо, где возьмешь, то помолись, чтобы тебя взяли обедать и накормили посплаще. Хвать безумной головой, уже херувимский стих поют, а я еще не был, не предстоял, не соединялся с Господом! Да я не буду больше! Так мне пришлось с этими помыслами бороться целые года».

Односельчане Григория Ефимовича рассказывали мне, что, возвращаясь похудевшим и осунувшимся из паломничеств, он сразу же приступал к крестьянскому труду, но не забывал и о молитве.

В конюшне он выкопал себе небольшую пещерку и в течение восьми лет уходил туда между обеднями и заутренями молиться. «Я удалялся туда и там мне было вкусно, то есть приятно, что в тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил».

Полтора десятка лет странствий и духовных поисков превратили его в человека, умудренного опытом, ориентирующегося в человеческой душе, способного дать полезный совет. И это притягивало к нему людей. Сначала небольшое число крестьян из окрестных деревень приходило к нему, позднее слава об опытном страннике стала распространяться шире и шире. К нему приезжали люди издалека, он всех принимал, устраивал на ночлег, выслушивал и давал советы.

Он еще не был ни в Москве, ни в Петербурге. Чувствовал, что где-то в «столицах» ему суждено погибнуть... «Столицы» эти были не только центрами Русского царства, но и средоточием всех сатанинских сил, мечтавших о его крушении. Либерально-революционная чернь, сонмы миллиоковых, гучковых, керенских и других последователей Талмуда готовили заговор против России, первой жертвой которого должен был стать Царь, а также все, кто его любит и поддерживает ...

После возвращения из сибирского паломничества по маршрутам Распутина я на длительное время засел в архивы Тобольска и Тюмени. Работая в них, мне удалось сделать несколько важных исторических находок. Прежде всего это касалось даты рождения Григория Ефимовича.

В Советской исторической энциклопедии и в других советских и зарубежных изданиях годом рождения Распутина считался 1864-й или 1865-й. Ни один советский историк, писавший о старце, не удосужился заглянуть в метрические книги церкви села Покровского, где родился и провел большую часть своей жизни этот человек. Правда, книги эти сохранились не все, но есть полная подборка сведений о родившихся, умерших и вступивших в брак с 1862 по 1868 год. Листая эти ветхие, подпорченные жучком и влагой книги, я прежде всего обнаружил запись от 21 января 1862 года о бракосочетании «Покровской слободы крестьянина Якова Васильева Распу-

тина сына Ефима Яковлевича, 20 лет, с девицей Анной Васильевной, дочерью деревни Усалки крестьянина Василия Паршукова, 22 лет». Это родители Григория Ефимовича Распутина. Фамилия Распутиных встречается в книге многократно. Всего в селе Покровском жило семь семей, носивших фамилию Распутиных. Кстати говоря, фамилия эта встречалась в Сибири довольно часто и обыкновенно имела происхождение от слова «распутье», что, по словарю Даля, «разъездная дорога, развилина, разви́лы пути, место, где сходятся или расходятся дороги, перекресток». Люди, жившие в подобных местах, нередко получали прозвище Распутьины, впоследствии перешедшее в фамилию Распутины.

По церковным книгам, 11 февраля 1863 года у Ефима Яковлевича и Анны Васильевны рождается дочь Евдокия, которая через несколько месяцев умирает. 2 августа 1864 года у них рождается еще дочь, которую они, как и умершую, снова называют Евдокией, но и она прожила недолго. Следующее рождение в семье Ефима Яковлевича Распутина занесено в книгу 8 мая 1866 года — родилась дочь Гликерия, тоже умершая через 4 месяца «от поноса». 17 августа 1867 года у Распутиных родился сын Андрей, которому тоже не было суждено жить. В 1868 году в церковной книге нет записей о родившихся в семье Е.Я. Распутина. Таким образом, согласно церковным книгам Григорий Распутин не мог родиться в период с 1863 по 1868 год. Более поздние метрические книги в Покровской церкви не сохранились, но зато остались заполненные бланки Всероссийской переписи населения за 1897 год, согласно которым Григорию Ефимовичу Распутину в этом году 28 лет. Перепись велась очень тщательно, и поэтому можно считать установленным год рождения Распутина — 1869-й ст. ст.

Другой важной находкой в Тобольском архиве стало «дело Тобольской консистории по обвинению крестьянина слободы Покровской Тюменского уезда Григория Ефимовича Распутина-Нового, 42 лет, в распространении им лжеучения, подобно хлыстовскому, и образовании общества последователей сего лжеучения». Начато оно 6 сентября 1907 года. Материалы этого дела важны как для осознания личности самого Распутина, так и для понимания методов, которыми пытались его дискредитировать. Дело сфабриковано так топорно, что «работает» только против его создателей. Недаром ни во время

революции, ни в советский период оно не было опубликовано, а лишь делались намеки, что оно существует. В своей книге я опубликовал это дело полностью. Самой лучшей его оценкой является заключение по нему епископа Алексия, которое я нашел в московском архиве. Преосвященный Алексий сделал вывод, что дело о принадлежности крестьянина Григория Распутина-Новаго к секте хлыстов возбуждено в свое время без достаточных к тому оснований и со своей стороны считает крестьянина Григория Новаго православным христианином, человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подавать при случае добрый совет тому, кто в нем нуждается.

В дополнение к своим личным впечатлениям по сему делу Преосвященный Алексий предложил причту слободы Покровской церкви доставить ему точные, подробные и верные сведения о жизни, деятельности и учении крестьянина Григория Новаго. Причт донес, что ни в обстановке — домашней и усадебной, ни в образе жизни крестьянина Григория Новаго и его семьи ему, причту, не приходилось наблюдать, видеть и слышать что-либо такое, что указывало бы на принадлежность крестьянина Григория Новаго к хлыстовству. По донесению того же причта, Григорий Новый заботится о своем приходском храме. Так, он пожертвовал 500 рублей на построение храма в слободе Покровской, пожертвовал в приходский храм серебряный, 84% золоченый напрестольный крест, четыре серебряные вызолоченные лампы и приложил к чтимой иконе Спасителя массивный настольный золотой крест.

Передав это донесение из слободы Покровской причта Тобольской духовной консистории, он на основе своих личных наблюдений и исследований о крестьянине Григории Новом, в связи с новыми данными, и доложил об этом консистории, которая протокольным определением от 29 ноября 1912 года постановила: «Принимая во внимание, что вопрос о принадлежности кр. слоб. Покровской Григория Распутина-Новаго к секте хлыстов внимательно рассмотрен Его Преосвященством Преосвященнейшим Алексием, Епископом Тобольским и Сибирским по данным следственного дела, на основании личного наблюдения кр. Григория Новаго и на основании сведений, полученных о нем от людей, хорошо его знающих, и что по таким личным обследованиям этого дела Его Пре-

освященство считает кр. Григория Распутина-Нового православным христианином, человеком духовно настроенным и ищущим правды Христовой — дело о кр. сл. Покровской Григории Распутине-Новом дальнейшим производством прекратить и причислить оконченным». Такое определение консистории Преосвященным Алексием того же 29 ноября утверждено».

Самой же важной моей находкой, относящейся к личности Распутина, стало найденное мной в тобольском архиве дело о покушении на него Хионии Гусевой в селе Покровском.

В нем были собраны материалы следственных органов, не только относящиеся к самому покушению, но и множество документов, свидетельствующих о масштабах клеветнической кампании, организованной против него врагами России с целью дискредитации царя. Все нападки, клевета, ложь, которые обрушились на Распутина, на самом деле предназначались не ему, а царю, символизирующему собой Родину и Русское государство. Распутина обвиняли в хлыстовстве, в распутстве, пьянстве. Несмотря на то, что ни одно из этих обвинений при расследовании не подтвердилось, клевета в печати не прекратилась. Работая в архивах, мне удалось установить, что нити клеветнического заговора тянулись в масонские преступные организации, мечтавшие о низвержении русского государственного порядка.

Масонам была ненавистна дружба Царской семьи и простого крестьянина Григория Распутина, выражавшая единство верховной власти и народа. Сближение Николая II и царицы с Распутиным носило глубоко духовный характер, в нем они видели старца, продолжающего традиции Святой Руси, умудренного духовным опытом, способного дать добрый совет. И вместе с тем они видели в нем настоящего русского крестьянина — представителя самого многочисленного сословия России, с развитым чувством здравого смысла, народного понимания полезности, своей крестьянской интуицией твердо знавшего, что хорошо, а что плохо, где свои, а где чужие.

«Я люблю народ, крестьян. Вот Распутин, действительно, из народа», — говорила царица, а царь считал, что Григорий — «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнения и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно». Эту мысль он неоднократно повторял в переписке и беседах.

Царь с Царицей уважительно называли Распутина «наш Друг» или «Григорий», а Распутин их — «Папой и Мамой», вкладывая в это понятие «отец и мать народа». Беседовали они друг с другом только на «ты».

В жизни Царской семьи, по мнению Вырубовой, Распутин играл такую же роль, как святой Иоанн Кронштадтский. «Они так же верили ему, как о. Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили и, когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбой помолиться».

До последней минуты Царская чета верила в молитвы Григория Распутина. Из Tobольска они писали Анне Вырубовой, что Россия страдает за его убийство. Никто не мог поколебать их доверие, хотя им приносили враждебные газетные статьи и все старались им доказать, что он дурной человек. Не следует думать, что Царь и Царица были наивными людьми. По обязанности своего положения они неоднократно устраивали негласные проверки достоверности полученной информации и каждый раз убеждались, что это клевета. Более того, Царская семья знала, с каким глубоким уважением к Распутину относились многие почтенные люди.

Известный исследователь русских религиозных движений В.Д. Бонч-Бруевич считал Григория Распутина одной из самых ярких личностей своей эпохи. Передавая свои впечатления от встреч с Распутиным, ученый, в частности, рассказывал: «Много мне приходилось видеть восторженных людей из народной среды — ищущих чего-то, мечущихся, «взыскующих града», куда-то стремящихся, что-то строящих и разрушающих, но Г.Е. Распутин какой-то другой, на них не похожий. Не имея никакой политической точки зрения, он что-то стремится сделать. Для кого?.. «Для народушка жить нужно, о нем помыслить...» — любит говорить он».

Св. Иоанн Кронштадтский верил в Григория Распутина, считая его выдающимся странником и молитвенником, т.е. человеком, чья молитва Богу всегда угодна.

Множество людей приходило к Распутину с просьбой помолиться за их дела, присылали телеграммы и письма. В архивах сохранилось немало телеграмм, содержащих эту просьбу. Но больше всего ценился прямой контакт с ним. Непредвзятые источники свидетельствуют, что в личной встрече он просто очаровывал людей своей особой уверенностью, умением поставить себя, доброжелательностью и

просто добротой. Многие старики из его родного с. Покровского в Тюменской обл. говорили, что главное в нем — доброта: «Он был добрый и хороший человек, зло о людях не говорил». Это подтверждают показания министра внутренних дел Протопопова: «...зло не говорил про людей, это мне нравилось...», а также впечатления других людей, встречавшихся с ним. Граф С.Ю. Витте сказал о Распутине: «Поистине, нет ничего более талантливое, чем талантливый русский мужик, какой это своеобразный, какой самобытный тип! Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро...»

Очень много времени я провел в архивах, изучая круг знакомств Григория Распутина. Я хотел получить ответ на вопрос: что приводило людей к нему? Болезнь и горе, любовь и восхищение, одиночество и жажда ответа на вечные вопросы, с которыми идут к старцам, но на которые окончательно ответить не может никто. Их были сотни, тысячи людей. Они проходили рядом с ним бесконечной чередой. Люди всех слоев, национальностей, состояний, сословий...

Понять это мне помогло изучение тайной регистрации Охранного отделения всех лиц, с которыми встречался с октября 1914-го по декабрь 1916 года Распутин. Каждый день бесстрастная рука полицейского писца заносила сведения, «кто посетил наблюдаемое лицо» и «кого посетило оно». Заносились все, кроме единичных просителей, приходивших разузнать, чем им может помочь Распутин. Я обработал и систематизировал эти материалы — 537 фамилий. Этот большой, кропотливый труд дал мне много. И прежде всего позволил оценить весь круг знакомств Григория Распутина и сделать важный вывод, что подавляющую часть его окружения составляли его искренние почитатели и поклонники, а также люди, шедшие к нему за духовной и молитвенной помощью и житейским советом.

Убийство Распутина, организованное масонами, стало сигналом к антирусской революции. Многие односельчане старца, услышав о его трагической гибели, были в шоке, а один из них, передавали мне, сказал: «Конец России настает, если князя убивают крестьян». И добавил: скоро «власть окажется в руках худших, которые прольют реки крови». Старики рассказывали мне, что творили еврейские большевики в этих местах. Убиты и сосланы были все, кто носил фамилию Распутин. В Тюмени и Тобольске расстреляли всех почитателей старца, мучили даже тех,

кому он оказывал денежную помощь. Убили почти всех священников, их заставляли самим рыть ямы, а потом живых закапывали вниз головой. Епископа Гермогена изверги утопили в Туре, привязав к ногам камень. На родине Распутина мне рассказывали о множестве других случаев страшных зверств еврейской власти или, по словам старца Григория, «власти зверя». В Тюменском архиве я нашел постановление Покровского волостного исполкома от 1920 года о национализации имущества Дмитрия Григорьевича Распутина, который после убийства отца унаследовал его дом и все крестьянское хозяйство. В постановлении говорилось, что «означенное имущество нажито на средства бывшей царицы Александры, с которой Распутин кутил во всю ширь». Семью Дмитрия Распутина, состоявшую из шести человек, выселили из дома и ею «уплотнили» местного «кулака». Дмитрий Распутин просил разрешить ему поселиться в одной комнате в родном доме, где уже была больница, обещая отремонтировать его и надворные перестройки бесплатно, «не считаясь сам с собою». Однако власти на его просьбу не откликнулись. В 1922 году вдова Григория Прасковья Федоровна, сын Дмитрий и дочь Варвара были лишены избирательных прав как «злостные элементы». В 30-е они были арестованы органами НКВД, и след их затерялся в спецпоселениях тюменского Севера.

Исследованием личности Григория Распутина я занимался в общей сложности несколько лет. На основе этого исследования мною была создана книга, выдержавшая семь изданий, в которой раскрывается истинный образ старца Григория. Разрушение масонского мифа о Распутине я считаю одним из главных достижений своей жизни.

Продолжение следует

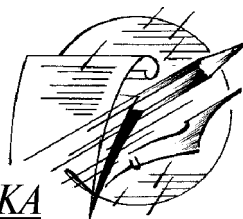

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАЕН

РУССКИЙ ЯЗЫК — САМА РОССИЯ

О сущности языка

Известно, что язык — основное средство человеческого общения. Но не только в этом незаменимая роль языка. Великое его предназначение состоит в том, что только с помощью языка человек получает возможность обращаться к своему Творцу — Господу Богу, беседовать с Ним, приносить Ему свои молитвы, просить защиты от сатанинских козней, каяться в своих греховных поступках, просить Его благодатной помощи и содействия в делах добрых. **Русский язык — это история происхождения и развития великого русского народа, путь становления уникальной русской цивилизации с ее неповторимой православной культурой.** Важнейшим свойством языка является его способность хранения и передачи информации о жизни и творчестве народа от предыдущих его поколений к ныне живущим и будущим, обеспечивая этим преемственность и неразрывную связь времен. Это особое свойство языка позволяет русским людям на каждом новом этапе их жизни избегать страшного социального недуга — забывания. Человек, страдающий этой не-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мощью, в народе со скорбью именуется «Иваном, не помнящим родства».

Хранить память о прошлом, о величественных делах и подвигах наших древних и недавних предков — святая обязанность каждого русского человека. А.С. Пушкин по этому поводу оставил нам четкий и незыблемый завет, сформулированный как всегда в яркой и филигранной формуле: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим. Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

Следование этому завету великого русского поэта и мыслителя особенно необходимо в нынешнее трагическое время, создающее усилиями внешних и внутренних врагов России смертельную угрозу русской государственности, русской православной культуре, русскому языку и самой жизни русского народа.

В Священном Писании *язык* переводится как *народ*. Это и понятно, поскольку сама душа народа, его коллективный разум, его мировоззрение находят свое выражение именно в языке, как особом кладезе этих человеческих чувств и понятий.

Русский язык в его развитии

Истоки русского языка исходят из глубокой древности. Примерно 2 тысячи лет до нашей эры из группы родственных диалектов индоевропейской семьи языков выделяется *протославянский* язык, который в I—VII веках после Рождества Христова именуется *праславянским*. Славяне в VI—VII веках занимали земли от среднего течения Днепра на востоке, Адриатического моря на юго-западе и до озера Ильмень на северо-востоке, включая побережье Балтийского (Варяжского) моря, Волгу, Оку, Западную Двину. Славянами наши предки назывались потому, что обладали даром Слова, а своих соседей, не знавших их языка, именовали *немymi*, или немцами.

Восточная часть славян постепенно сформировала древнерусский язык, который просуществовал с VII по XIV век. После этого, и особенно в период с первой половины XVIII по первую половину XIX века, происходит интенсивное формирование современного русского языка. В его создании огромная заслуга принадлежит первому

русскому академику Михаилу Васильевичу Ломоносову, разработавшему первую научную грамматику родного языка. Этот, по определению его современников, «умственный великан» был не только гениальным естествоиспытателем, но и глубоким историком и блестящим поэтом. Нельзя удержаться от желания привести здесь оценку этого русского гения, данную ему А.С. Пушкиным. Вот его проникновенные слова: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью его души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал, и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образы классического красноречия... и, наконец, открывает нам истинные источники нашего поэтического языка».

Нет сомнения, что задача сохранения и развития языка неразрывно связана с историей народа. Поэтому М.В. Ломоносов утверждает, что «о русской истории могут и должны писать только русские. Иностранцы наверняка будут толковать историю России без чувства, без сердца, без патриотизма. Они будут изображать средневековую Россию как страну дикарей, а историю России — как цепь убиств, грабежей, измен и опустошений».

Михаилу Васильевичу принадлежит настоящий гимн русскому языку. Обратим внимание, насколько гордо и торжественно он его характеризует: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе... Карл V, Римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Что же касается поэтического дара самого Ломоносова, то о нем лучше всего любителям русской поэзии может сказать приводимый здесь краткий отрывок из обширного стихотворения «Утреннее размышление о Бо-

жием величии», напечатанного Императорским Московским Университетом в 1757 году.

*Сия ужасная громада (солнце. — М.Л.) —
Как искра, пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что Ты творить нам повелел!
От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнены Твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик Зиждитель наш Господь!*

Слава М.В. Ломоносова как линиковеда и поэта была столь велика, что это приводило к казусам: ученого — естественника и поэта считали двумя разными людьми. Так, французский историк химии Ф. Гефер написал о М.В. Ломоносове, что его, известного русского химика, не стоит путать с русским же поэтом, с точно такой же фамилией и точно таким же именем! Однако курьез и останется курьезом, для нас же гораздо ценнее в признании великих заслуг Ломоносова в совершенствовании русского языка мнение нашего несравненного линикотворца А.С. Пушкина. Вот его просвещенное суждение. Слог Ломоносова «ровный, цветущий и живописный, заемяет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливового слияния с языком простонародным».

Значительный вклад в развитие русского языка внесли писатели В.К. Тредиаковский, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин. Они подготовили великую реформу русского языка, осуществленную Александром Сергеевичем Пушкиным. Творческий гений Пушкина позволил ему органически соединить русскую народную речь, церковно-славянский строй языка и западноевропейскую его разновидность в удивительно глубокую и красочную речевую систему, живущую до наших дней.

Великая щедрость русского языка

Необыкновенная звучность и выразительность русского языка воплотились в гениальных произведениях, по-

священных беспредельной любви к Родине. Это кажется настоящим чудом, что в 20-летнем возрасте Пушкин написал вот эти волшебные строки:

*Пока свободу горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Этот гимн сыновней любви к Отечеству вот уже почти два века волнует сердца всех настоящих русских людей.

Только великим русским языком можно было в одной строфе восславить и Свободу, и Честь, и Отчизну, и Душу человеческую. Этот живой язык стал важнейшим фактором создания многонационального единства народов, населяющих нашу страну, и развития уникальной общероссийской культуры на базе русской духовной цивилизации.

В русском языке воплотились высота чувств, сила духа и глубина православной веры.

Современный русский литературный язык распространился среди всех народов и народностей Российской империи, а в XX веке Советского Союза. Благодаря этому многие народы Кавказа, Молдавии, Крыма, Средней Азии, Севера и Сибири получили возможность приобщиться к высочайшей русской православной культуре, а через нее и к лучшим мировым ее образцам.

Здесь он и до наших дней остается основным «рабочим» — научным и культурным языком, тогда как, несмотря на провозглашенную ложную «независимость», родные языки народов вновь объявившихся государств остаются в основном средством бытового, семейного, личного и торгового общения людей.

В едином современном русском языке сохраняются диалектные особенности в различных ареалах России. Наибольшее распространение имеет так называемый московский говор, служащий как бы образцом для всех граждан страны и лиц, пользующихся русским языком за ее пределами. «У Москвы, — писал великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов, — есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный». Доказательством справедливости этого определения служит все его вдохновенное, я бы сказал, богоподобное творчество. Вдумаемся, уважаемый читатель, хотя бы в одну вот эту известную строфу:

---

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит Земля в сиянье голубом...*

Думается, что такую мудрость и такую красоту мира, созданного великим Творцом, можно было передать только на непревзойденном русском языке.

В русском языке органично воплотилась любовь русского человека к нашей прекрасной природе — как особому творению Всевышнего, дающему каждому из нас осознать неразрывную связь с ней, понять, что именно природа является не просто источником жизненно важных ресурсов, но представляет основу духовного и нравственного восприятия окружающего мира и творческого вдохновения. В подтверждение справедливости высказанного суждения приведу два разновременных шедевра из русской поэзии. Первый М.Ю. Лермонтова (1837 г.):

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;*

*Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-за куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;*

*Когда студень ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —*

*Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.*

И второй Н.М. Рубцова, появившийся 137 лет спустя:

*Россия, Русь — куда я ни взгляну,
За все твои страдания и битвы,*

---

*Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы.*

*Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот их у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя,*

*Россия, Русь, храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Какая преемственность! Какая поразительная неразрывная связь времен, несмотря на чудовищные катаклизмы в жизни России.

Читая эти строки, невозможно не испытывать благодарность Богу и судьбе, что довелось родиться русским, увидеть и понять то прекрасное, которое бы осталось не познанным в нашей жизни без нашего великого русского языка. Глубина и красота русского слова нашли отражение в былинах и сказках народных, в классической русской литературе, в народных песнях, в выдающихся музыкальных произведениях М.И. Глинки, П.И. Чайковского, М. И. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, С.В. Рахманинова, Г.В. Свиридова, В.А. Гаврилина. Конечно, у музыки, так же, как и в живописи, и в зодчестве, есть свой особый язык, но русский литературный язык является ядром, первоосновой всей русской православной культуры.

Злобная атака на русский язык

Начиная с середины 80-х годов XX века против России развернута страшная, можно сказать, небывалая война. Врагов у России всегда было много, и войны против нее велись практически постоянно. Но те войны имели целью захват нашей территории, наших несметных богатств, разрушение нашей святой православной веры. **Нынешняя же сатанинская война ставит целью полное уничтожение русского народа.** Выше уже отмечалось, что народ и язык его — это неразрывное целое. Народ живет и творит, пока обладает своей родной речью. Замена родного языка суррогатом иностранных языков, жаргоном, сленгом — одна

из опаснейших и отвратительнейших форм чужебесия, имеющая целью уничтожение основы русской православной культуры и самого русского народа.

Злобные атаки на русский язык предпринимались давно, начиная с XVIII века, когда в так называемом высшем свете считалось «неприличным» говорить и писать на русском языке. Особенно эти атаки усилились с иудейской узурпацией власти в 1917 году XX века, вначале меньшевиками, а затем большевиками. Разрушение русского языка было поставлено на «научную» основу, проводилось системно и преступно жестоко под видом так называемых реформ. С их помощью извращался строй языка, осквернялись его лексика и фонетика, уничтожался его национальный колорит.

Известный русский писатель Вячеслав Иванов (1866 — 1949 гг.) уже в 1918 году писал: «Что же мы видим ныне, в эти дни буйственной слепоты, одержимости и беспамятства? Язык наш свят: его кошунственно оскверняют богомерзким бесивом — неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучащими, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников, как разинское «сарынь на кичку».

Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить, свести к насущному, полезному, механически-целесообразному; уже давно его уродуют и коверкают, разрушают его гармонию, и на добрую половину перезабыли и порастеряли. Язык наш оскопляют и укрощают; чужеземною муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь. Величав и ширококрыл язык наш: как старательно подстригают ему крылья, как шарахаются в сторону от каждого вольного взмаха его памятливых крыл!»

С еще большей тревогой за судьбу русского языка в первые годы после 1917 года высказывался Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880 — 1934 гг.). «Главарями национальной культуры оказываются чуждые этой культуре люди... Чистые струи русского языка засоряются разного рода безличным эсперанто из международных словечек... Вместо Гоголя объявляется Шалом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон. Вы посмотрите на списки сотрудников газет и журналов в России; кто музыкальные и литературные критики этих журналов? Вы увидите сплошь имена евреев, пишущих на жаргоне и терроризирующих всякую попытку углубить и обогатить русский язык».

В уродовании русского языка принимали участие не только заполнившие все поры новой советской культуры «русскоязычные» писатели преимущественно еврейской национальности, но и большевистские власти самого высокого уровня. Это наглядно иллюстрируется расправой над русским языком в Академии наук.

До 20-х годов XX в. существовало в Академии наук Первое отделение — естественных наук, Второе отделение — русского языка и словесности, Третье отделение — филологии и истории. В 20-х годах отделение русского языка и словесности было уничтожено. Ученые протестовали. В их страстном письме (от 1923 года), хранящемся в фонде 172 М.Н. Сперанского* в Архиве АН, читаю: «Момент уничтожения под тем или другим именем является самым подходящим. Вот уже шесть лет систематически уничтожается все русское, все национальное, как разрушаются все культурные и духовные ценности, тысячелетия русской исторической жизни, когда русское имя вычеркнуто даже из названия государства, в такое время исключение из списков АН «Русского отделения», несомненно, будет встречено в известных сферах с нескрываемой радостью и удовлетворением... гражданский долг и ответственность перед родиной, чувство гордости, одним словом, все то, что известно под опасным в настоящее время словом «патриотизм», заставляет громко протестовать против новой попытки еще в одном месте вычеркнуть русское имя. Наш долг — указать власти на недопустимость нанесения такого оскорбления русскому национальному чувству в мирной области наук».

Далее — сценарий известный: по обвинению в создании русского националистического центра группа ученых, в их числе и академик Сперанский, были репрессированы, лишены академических званий, высланы, расстреляны, находились до конца дней под арестом.

Именно в то время в результате предпринятой «реформы» русский язык не только уродовался, но в него внедрялась явная бесовщина. В частности, замена в словах, содержащих перед глухими согласными букву «з», на букву «с» ввела в русский язык кощунственное восхваление нечистой силы. Вот тому наглядный пример.

---

* Сперанский Михаил Нестерович (1863 — 1938 гг.) — крупнейший специалист по славяноведению и византологии. В 1923 г. был лишен академического звания и с этого времени до конца жизни находился под арестом.

Прежнее написание и произношение	Современное написание и произношение
безсердечный	бес...сердечный
безславный	бес...славный
безсовестный	бес...совестный
безсловестный	бес...словестный
безпокойный	бес...покойный
безпорядочный	бес...порядочный
безпочвенный	бес...почвенный
безтолковый	бес...толковый
безформенный	бес...форменный
безхозяйственный	бес...хозяйственный
безценный	бес...ценный
безчестный	бес...честный

И тому подобные славословия нечисти.

В наши дни осквернение языка достигло своего апогея.

Невозможно без содрогания и душевной боли воспринимать нынешнее сознательное засорение словарного состава такими чуждыми всякому русскому человеку обозначениями, как мэр и мэрия, префект и префектура, бизнес и офис, брокер и дилер, брифинг и эксклюзив, и тому подобной грязной шелухой.

Не думаю, что это происходит вследствие только невежества и бессмысленного обезьянничанья. Враги России и русского народа отчетливо понимают, что изначальным условием разрушения государства и уничтожения народа, его создавшего, является уничтожение языковой культуры, капитуляция народа перед чуждой языковой экспансией.

Нет, не случайно ежедневно, ежечасно, с маниакальной настойчивостью средства массовой информации — радио и телевидение, газеты и кино обрушивают на слушателя, читателя и зрителя такие убого мутантные звуко-сочетания, как приватизация и презентация, ваучеризация и конверсия, пабликрейлейшн и саммит, пресс-релиз и дизайн, гала-шоу и уик-энд, там-там-новости, новости Ай-ти-эн и прочая белиберда, уродующая слух, эстетический колорит и смысл русской речи.

Для русофобов характерна дикая ненависть ко всему русскому. «Ненависть же, — по определению православного богослова и историка Г.В. Флоровского (1893 — 1979 гг.), — выжигает любовь, а только в любви духовная зоркость».

Легко было поддаться нравственному опьянению перед лицом зла и злобы, творимыми на русской земле ее теперешней антихристианской властью, духовно ослепнуть, превратиться в постыдно невежественных, злобствующих клеветников.

Грязному охаиванию подвергается великая русская литература, выдающиеся представители русского мировоззрения, непревзойденные мастера родной речи. Примеров этой разнузданной вакханалии несть числа. Приведу здесь, может быть, самые одиозные из них.

Многим, думаю, памятен грязный пасквиль Абрама Терца (именующего себя Вадимом Синявским) «Прогулки с Пушкиным», пересказывать содержание которого нет нужды, да и просто противно. Было это довольно давно, и, казалось бы, все уже ясно с этой публикой. Но не дает покоя клеветникам и в наши дни образ русского гения. Недавно в «Новом литературном обозрении» подробно сообщается о том, как некто Н. Фойнерман пишет в Израиль своему соплеменнику Н. Вайману: «Здравствуй, Наум! Да, почитал я тут Пушкина — твой шестой том. До чего же пустой человек!» О другом русском классике М.А. Шолохове поведал нам единомышленник указанных «знатоков» русской литературы некто В.П. Зеев, принявший в Израиле имя Бар-Селла. В его интервью, помещенном в «Новой газете», приуроченном к 100-летию писателя, читатель «узнает», что «...биография Шолохова писалась задним числом, в соответствии с сочинениями, выпущенными под его именем. Это не жизнь реального человека, а политико-идеологический проект. Удалось обнаружить и зачинателя этого проекта — ИНФО-ОГПУ. Проще говоря, информационный отдел тогдашней спецслужбы, курировавший интеллектуальную жизнь страны. На данном этапе не важно, кто был автором «Тихого Дона». Кто бы это ни был, он был, несомненно, писателем, а сегодня мне совершенно ясно: Шолохов писателем-то не был».

Что за бред! — подумает читатель, пребывающий в здравом рассудке. Но, в том-то и дело, что авторы и хозяева упомянутых изданий, впрочем, как и многих других подобных газет, журналов, а также телепередач, убеждены, что им уже удалось полностью зомбировать читателей, слушателей и зрителей и лишить их всякого собственного разума. Шельмованию и посмертному оскорблению подвергаются и другие самые светозарные русские мыслители и писатели, творившие на красочном, много-

звучном, молитвенном русском языке. Не избежали презренной брани Гоголь и Достоевский, Белов и Распутин, Есенин и Рубцов.

Я неоднократно задумывался: чем диктуется, чем питается в этих нечестивых «критиках» столь постыдная, буквально зоологическая злоба по отношению к людям, наделенным Всевышним светлым разумом и талантом, способностью неустанно трудиться, чтобы приносить людям знания и радость. И не находил никогда другого объяснения кроме того, что в этих нечестивцев вселен дух злобы и лжи — сатана, который не имеет силы нападать непосредственно на Бога и, не обладая способностью делать добро, с остервенением нападает на тех, кто по благодати Божией творит добро. Сами, будучи бездарными, эти «критики», движимые самой черной завистью, не останавливаются перед примитивной клеветой на самых ярких служителей русской культуры, хранителей животворного русского языка.

Чудовищно видеть и осознавать, что нынешняя власть, начиная с президента РФ (не поднимается рука написать России) не только не пресекает эту грязную и оскорбительную практику, но даже с помощью враждебных русофобских СМИ всячески поощряет ее. Чего стоит лишь тот факт, что по признанию самого В.В. Путина, сделанного им в Париже, его любимым писателем является буфонадствующий сквернослов Венедикт Ерофеев, тот самый автор постыдной повести «Москва — Петушки», который, кстати, в аннотации к своим произведениям, изданным во Франции, хвастливо признавался: «В Париже я предал Родину на всю последующую жизнь... я предал страну, в которой я так никогда и не почувствовал себя своим... я предал Родину, не заметив этого, легко и свободно» (ЛГ, 2004, №42). Чему же удивляться, если бывший министр культуры РФ, а ныне главный шеф лживого и мерзопакостного телевидения Швыдкой, защищая скабрёзные опусы писателей-сквернословов Сорокина, Пелевина и им подобных, заявляет, что если из русского языка убрать мат, то от него ничего не останется. Не отстает от него и другой ставленник президента — министр образования и науки РФ Фурсенко, который, будучи злобным гонителем и разрушителем этих ключевых отраслей развития России, в своей безумной ненависти к ней, заявил на заседании Госдумы, проходившем в январе 2006 года, что у нас в стране численность школьных

учителей в полтора раза больше потребности в них. Эта чудовищная ложь потребовалась ненавистнику интеллектуального просвещения детей и юношества для того, чтобы изгнать из российской школы прежде всего преподавателей русского языка и литературы, в которых и без того ныне наблюдается острая нехватка, а количество учебных часов в школьных программах резко сокращается. Это делается во исполнение агрессивной стратегии глобализации, проводимой «мировым правительством» в лице иудо-банковского финансового капитала США и Израиля, имеющего целью превращения России в сырьевой придаток западных стран, а ее народа в бездуховных, интеллектуально неполноценных рабов.

Российские слуги западных глобалистов в открытую утверждают: **«Русский язык не нужен бизнесу»**. Да и вообще образованные люди в России не нужны. Именно этим мракобесным принципом руководствуется Министерство образования и науки РФ. Иначе как можно объяснить тот чудовищный факт, что в 2005 году 12% детей школьного возраста не посещали школу, а многие юноши, призываемые в армию, настолько безграмотны, что не могут выучить и произнести наизусть короткий текст присяги. И это по нынешней либерально-образовательной практике не такой уж одиозный пример. Есть и покруче. Недавно в Москве была проведена Историко-литературная олимпиада для старшеклассников. В финал вышли трое самых образованных из «элитных» лицеев и гимназий. Победителям одна из членов жюри задала вопрос «на засыпку»: «Кто кого вызвал на дуэль в романе Пушкина «Евгений Онегин» и из-за чего состоялась дуэль?» Двое молодых людей бойко ответили, что «Ленского вызвал на дуэль Онегин из-за Татьяны». Когда их поправили, юноши признались, что Пушкина они не читали. С девушкой было все иначе. Она заявила, что Пушкина читала, конечно. Неугомонная член жюри попросила девушку высказать свое мнение об образе пушкинской Татьяны. «Да она глупая, — ответила победительница. — Она же любила Онегина, так надо было отдаться ему, родить от любимого мужчины сына, любить его, и не надо тогда было бы выходить замуж за старого генерала». Это ли не яркий пример отсутствия у «образованной» девушки столь необходимой в нынешних условиях русской православной культуры.

Да и откуда ей взяться? От развратного швыдковского

телевидения или от его же бульварных газет? Не только от этих «свободных» либерально-демократических СМИ, но даже и от, казалось бы, вполне респектабельных ожидать этого не приходится. Наглядное тому подтверждение. Я живу в районе Москвы Митино. Каждую неделю в подъезде дома почтальон оставляет местную (окружную) газету «Октябрьское поле». Бесплатно. Тираж ее 880 тыс. экземпляров. Это вам не патриотические издания «Русский дом» или «Русский Вестник» с тиражом соответственно 36 и 45 тыс., за подписку на которые читателю приходится уплатить изрядную сумму, многим просто недоступную, а в бесчисленных киосках прессы этих изданий нет. Так что же я читаю в передовой статье «Октябрьского поля» №5 за февраль 2006 г.? Цитирую: «Забудьте про условности: религия, культура... Выходите дружно на площадь. Запевайте гимн любви и страсти». Как видите, читатель, *религия и культура — это всего лишь условности!* Статья без подписи, следовательно, надо полагать, это — позиция редакции. Поинтересовался руководством газеты. Ими оказались: Тамара Шарина — главный редактор и Светлана Никанова — зам. главного редактора. Вот такие теперь у нас милые дамы-просветительницы. Так что же удивляться суждению гимназистки — победительницы историко-литературной олимпиады — о «недомыслии» пушкинской Татьяны.

Дальновидные русские педагоги и их единомышленники при поддержке русской православной церкви настойчиво добиваются преподавания в школе курса «Основы православной культуры». Однако их предложения встречают яростное сопротивление атеистов и русофобов. Чиновники из министерства образования в своем сопротивлении духовно-культурному просвещению молодого поколения, призванного возрождать Россию, добиваемую ее внутренними врагами, доходят до полного абсурда. Проводимое запрещение преподавания этого жизненно важного предмета совершенно нелепо мотивируется тем, что родители школьников не подавали заявлений о преподавании их детям «Основ православной культуры». А что, математика и физика, история и география преподаются ребятам по заявлению их пап и мам?

Есть и другие более «умные» способы избавления от ненавистного предмета. Так, престарелый академик Гинзбург считает, что преподавать этот курс в школах необходимо, но...«с атеистических позиций». Ну что ж, этот

хоть имеет, если не мужество, то некую браваду в демонстрации своих антихристианских убеждений.

Иные же действуют столь же лукаво, но более изощренно. Так, некто Чебурбян, впрочем, тоже академик, добивается вместо преподавания «Основ православной культуры» излагать школьникам курс «История мировых религий». В этом зловещем замысле он столь преуспел, что заявляет об уже подготовленном Институтом внешней истории РАН (которым он же и руководит) специальном учебнике по этому явно антиправославному предмету. Более того, этот не в меру активный труженик на ниве просвещения устами своего единомышленника министра Фурсенко лживо поведал общественности, что рекомендуемый учебник получил одобрение Московского патриархата. В ответ на эту ложь руководитель Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» Сергей Кравец категорически объявил, что Русская Православная Церковь не поддерживает саму идею преподавания в школах «Истории мировых религий». Нужны ли еще какие-то дополнительные оценки положения, в котором оказались русская православная культура и ее носитель — русский язык?

Очевидно, что их надо срочно защищать. Защищать активно и всенародно. О путях и способах этой защиты автор надеется рассказать в одном из следующих номеров журнала.

Александр МАЛИНОВСКИЙ

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ПОВЕСТЬ

ХІІІ

В конце ноября 1970 года за большие заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана, и особенно химической и нефтяной отрасли, Куйбышевскую область наградили орденом Ленина.

На базе нефтедобычи бурно развивались нефтеперерабатывающая, химическая и нефтехимическая промышленность. За восьмую пятилетку объем продукции удвоился. На десятках химических заводов теперь выпускалось более ста ее видов. Восьмая пятилетка завершалась настоящим триумфом.

Гигант нефтехимии — завод синтетического каучука, на который после выпуска уехали около двух десятков институтских однокашников Ковальского, — стал одним из ведущих в стране. За пять лет там произвели сверх плана тысячи тонн различных марок каучуков. Производительность труда возросла более чем в два раза.

За пятилетку в области заработало около четырехсот новых предприятий, производств, цехов, ус-

---

Окончание. Начало в №11-12 за 2007 г.

ПРОЗА

141

тановок. Среди них Новокуйбышевский нефтехимкомбинат, третья очередь завода синтетического каучука, азотно-туковый завод.

Социалистическое соревнование в честь столетия со дня рождения Ленина рождало все новых и новых победителей. Мелькали знакомые и неизвестные ранее фамилии награжденных орденами и медалями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1971 года за заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности награждены только по Куйбышевской области орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть» более трехсот человек.

Орден Ленина получили Александр Алексеевич Устинов — директор Куйбышевского завода синтетического спирта, директор Куйбышевского завода синтетического каучука Николай Вартанович Абрамов и директор Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего комбината Павел Никитич Узункоян.

* * *

Сплотившиеся вокруг Самарина инженеры-новаторы разработали схему выпуска этилбензола для производства синтетического каучука и пластмасс. Побочный продукт, имевший ранее малую цену, стал одним из основных среди фенола, ацетона, альфаметилстирола и полиэтилена.

Плодотворная идея использования отходов дала толчок почину по всему заводу.

А вскоре другая инициативная группа, проведя реконструкцию, из сжигаемых на свалке отходов производства выделила воск — низкополимерный полиэтилен, нашедший применение в строительстве.

Горком партии на своем бюро поставил вопрос масштабнее: необходимо комплексно использовать сырье и отходы. И обязал привлечь к этому делу научно-исследовательские и проектные организации. А далее уже дело дошло до кооперации между предприятиями города и области.

Так ценное начинание, зародившееся в одном цехе, обединяло общей целью: работать без отходов. Все должно идти в дело!

Более того, полезная инициатива вышла за пределы области: министерство рекомендовало распространить ее на всю отрасль, а работников завода премировать.

Таков был нехитрый, но действенный прием, заставлявший огромные коллективы трудиться в нужном направлении.

Немало партийных чиновников оказывалось около рабочего человека, будь то простой исполнитель либо главный специалист. Они тоже получали премии и награды. Дела-то вершились большие! И масштабы, и успехи покрывали эту некую неувязку, свободно позволявшую иному партийному деятелю искренне считать себя незаменимым. Попробуй докажи кому обратное... Успехи налицо! Многие партийцы действительно сжигали здоровье и жизнь, выполняя поставленные сверхзадачи.

Все бы ничего, но и партийное руководство, и газеты подавали первоначальную инициативу — как предложение вовсе не специалистов-инженеров, а рабочих. И это принималось как должное. Никто не роптал. «Это должно обижать инженеров, оно не соответствует действительности», — рассуждал Ковальский.

— Ты не понимаешь кое-чего, — объяснял ему заместитель начальника цеха Новиков. — Текущий момент каков? — Он многозначительно посмотрел на Александра.

— Каков? — переспросил Ковальский.

— Здравые, «каков»? Идет не просто химизация, а «...плюс химизация» — то есть строим коммунизм, наше поколение должно жить в нем. Так определено!

— И что?

— Волну энергии масс надо поднять, понимаешь? А ты о своих правах каких-то заявляешь... Надо, чтобы каждый человек, начиная с самого низа, понял — он перводвигатель событий! Он может очень многое! Каждый — участник переустройства мира! Ведь мы первая держава в мире, где будет коммунизм! «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» или вот — «Руки рабочих! Вы даете движение планете!» Разве просто так говорится, поется? Нет! Все работает на сознание, помогает вершить! Это как горячее! Разве непонятно?

Новиков говорил уверенно и веско. И считал, что на это у него есть право. Он прошел школу комсомольских активистов еще до армии. И в армии был активным комсомольцем. Теперь он — член парткома завода.

Глядя в потускневшее лицо Ковальского, добавил:

— Ты — парень башковитый, давай выруливай на столбовую четкую дорогу. Мы уже советовались в парткоме. Ты должен готовиться к вступлению в партию. Рекомендации будут.

— Я об этом еще не думал, — отозвался Ковальский.
— Думай, голова! Столько сереньких личностей в общей массе, поняв главное, шагают в ногу, не ломая строя, и делают огромное дело, — уверенно произнес Новиков и поднял трубку заверещавшего телефона.

— Новиков слушает! — голос у него четкий и энергичный. И сам весь, как сгусток энергии, данной для каких-то выверенных и несомненно сверхполезных решений.

«Когда он говорил про шагающих в одну ногу — имел в виду и таких, как Свиначев?» — подумал в это время Александр.

Ковальский хотел было затеять разговор еще об одном. Он недоумевал: зачем надо давать так много наград за обычный труд? Только по области — сотни! Если труд — естественная человеческая потребность, то отличный труд — сам по себе уже награда. И, если хорошо за это платить, то зачем все остальное? «Тут игра какая-то, должно быть». Так он думал, глядя, как вышестоящий начальник энергично говорит в трубку. И спохватился: «Растолкует с ходу, а я все равно, бестолочь, не пойму. Не буду спрашивать...»

Потом опять пришла неудобная мысль: «А если бы мне дали орден, я ведь не отказался бы? Скорее всего, нет. Так в чем же дело? Думай, голова», — повторил он слова Новикова и неопределенно усмехнулся.

Новиков положил телефонную трубку и сказал, будто они и не прерывали разговора:

— Нужна сплоченность и общность усилий, понимаешь?

— Обратно нет, — намеренно отозвался Ковальский фразой, которую часто говаривал Свиначев, и улыбнулся.

Новиков невозмутимо продолжил, полагая, что нужны пояснения:

— Наш командир полка говорил, что людей можно разделить условно на два типа: «яйцо в скорлупе» и «яйцо без скорлупы». Вот японцы — «яйца без скорлупы». Они не каждый в отдельности, а легко взаимодействуют друг с другом. Дружны, а потому и сильны. Много делают, потому что одинаково мыслят и действуют, понимаешь?

Ковальский не отвечал.

«А ведь Новиков не так уж и прост, как кажется. У него своя выверенная обкатанная идеология. Он даже и не философ. Он — заряженный на дальний свой прицел практичный человек. Его умение кропотливо находить идейную опору для своих действий, очевидно, важно».

Не дожидаясь ответа, Новиков встал, прихватив со стола авторучку и записную книжку:

— Пройдусь по цеху перед обеденным перерывом. Давай вместе.

Уже на ходу, закрывая дверь, вполголоса, хотя никого в коридоре не было, но не желая, чтобы в соседнем кабинете механика цеха его услышали, он проговорил:

— Не уединяйся в себя сильно. Будь, как все. Пойдет тебе на пользу. В коллективе нельзя быть индивидуалистом. Не поймут. Думай, как все. Поступай, как все.

«Ничего не понял», — уныло отозвался про себя Ковальский.

— Пиши заявление в партию, это тебя мобилизует, по себе знаю. Твое место среди активных людей, иначе не реализуешь себя...

...В цеховую операторную вошли вместе. Оба подтянутые, энергичные. И единодушные. Так казалось со стороны.

* * *

...На установке ректификации их встретил Анатолий Вихарев. Развел с досады руками:

— Помогите, я один. Не успеваю.

— Как — один? А где Мария? — спросил Новиков.

— Ей плохо, пошла в медпункт, а там ее проводили домой. На больничном будет.

— А что же молчишь?

— Не успел позвонить, забегался. Температура верха головной колонны не держится. Был бы третий по штату аппаратчик, как раньше, а то — невмоготу. Нельзя тут щекинский метод применять. Верните хоть на пуск.

— Где же взять-то его? — отреагировал Новиков. — В остальных сменах тоже по двое теперь. — Он бросил взгляд на Ковальского. — Александр, ему же еще, — посмотрел на часы, — еще пять часов вкалывать. Поработай в смене с ним. Попробую что-нибудь придумать до завтра, если не получится, сам выйду. Хорошо?

— Хорошо, — согласился Ковальский. — Только давайте сбегая в буфет — перехвачу чего-нибудь по-быстрому...

— Договорились!

* * *

...В отрасли активно внедряли опыт Щекинского химкомбината. У щекинцев нашлось много последователей.

В стране к началу 1971 года по этому методу работало около сотни предприятий, в том числе семь — в Куйбышевской области. Успехи вдохновляли.

Щекинский эксперимент заключался в сокращении персонала за счет совершенствования организации труда и управления. Это — как бы первый этап. На втором — рост производительности труда должен был определяться прежде всего повышением технического уровня.

В центральной операторной на столе начальника смены лежит газета «Волжская коммуна» со статьей «Год по щекинскому методу». Читают по очереди. Анализ и факты заставляют подтягиваться и равняться на передовых.

Передовики в области теперь — объединение «Куйбышевнефтехимзаводы» и завод «Тольяттинский синтезкаучук».

С 1 июля 1969 года по 1 июля 1970-го в объединении высвободили более 1900 человек.

Если в первом полугодии 1969 года, то есть до сокращения, производительность труда возросла по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 0,1%, то во втором, с переходом на новый метод, рост составил 9,4%. А уже в первом полугодии 1970 года она поднялась на 16,5%, а прибыль — на 32,9%.

И так достигались нужные показатели.

Обычно газеты на рабочем месте в этом цехе не читали. Специфика технологии особая. Требовала большой внимательности и частых оперативных вмешательств. Но эта статья о насущном. Поэтому ей привилегия.

* * *

В этот раз Суслов и Ковальский приехали с завода в одном автобусе, отработав вместе ночную смену.

— Послушай, твоя москвичка — замужняя?

Лицо Суслова непроницаемо. Что у него на уме?

Они только что вошли в свою комнату.

— Откуда знаешь ее?

— Видел два раза вас около дома, в котором гостиница. Москвичку твою весь город уже приметил...

— Ты знаешь, где гостиница?

— Хе, я там неоднократно бывал. И раньше приезжали... Они, москвички, у нас тут не теряются... Но такую, как твоя, впервые вижу. Не пройдешь мимо, не оглянувшись!

— Иди к лешему! Ей двадцать семь и она холостая. Замужем не была. У меня серьезные намерения, понял?

— Фи... — вытянул дудочкой губы Суслов. — Неужели так голову заморочила, что ты веришь?

— Володь, отстань...

— Мне-то что? Вот тебе... Я отстану... Только не верю: такая и не попадала в переплет, к двадцати-то семи годам...

Он посмотрел поверх головы Ковальского и сказал, будто сам себе:

— Красота — штука непростая, гипнотизирует... Не ты первый...

Ковальский не нашелся с ответом и сказал первое, что на ум пришло, чтобы только закончить ненужный, как он считал, разговор:

— Знаешь, однажды проверял себя на гипноз, некоторые до дури доходят, а я — ничего...

— Саша, а ты можешь ответить, кто ты? — Сулову что-то надо было уяснить.

— Не понял? — ответил Ковальский, открывая скрипучую дверцу шифоньера.

— Не могу привыкнуть... Ты, ну, прямо, не наш, не современный человек...

— Поясни, пожалуйста. Так сказать, транскрибируй!

Сулов помолчал демонстративно, затем растолковал:

— Очень просто: живем с тобой в одной комнате, а я ни разу не слышал от тебя мата... и вообще...

— И всё?!

— Нет.

— Ты ни разу не напился! Подозрительно! Это, ну, никак не укладывается в рамки нормального нашего социалистического общежития. Неуютно как-то. Если бы был из интеллигенции, сказал бы: ты какой-то рафинированный.

— Кончай обзывать.

— Слушай, а возьми меня с собой в деревню свою как-нибудь, а?

— Зачем тебе?

— Ну... — не сразу ответил Сулов. — Посмотреть, все у вас там самодостаточные такие, или как?

— Возьму как-нибудь, — пообещал Ковальский, а про себя заметил: «Поедем — покалякает с Проняем либо с Синегубым, они ему мозги поправят...»

...Когда Сулов вышел, Александр, сидя на койке, призадумался: «Что я знаю о Руфине? Всё... и ничего... Она не рассказывает, я не спрашиваю. Кто был до меня?.. Какое мне дело?.. Ясно, что она не избалована... Наедине

неопытна и даже застенчива... Не вижу фальши. Зачем ей морочить мне голову, если говорит, что у нас ненадолго? Она не верит в мое постоянство, а не я... Вот как получается?..

Странно, — продолжал размышлять Ковальский, — я уж думал, что счастье меня обошло. Но жизнь непредсказуема! Какими путями, какими тропиночками нам по отдельности надо было идти, чтобы встретиться? Непостижимо!»

* * *

Он тихо встал, чтобы не потревожить Руфину. Четыре утра. Ночник мягким светом освещал волнующую фигуру, по плечи укрытую простынею. «Похожа на уснувшую богиню», — подумал Александр, прислушиваясь к ее мерному дыханию.

По-детски чистое лицо спокойно. Верхняя губа, чуть припухшая, изредка вздрагивала. Казалось, она сейчас, не открывая глаз, что-то скажет и, как это иногда бывало, тихо улыбнется: «Не подглядывай, я сплю...».

Он тихо пересел в кресло.

«Странно. Когда смотрю на нее обнаженную, хочется одеть в шикарное старинное розового цвета платье с глубоким декольте и войти с ней в светлую залу, где стоит фортепиано. И она непременно должна запеть старинный классический романс. Она из той, далекой жизни!.. Как получилось, что Руфина в этом загазованном, отравленном городе со мной среди заводских пылящих, свистящих цехов? Научный работник? Но ее ли это дело? Когда привозит из Москвы пачки масла, лимоны, колбасу — мне всегда стыдно. Стыдно, как мы тут живем. Самое необходимое — дефицит. Нас оскорбляют. Мы же неплохо работаем! Гремят фанфары! А нормальный быт только в столицах. Ясно, я не поеду жить в Москву. Но как ее удержать около себя, здесь? Не имею права. Мне совестно! Что же делать? Совестно мне за жизнь, которая окружает здесь, слышишь, спящая ты моя красавица!»

Руфина пошевелилась. Ковальский мистически вздрогнул, думая, что она услышала его мысли, и затаился. Она же высвободила длинную белую руку и, медленно выпрямив ее, протянула вдоль туловища, успокоив кисть ниже высокого бедра.

«Руки милой — пара лебедей». Как поэт так мог проникновенно сказать? Прочувствовал то, что сказал, или

только придумал? И что важнее: почувствовать и пережить или придумать так, что это потом будет чувствовать каждый?»

Александр не лег спать. Было не до сна. Так волновало ее присутствие. И то, что с ним происходит...

В комнате с провалившимся шатким креслом, скрипучей кроватью и убогим шифоньером с двумя потемневшими деревянными вешалками находилось сокровище. Это он понимал...

...Иногда ему казалось: он скоро начнет выть от того, что нельзя ничего сделать, чтобы все вокруг было достойно ее присутствия.

Александр не находил себе места. А Руфина будто не замечала, что с ним творится...

Она не была избалована.

XIV

Третий день, как закончился капитальный ремонт. Пусковые операции велись с опозданием. Головная установка не в режиме и конечный продукт идет низкого качества. Работа установок в технологической цепочке до цеха Ковальского сдерживается. Он, словно пробка, заткнул горловину.

Утром после планерки у директора приехал главный инженер Ренат Агнасович.

Он посмотрел показания контрольно-измерительных приборов, перекинулся несколькими фразами с аппаратчиком, который вел процесс, и пошел к столу начальника смены. На ходу взмахом руки властно пригласил Новикова и Ковальского за собой.

Ковальскому показалось, что враз все в операторной с приходом главного стало другим. Его внушительная крупная фигура, уверенные жесты преобразили ее.

— Принесите бумагу. Ну, хотя бы большой кусок диаграммной ленты, — произнес он в сторону начальника смены, глядя не на него, а мимо, на щит управления.

«Чего туда смотреть, приборы-то отключены? Эта система в резерве», — не понял Ковальский.

Когда принесли бумагу, главный кивнул Новикову:

— Чертите полную технологическую схему установки.

— Зачем время терять, вон же схема висит на стене в раме, — невольно вырвалось у Александра.

Присевший было к столу Новиков вопросительно глянул на главного инженера.

— Чертите, чертите!

И Ковальскому:

— Командовать здесь буду я.

«Зачем ему это?» — недоумевал Ковальский, наблюдая, как Новиков покорно водит ручкой по бумаге. Припомнил: многие поговаривали, что главный скор на расправу.

«Он же не там ищет! Хочет обвинить технолога цеха в незнании схемы? Абсурд! Любой из присутствующих прощупал ее руками, без этого нельзя! Помощи не будет, скорее, наказание», — определил молча Александр.

— Ну и где сидит зверь? — спросил главный, когда Новиков провел последнюю линию в весьма запутанном чертеже.

— Если б я знал, — не теряясь, ответил Новиков.

«Молодец», — мысленно похвалил Ковальский.

— Дело в том, что я много раз пускал эту установку успешно, но такого не было, — проговорил Новиков. — Не выводятся колонны по температуре на устойчивый режим. И не держатся уровни. Хотя внешне все исправно.

— Чудес не бывает, — веско сказал главный, прямо глядя перед собой.

— Понимаем: причина где-то внутри. Дайте еще сутки.

— Ковальский, есть что добавить? — взгляд главного требователен, почти суров.

«Надо стоять за Новикова», — мелькнула мысль. Вслух Александр сказал:

— Нужны еще сутки!

Главный ядрено крикнул, будто после выпивки. Видимо, ему понравилось, что вокруг народ не из пугливых, можно положиться.

— Хорошо, сутки — не более...

И они пошли в кабинет к начальнику цеха.

...Быстро встав из-за стола, Ганин с ходу попал под обстрел. Рукопожатие при встрече было дружеским, но тяжелые вопросы высокого гостя заставляли втягивать голову в плечи. Это Ковальского до определенного момента забавляло, пока не возникло острое желание воспротивиться манере главного превращать окружающих в виновных школяров.

— У вас самый высокий среди родственных предприятий расходный коэффициент по пару, что-нибудь думаете делать?

Ренат Агнасович уже сидел за столом начальника цеха и так же требовательно, как и в операторной, смотрел перед собой. Только там у него перед глазами были отключенные приборы, а здесь — пустая серая стена.

«Очевидно, привычка такая — не глядеть на собеседника, так проще», — догадался Ковальский.

— Думаем... — начал, было, Ганин.

— Долго думаете. И единичная производительность реакторов у вас ниже!

— А есть ли смысл наращивать мощности, — не сдержался Ковальский, — если нет утилизации тепла, не ставим котлы-утилизаторы. Высок расход энергоресурсов оттого, что, увеличивая мощности, не оптимизируем процессы.

Главный удивленно перевел взгляд на Александра. И тот, ожидая вопроса, замолчал.

— Продолжайте.

Ковальский решил:

— Проектную мощность цеха перекрыли на тридцать процентов. Меняем насосы на более производительные, а продуктопроводы — нет. Предохранительные клапана на большие размеры не меняем. Это ведет к повышению опасности. Все на пределе. Кому-то внятно надо сказать: хватит! Лимит давно исчерпан. Может грохнуть, — Александр давно думал о том, что сейчас говорил, и был уверен, что проблеме нужно обсуждать.

— Завидный пафос! — усмехнулся Ренат Агнасович.

Ковальского царапнула эта фраза. «Серьезно не хочет говорить? Была не была». Набывчившись, произнес:

— В конце концов, это неграмотно. А щекинский метод усугубляет. Персонала все меньше в обслуживании. Техника стареет. Работаем, как правило, без резерва! С оборудования, технологии надо бы начинать, а не с сокращения людей...

Главный, мотнув головой, бросил в сердцах на дальний край стола ондатровую шапку. Сказал то, чего Ковальский не ожидал:

— Ну, ты достал меня! Пойди и докажи, кому следует, только что сказанное тобой! Против течения хочешь плыть? Я уже пробовал, чуть шею не сломали.

Ганин и Новиков переглянулись.

«Эти промолчат, — подумал Ковальский. — Они осторожные мужи... Да и время ли сейчас? Цех-то не можем пустить...»

— Зато мы гремим по области как инициаторы встречных планов... И все инициативы подхватываем и... перехватываем, — Александр уже чувствовал, что пора остановиться, но что-то будто толкало в спину.

— Я бы с тобой не стал разговаривать, если бы не твои дипломы.

— Не понял? — сказал Ковальский.

— Ты награжден дипломом второй степени по министерству за экономию энергоресурсов, а там еще на подходе диплом по объединению. Рацпредложение по перекрестному охлаждению потоков водноспиртового конденсата твое?

— Мое.

— Ну, так вот, поздравляю! Экономия за первый год его использования внушительная!

— Ренат Агнатович, а то, что я предлагаю с котлами-утилизаторами — на порядок больше даст экономию, чем то, за которое диплом этот...

— Ну, ты и язва! — Главный посмотрел на остальных присутствующих, будто ища подтверждения. — Где твои предложения?

— В техническом отделе. С отрицательным заключением вашего зама.

— Забери и неси мне! Будем разбираться. — Он энергично взял со стола шапку. — А пока, Василий Анатольевич, — он обратился к Ганину, — пока не наладите режим и не начнете давать качественную продукцию, буду считать, что в цехе с кадрами итээр плоховато. И надо смотреть этот вопрос...

«Как же так, — удивился Ковальский, — он с нами вместе все смотрел? Причину сразу трудно определить. Сам это понимает. Ситуация каверзная и требует каких-то необычных решений. Сам не предлагает, но требует. Так разве можно?»

...Когда главный пригласил его к себе, Ковальский воодушевился. Ему понравился такой подход: «приходи — разберемся». Ну, а потом, здесь?.. И в операторной?..

Главный ушел, не разрешив начальнику цеха проводить его. Ганин сказал, словно между делом, между Ковальским и собой.

— Ну и завариваешь ты кашу на нашу голову.

— Какую кашу?

— Такую! Ты пытаешься на равных при нас говорить с главным инженером.

— А как надо? Полагаю, когда говорят специалисты — начальства нет. Все равны, — спокойно возразил Ковальский.

Ему досадно, что и начальник цеха, и его заместитель смолчали. Хотя совсем недавно, каких-то две недели назад, все его предложения одобрили.

— И потом: я ведь прав.

— Голубчик, чтобы нравиться людям, а значит, и начальникам, надо ни в коем случае не давать им намека, что кто-то может быть разумней, чем они, — наставлял начальник цеха.

«Они, кажется, с Новиковым «японцы — яйца без скорлупы», — подумал Ковальский.

— Но мы не на улице и не на девичнике: «нравится-не нравится»? На производстве — это общее дело! — попытался он поразмыслить вслух.

Ганин терпеливо продолжал:

— Как сказать?.. Общее... Да. Но важно, где сказано и когда? Ты уж поверь мне! Совет, который дают в присутствии других, воспринимается как упрек. А тут похуже того. Ты втолковывал ему, что лучше понимаешь ситуацию. А сам вместе с нами не можешь вывести установку на режим. Пятый день не даем нормальный готовый продукт. Главного инженера обычно в таких случаях вызывают «на ковер» в Москву объясняться. Понял, какое настроение у него? Целая отрасль задыхается. Каждый отвечает за свое. Вся страна связана в нефтехимии в единую технологическую цепочку. Готовый продукт одних — сырье для других. Планы, встречные планы, социалистические обязательства многотысячных коллективов связаны друг с другом. Рапорта, митинги, знамена...

— Это разные вещи, — возразил Александр.

— Разные? Вот съездит в Москву и схлопочет там выговорешник. Думаешь, кого вспомнит в первую очередь? Тебя, милоч, да меня... Мы получим из-за твоей строптивости поболее, чем могли бы... А с учетом желчного темперамента нашего главного... Надо бы смотреть на этот его брык как на природное явление.

— Но ведь это похоже на угодничество! Где-то так можно! Наверное, на стороне, где спокойнее, а здесь? Непростое производство... — не соглашался Александр.

— Я тебе — одно, а ты — другое... И у заместителя его ты теперь будешь, как бельмо...

«В споре нельзя победить, — вспомнил Ковальский

давнишние слова Анны. — Всегда противник может сказать, что ты не прав. А я и не собираюсь спорить, пусть Ганин говорит. Мне надо знать, как он мыслит. Он в чем-то прав, только я пока концы не свяжу», — вел он молча диалог с Анной. Ее лицо светило издали, из глубины памяти.

А начальник цеха думал о другом: «Птицу по полету видно. Нароботаемся еще, возможно, под началом Ковальского. Замах не то что у нас — поболее. Оттого ли, что мы вечерний институт кончали, привыкли с рабочими в подчинении, или потому, что семейные и это заставляет быть покладистыми... Не затыркали бы... Аппетит у него на работу крепок... И вот эта его способность независимо мыслить...»

Если бы Ковальский знал, о чем сейчас думает Ганин! Пожалел бы, что сгоряча сравнил своего начальника с Троекуровым. А может, и нет. Александр понял уже, что Ганин вовсе не злой человек и его несдержанность идет часто от желания сделать дело лучше. Но столько разных препятствий... Он уже начинал понимать, что одно дело — инженерная работа в технологии, другое — руководить людьми. Не смог же родной дядька работать на стройке прорабом. Когда бригадир, не выполнив норму, настаивал на закрытии липовых объемов, с досады ударил его по спине подвернувшимся рулоном рубероида и уволился.

«Не такая ли участь ждет и меня? Я, очевидно, больше специалист, нежели руководитель. Часто все делаю грамотнее и быстрее, чем многие. Если бы имел профессию, которая связана только с собственной умелостью и работоспособностью! Больше бы успевал! Есть ли такие профессии? Есть! Часовые мастера, зубные врачи... Кто еще? — думал он. — Вообще врачи. Но ведь это все не мое. Очевидно, писательство?! Но этот род деятельности непостижим для меня. Здесь многое решает особый литературный дар. Талант!»

* * *

...Они с Новиковым все-таки вывели цех на режим. Всю ночь были на ногах. Много возились с наладкой контрольно-измерительных приборов. Дважды останавливали работу колонн.

В кабинет вошли около шести утра. Там Ковальский протянул Новикову аккуратный лист бумаги.

Тот деловито принял и прочел с расстановкой:
— «Прошу принять меня в члены Коммунистической партии, так как хочу быть в активных рядах строителей светлого будущего нашего народа».

Ну, вот и замечательно! Это — программа на всю жизнь. Она не даст ни хандрить, ни расслабляться... — заключил Новиков.

«Почему он проявляет такой повышенный интерес ко мне? Чувствует, очевидно, вину передо мной. Назначен на обещанную мне должность, а сам еще только учится на четвертом курсе. Мужик-то работающий и совестливый...»

* * *

Через неделю на техническом совете у главного инженера в присутствии Ковальского согласно его предложению решили по утвержденному графику установить дополнительные котлы-утилизаторы.

А через год новшество появилось уже на всех родственных предприятиях отрасли. Министерство стимулировало внедрение передовой технологии и техники. В ежеквартальных отчетах предприятий, копии которых оно рассылало, это отмечалось особо.

XV

...Когда Ковальский вошел в приемную, секретарь Светлана приветливо улыбнулась:

— Заходите, Александр, Валентин Сафронович говорил о вас.

В кабинете двое: Самарин и тот «Лановой», которого Александр видел здесь раньше.

Выйдя из-за стола и протягивая руку, Самарин сказал:

— А это наш молодой, но очень перспективный инженер Ковальский.

Александр кивнул сдержанно головой.

— Виталий Викторович, — представился гость. Руки он не подал и не встал.

Ковальский присел к столу.

Самарин, продолжая, очевидно, начатый до него разговор, произнес:

— ...такие объемы, такие масштабы — архиважны! Но эти же масштабы и умножают воздействие на среду обитания. Так обстоят сейчас дела в Чапаевске. Я родом от-

туда. При выпуске отравляющих веществ столько заболеваний и отравлений было во время войны! И сейчас хлорорганика делает свое... И наша нефтехимия...

— Ты хочешь сказать, надо сокращать производства?

«Кто позволит?» — спросил мысленно Ковальский.

— Нет, я не за это, — четко ответил Самарин. — Не за сокращение. А за создание малоотходных технологий. За то, чтобы сам процесс как таковой был безопасным для окружающих. Науке надо крепко над этим поработать. И отраслевой, и вузовской. Вот увидишь: партия за это дело скоро серьезно спросит. Инженеров надо со студенческой скамьи учить беречь природу. А вы, проектировщики, совместно с исследовательскими институтами должны создать общую концепцию...

— Да... да... Возможно, ты прав... Вы тут, в глубинке, надыхались отравой. Острее чувствуете... Давай заканчивать — парень мается, — гость посмотрел на Александра.

Едва они остались вдвоем, Самарин быстро переключил внимание на Ковальского.

— Александр, я понимаю, тебе тесновато в рамках твоей должности, но так получилось. Сейчас открылась возможность заняться заводской наукой. Освобождается должность начальника лаборатории фенола-ацетона. Я предлагаю ее тебе. Исследований — непочатый край. Давай решай. Там можно и диссертацией заняться.

Предложение было неожиданным.

— Я не думал о лаборатории, — начал Александр. — В цехе столько можно сделать...

«Наверное, не то говорю», — засомневался Ковальский и замолчал.

— Решай, — повторил Самарин. — Пока есть возможность. Определишься — приходи, не затягивай...

...Выйдя из кабинета, Ковальский спросил Светлану:

— А кто этот Виталий Викторович? Ну, у Самарина который был?

— Главный инженер проектного института, из Москвы. Он часто бывает, особенно после того, как Валентин Сафронович защитил кандидатскую.

Когда Ковальский был уже на первом этаже, его окликнул Костров — заместитель главного по производству.

— Что невесел?

— Получил предложение перейти в лабораторию фенола-ацетона.

— Кто предложил?

— Самарин.

— Странно... Ну-ка, пойдем ко мне.

Когда они расположились в кабинете, Костров произнес:

— Буду рассуждать просто. Не хочу тебя захваливать, но сейчас ты на стремнине, на бурном потоке. Ты можешь стать, ну, хоть министром! Понимаешь? А уйдешь в лабораторию — осядешь в тихой заводи. И все про тебя забудут. — Костров встал и прошелся: — Это хорошо, что Самарин предлагает. Но говорят же, что корабль может затонуть и в порыве попутного ветра... Примерь на себя. Не такой ли случай?... А встречный ветер несет большую силу. Ты на взлетной полосе сейчас... Выбор за тобой, и от него многое зависит.

...Через два дня Ковальский отказался от предложения. А через месяц Самарин уволился с завода и принял кафедру общей химической технологии и охраны окружающей среды в политехническом институте.

Ковальский эту весть воспринял с грустью. Калашников, Засекин, Самарин — таких людей, высвечивавших истинное в жизни, он очень ценил.

«Из близких, подобных этим, кроме родных, у меня только Проняй да Синегубый, — невесело подумал он. — Мои наставники... профессора...»

* * *

В следующую встречу с Руфиной Александр ночевал у нее в гостинице и рассказал ей об Анне и сыне.

Они долго не засыпали.

— Хорошо бы подарить ему сестренку, когда поженимся, понимаешь? — говорил он, целуя ее в мочку уха.

Ее это возбуждало. Она вся подрагивала. Длинные ослепительные ноги мелко вибрировали. Волнение быстро передавалось ему. Он знал, что такие моменты она ждала сама, и помогал ей.

Но сейчас с ней что-то случилось.

— Ты так быстро устала? — спросил он, трогая губами завитушки волос около уха.

— Саша, это же так серьезно — взрослый сын!

— Ну, какой он взрослый, пацан восьмилетний.

— Ничего себе, — произнесла она, переворачиваясь на живот и пряча лицо в подушку.

Александр потрогал рукой молчаливо притаившуюся голову Руфины и сказал, вставая:

— Не волнуйся, поедem в село, увидишь Сашу, и все уладится. Поедешь со мной? — спросил он.

— Да, — откликнулась Руфина.

* * *

Руфина неплохо пела. Закончила музыкальную школу, была даже дипломанткой каких-то фестивалей.

Вскоре в гостиничном номере она спела и «Калитку», и «Ночь светла». Александр знал эти романсы и слегка подпевал.

— Хочется спеть не вполголоса, а по-настоящему, — сказала она однажды. — И с сопровождением. Но где?

Александр повел ее во Дворец культуры. И там, в репетиционной комнате, аккомпанируя себе на фортепиано, Руфина пела под аплодисменты собравшихся работников Дворца.

Ковальский был счастлив.

Когда закончила петь, Александр, волнуясь, неожиданно для себя спросил:

— А можешь сыграть полонез Огинского?

— Могу, — легко ответила она. И не успел он в смятении что-либо сказать, как в комнате разлилась знакомая удивительная музыка, наполняя сердце щемящей радостью и благодарностью ко всему, что есть и что будет.

Небольшая репетиционная комната в затуманенных глазах Ковальского утратила свои границы. Превратилась в просторную летнюю душистую лесную поляну, посреди которой, как нарядные бабочки, порхали светлые одноклассницы Шурки Ковальского. А меж ними — самая легкая и самая загадочная — Верочка Рогожинская. Собрала букетик летних цветов и издали то ли хотела дать его Ковальскому, то ли призывала вместе порадоваться цветам — протягивала ему, не замечая лукавых глаз подружек.

«Как это давно было и как много всякого потом случилось. Узнала бы меня Верочка, если бы встретила? И какой она стала во взрослой жизни? Я знал ее совсем маленькой. Хрупкой и воздушной...»

— Сашенька, что с тобой? Так нельзя... Ты настолько восприимчив к музыке?

Он услышал сквозь смех одноклассниц, шумевших на солнечной поляне, голос Руфины и очнулся.

Окончив играть, Руфина подошла и провела рукой по его лицу.

— Саша!
— Все, все, все... — смутившись, выдохнул он.
Руфина мягко улыбнулась.
Она была похожа сейчас на молодую жизнерадостную учительницу, а он — на подростка-школьника.

* * *

Во всей процедуре вступления в партию особенно «досталось» Ковальскому на парткомиссии в горкоме.

Комиссия удивила своим составом. Все довольно пожилые люди. А одна старушка, про которую говорили в приемной, что она видела живого Ленина, еле передвигалась. Старая большевичка имела весьма решительное, даже суровое выражение лица.

...Ковальский сел к краю стола, и ему начали задавать нехитрые вопросы. На первые два ответил односложно. Третий задала «видевшая Ленина».

— Знаете ли вы, что в нашем небольшом городе есть улица Чернышевского?

— Да, — подтвердил Ковальский. — Знаю. Я живу на ней. Такой ответ не смутил ее.

— А кто такой Чернышевский? — строго прозвучал вопрос.

Ковальский не сразу ответил. «Ну, что она, в самом деле? Один спрашивает, читаю ли я газеты, эта... Может, забыла, поэтому и спрашивает?»

— Что же вы молчите? — Старушка отодвинула от себя на середину стола лист бумаги и в упор взглянула на Ковальского. Удивленно так смотрела и долго.

Ковальский хотел было уже ответить, но старая партийка опередила:

— И вы не знаете, что он написал? Какой роман?

— Если иметь в виду «Что делать?», то мы могли бы все не знать о нем, если б Некрасову не вернули потерянную им рукопись этого произведения.

— О чем вы? — строго проговорила старушка. — Не понимаю. По существу вопроса можете отвечать?

Так получилось, что всего месяц назад совершенно случайно Ковальскому в заводской библиотеке на глаза попался роман «Что делать?». Пробежав предисловие, поразился тому, что в школе этот знаменитый роман, «глубоко перепавший» Ленина, его оставил равнодушным. Перечитав в общежитии книгу под ироничным взглядом Сулова, Александр узнал для себя много любопытного.

Пауза затягивалась. Ковальский почувствовал: надо отвечать «по существу», иначе будет поздно.

«Бухнуть, что ли, им все сразу... или по частям?» — вертелось в голове.

— Работу над романом Чернышевский начал на пятом месяце заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где содержались наиболее опасные, с точки зрения правительства, преступники. Это было в декабре 1862 года.

Лица членов комиссии повернулись к говорившему. Ковальский решил продолжать:

— Кто такой Чернышевский, крепостники понимали уже тогда. Они знали, куда звал Чернышевский передовую интеллигенцию и народ своими статьями. В их глазах он был «коноводою юношей», «вредным агитатором». Они видели, что Чернышевский и его единомышленники готовят взрыв революции. После опубликования в журнале «Современник» в 1863 году цензура роман запретила. Его переиздали лишь в 1905 году.

Председатель комиссии, грузный седой Рябинин хотел было прервать говорившего, но в последний момент не осмелился. Его рука, поднятая над столом, замерла, и он не торопился ею пошевелить. «Занятный молодой человек! Про Плеханова не начнет ли кто спрашивать? — усмехнулся про себя. — Не уморил бы».

Голос Ковальского, спокойный и уверенный, всем пришелся по душе.

— ...Могучей фигурой «особенного человека» — Рахметова — автор ответил на вопрос «что делать?» для освобождения России от самодержавно-крепостнического ига. И у Рахметова, и у Веры Павловны были свои прототипы. Об этом говорил сам Чернышевский. — Ковальский сделал паузу. Все молчали. «Им интересно, они все пере забыли? Напомним». — В образе Веры Павловны отразились черты характера жены Чернышевского Ольги Соколатовны, но основной прототип — ее сестра Мария, — продолжал он. — Они дожили до Великой Октябрьской революции, Мария умерла в 1929 году, Ольга — раньше.

— Вот вам, Мария Степановна, и ответ! Говорите, молодежь мало интересуется историей? Еще как! — Рябинин поверх очков посмотрел на Ковальского и предложил: — Может, не будем больше спрашивать Александра, а? Молчание — знак согласия. — Он добродушно улыбнулся, будто не замечал колючего взгляда старой заслуженной большевички.

XVI

Есть за селом Домашка совсем недалеко, чуть в стороне от большака, небольшая деревенька Бариновка. Как только ее чуть минуешь и поднимешься через мосток на взгорье, тут тебе и откроется справа — неоглядная степь, слева внизу — огромная луговина. А там, вдали за ней — притулившееся к реке Самаре село Утевка.

Здесь Руфина и попросила остановить машину. Румянцев остался возиться у старенького отцовского «Москвича», а Суслов, Руфина и Ковальский направились к луговине.

— Сашенька, — Руфина показала рукой в сторону раскинувшегося села. — Что-то на фоне облаков поблескивает и сливается с ними...

— Это Троицкий храм, церковь, — откликнулся Александр.

Она подошла и прижалась сзади, обняв ласково за плечи.

«И назвала меня так — «Сашенька», впервые при посторонних обняла... Что это? Степь так действует?»

— Очень люблю эти первоосенние дни. Природа грустит так светло. Притихла. Пер-во-осень. Как красиво звучит, — произнесла Руфина.

— Она в раздумье: и с летом жалко расставаться, и осени не миновать. Бабье лето... И твое!

Глаза у Руфины повлажнели, слегка потемнев, но Александр этого видеть не мог. Только острее почувствовал ее дыхание.

В осенней вышине, в светлом прогревом воздухе, словно в летнюю пору, на удивление зазвенели жаворонки. Ласка бабьего лета ввела их в заблуждение!

Остановившийся неподалеку Суслов прислонился ладонью к березке, вспыхнувшей костром под напором каленых солнечных стрел.

— Саша, а что такое изумрудное внизу... там... — Он показал далеко вниз, на то место, где когда-то, в детстве Ковальского, было озеро, а теперь образовалась ровная долина.

— Это отава украсила луг. Сентябрь встретился с июнем. Теплынь. Вот и откликается все так, будто начало лета... Но это ненадолго. Скоро 14 сентября — межа. День-летопроводец. Мы попали в самую хорошую пору. Скоро по утрам будет пахнуть морозцем.

— Ты крещеный? — спросила Руфина. Она спустилась ниже Ковальского по обрыву и смотрела теперь на него снизу вверх лучистыми, ставшими светло-голубыми, глазами.

— Да, с детства. Мама крестила меня не в нашей церкви, а в соседнем селе. Наша церковь не действует.

— Саш, а вот смотри, — проговорил Суслов. — Попробуй убери купол храма или храм из этой панорамы, и все потускнеет, верно? Словно он притягивает свет небесный. Все вокруг светлеет... Крыша дома под куполом неба, понимаешь...

Ковальский невольно еще раз оглядел окружающее. Сколько раз сиживал он в детстве у этого ильменька на зорьке. Как часто гонял здесь стремительных чирков. Наблюдал, как учились летать, готовясь к дальним странствиям, молодые медлительные выпы.

...Теплынь толкнула лет тенетника. То здесь, то там мелькали в округе молодые паучки. У них свое кочевье. Ищут новое пристанище.

— Саша, а вот это же не паутина? — удивилась Руфина, показывая на рукав своей куртки.

Ковальский подошел, снял белесую нить и пояснил:

— Это семена степного ковыля, смотри... Просушенные летним солнцем ости легко подхватываются ветром и летят неведомо куда, пока где-то не опустятся. Трава мешает семени добраться до земли. И лишь когда в росистую ночь ость отсыреет, ввинчивает острое семечко в почву. Утром солнце начинает подсушивать ее. Ость скручивается и отрывается, уносимая ветром. Семечко остается. Из него появляется потом пушистый красавец — ковыльный веер...

Руфина смотрела на Ковальского изумленными глазами. Ноздри ее мелко и чувственно подрагивали. Она приблизилась и, обняв Александра, поцеловала в губы. Когда их дыхание возобновилось, прошептала:

— Ты рассказывал, как поэт! — И вновь приблизила свои губы...

— Мне завидно! — отреагировал негодный Суслов.

Смутившись, Руфина легонько оттолкнулась от Ковальского.

— Хотите, стихи почитаю, — предложил подошедший Румянцев.

— Хотим! — ответила за всех Руфина.

Николай легко провел рукой у своего лица, отведя в сторону паутинку, и начал:

— Цветы мне говорят: «Прощай!» —
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую приемлю...

Голос чтеца оказался на удивление чист и мягок. Он на мгновение затих и, видя, что все внимательно слушают, продолжил:

— И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

Едва Николай закончил, Руфина захлопала в ладоши.
— Замечательно, Есенин в степи!
— Не ожидал! — удивился Ковальский. — На рыбалке ты не читал стихов. Да так проникновенно!
— Там кругом вода, а здесь — степь! Не удержался!
— И Руфины не было, — добавил Суслов, засмеявшись.
После небольшой паузы Николай произнес:
— Странно, что у Есенина о реке нет ни одного стихотворения. А вырос на Оке.
— Неужто так? — отозвался Суслов.
— Да, — продолжал Румянцев. — Есть такие строчки: «На кукане реки тихо песню поют рыбаки...». Но вот штука какая... — сказал так и замолчал.
— Ну, говори, — не терпелось Руфине.
Николай ответил:

— Я — рыбак, знаю, что такое кукан. Это приспособление из лески, веревочки или проволоки. На него надевают через жабры пойманную рыбу, понимаете?

— А-га, — сказал Суслов. — И что же?

— Когда сажаешь рыбу на кукан, жабры рвутся, руки в крови, рыба — тоже...

— И что же? — снова спросил Суслов.

— «Что же»? Вот посади тебя на кукан? Какую песню запоешь?

Лицо Суслова превратилось в сплошную гримасу.

— Ну, ты, начальник, даешь, — сказал он. — Так можно испортить что угодно, не только стихи.

— Вот и я говорю, — невозмутимо продолжал Николай. — Какая на кукане песня?

Руфина заступилась за поэта так энергично, будто тот из их компании, только отлучился куда-то.

— Ну, что вы, ребята, Есенин — гений. Поверим ему! Это же поэзия! Ее нельзя иными законами выверять. Только поэтическими. — И добавила задорно: — Какие вы все молодцы! Мне так хорошо с вами!

* * *

Добравшись до села, они пересекли его, не останавливаясь, и оказались на шоссе, ведущем к озеру Бобровое и далее к селу Покровка.

Постояли на высоком берегу озера, наблюдая, как на илистой косе со стороны села пошумливает огромная стая куликов.

Ковальский вспомнил, что на другом конце озера обычно много ежевики. Захотел порадовать спутников.

Когда подъезжали к заветному овражку с ежевикой, наткнулись на Николая Яндаева. Он, как всегда, скакал трусцой на своем меринке. Стадо растянулось в ложбинке между озерами Бобровое и Латинское.

«Примета хорошая, — подумал Ковальский. — Попробую на удачу загадать. Если узнает меня, то у нас с Руфиной все будет хорошо, нет — не судьба».

Когда приблизились, Александр поприветствовал Яндаева и спросил:

— Сашка-то, брат, в Ташкенте так и живет?

— А ты кто такой, не припомню?

«Ну, вот... — упало сердце у Ковальского. — Не судьба».

— Вместе учились, я Ивана Головачева внук, Ковальский.

— А что ж я тебя сразу не признал? Сильно изменился.
— А ты — нет.
— Ну, я что? Мне зачем меняться, остаться бы, как есть...
...Заросли ежевики удивили.
Едва поднимешь плеть, крупные ягоды, одна другой краше, будто подмигивая, манят к себе.
— Царство агатовых глазок, — удивилась Руфина. — Какое у тебя, должно быть, интересное детство!.. Такие облака, небо, озера — тебе повезло очень...
«Сколько ел ежевику, никогда не думал, что так можно красиво сказать: «агатовые глазки»!» — поразился в свою очередь Александр.
...Дома у Любаевых — никого. Вместо замка — дверная цепь наброшена на кольцо.
Александр прошел в огород. Ни матери, ни отца там нет.
— Поехали к сыну, — вернувшись во двор, предположил Александр.
— А как же... — начала, было, Руфина.
— Записочку оставляю...

* * *

Посреди широкого двора Бочаровых, куда гости вошли цепочкой, стояли Григорий Никитич и Проняй Плужников.
— Ах, Боже, какие гости! — выходя из мазанки, всплеснула руками Дарья Ильинична. Подошла и погладила Александра по плечу: — Давно приехали-то?
— Да только что. А Саша где?
— Наверное, у Гришаевых, сейчас сбегаю...
Мужики поздоровались.
— Как, дед, жизнь? — спросил, обращаясь к Проняю, Ковальский.
— Да как? Арбуз растет, — он похлопал по животу, — а вешка, извиняюсь, сохнет...
Суслов хохотнул.
— Ну, дед, — обронил Александр и поежился от ответа. Ему неудобно, что такое может услышать Руфина, но она о чем-то говорила в сторонке с Румянцевым и, кажется, не слышала Проняю.
— Ты, старый, полегче, — проговорил Бочаров, — а то, понимаешь...
Все понимал Проняй. Озорно прибавил голосу громкости и возразил:

— Ну, какой же я старый? — Пошевелил губами, закусив край усов. Хитро прищурился. — Старость, вернее, ее первые приметы, знаешь, когда начинаются? — Почти серьезно посмотрел почему-то на Ковальского и, не дождавись ответа, продолжал: — Она приходит, когда любая молоденькая, извиняюсь, бабенка, начинает казаться красавицей, смекаешь?.. А я пока еще бесперспективный в этом роде... Мне моя супружница всех видней до сих пор. А она на год старше меня, вот ведь как! Такая любовь!

— Красавица, видать? — подыграл Суслов.

— Красоту в щи не положишь, — коротко отозвался дед.

— Дед, а что такое любовь, ты понял? — Суслов весело смотрел на Проняя.

— А ты знаешь?

— Знаю, — ответил Суслов.

— Ну, скажи, я антиресуюсь этим делом давно.

— Любовь — это чувство, возникающее у людей, недостаточно знающих друг друга.

— Да, — неопределенно проговорил дед. — Ученый ты, видать, парень. Запиши мне потом на бумажке — к старости сгодится!

Все засмеялись.

Проняй краем глаза подметил, что и «красивая дамочка» засмеялась, и остался доволен собой.

Пришли сразу Дарья Ильинична, Саша и Екатерина Ивановна. Во дворе стало пестро и шумно.

— А я очки-то еле нашла, прочитала и прямо спотыкошки бегом сюда. Вас тут столько! Как хорошо-то! — радовалась Екатерина Ивановна.

Начали знакомиться.

* * *

...Когда поели-попили на большой летней открытой веранде, все женщины дружно еще малость похлопотали, убирая посуду. Потом, забрав Ковальского-младшего, пошли в сад, который, в отличие от огорода, не прямо у дома, а через дорогу. Так почти у всех, кто живет на Дачной улице.

Мужики остались одни во дворе на бревнышках.

Проняя так и не отпустил домой (а он и не хотел уходить, а только «для блезиру» собирался). Куда торопиться? Публика такая интересная. Дед и Суслов курили.

Первый заговорил Проняй:

— Счастливый ты, Григорий, около тебя внук. Как ни суди — радость великая! А мои не доверяют нам. Сноха не доверяет. Она, конечно... Ни одна не оставили, чтоб без них. А с ними — это всего на день-два. Пока они, родители, тута... Ну, ладно, это вам не интересно. Меня вот какие мысли жалят, как осенние мухи. — Дед помолчал, то ли собираясь с духом, то ли на «испыток», как он говорил, брал: коли будут слушать, не перебьют, согласен говорить. Все молчали. И он начал не спеша:

— Недавно имел беседу с директором школы. Кое о чем толковали. Так он говорит, что мои рассуждения направлены на подрыв устоев общества. Ты, говорит, зло- вредные мысли гонишь. А чего я гоню? Они сами висят в воздухе, только от них все отмахиваются, а я — нет. Я присматриваюсь и понять хочу. Вот ты, например, Ковальский... мысли мои...

Бочаров добродушно засмеялся:

— Он, Саша, тебе сейчас морочить голову начнет. По- другому не может.

— Да не я морочить собираюсь. Помогите, чтобы голова моя из заморочки вышла.

— А что за мысль-то? — Ковальский улыбнулся.

— Да я все свое поджидал сына, а ему неколи. План по самолетам делает — главный анжинер на заводе. Редко приезжает. Некого спросить... Шишку я родил, понимаешь... Начальника.

— Бывает и такое! — озорно согласился Суслов.

— Бывает, — легко усмехнулся Проняй, — что у невесты жених умирает, а у вдовы муж живет!

— Что спросить-то хотел? Забыл? — добродушно заметил Ковальский.

Но дед знал, на какие лады нажимать, когда разговоры разговаривал. Пауза важна.

Он еще чуток пожевал губами. Обнажив беззубый рот, позевнул.

— Струмент весь, что ли, износился? — улыбнулся Григорий Никитич.

Ковальский не понял, о чем он. Проняй ответил:

— Почти. Да и на кой он таперича? Цыловатца поздно, да и остальное уж неинтересно становится. А как совсем почти слепой Синегубый стал, дружок мой верный, совсем жизнь набекренилась. Грустный очень. И я с ним. — Он замолчал. Но не надолго. — Да, вот, Сашок, скажи мне: вы у себя на заводе по плану работаете?

— Конечно, как без плана можно?
— А по какому плану? — поинтересовался дед.
— Ну, по заводскому, цеховому, — уточнил Ковальский.
— Хорошо, — произнес Проняй. — Значит наверняка и встречный план приняли. Об этих встречных планах и в газетах, и по радио строчат. Приняли?

— Так точно, приняли.
— А зачем вам встречный, скажи?
— Ну, как — зачем? Чтоб производительность росла, продукции больше для страны давали...

— Вот твой отец, Сашок, Василий Федорович, к примеру, делает севодни две седелки для совхоза. Приезжает за ними эта шельма Белохвостиков. А Василий ему вместе двух — четыре: я, мол, встречный план взял, а через неделку еще две сверх плана. А их и не надо столько, седелок-то. Как это? Лошадей-то столько нет!

— Ну, они договорятся меж собой и решат: когда и сколько, — уверенно пояснил Ковальский и взглянул на Проняя.

Лицо у Проняя строгое и задумчивое. Ему все равно «кое-что» непонятно.

— А сразу нельзя, что ли? Нормальный план брать? И не морочить голову. Без социалистических повышенных обязательств? А то ведь каждый раз переделка плана по всему государству надобится. Зачем заново столько людей тратят силы? Столько бумаги марает зазря? Есть власть. Сразу бы! Раз — и отрезали: вот вам план! И за работу, товарищи!

Ковальский смотрел на Проняя и не знал, что сказать. Не торопясь, начал:

— Нужна инициатива людей, чтобы они с азартом работали. Поэтому принимают повышенные планы, и это поощряется...

— Э-э, дружок, инициатива? Ты плати хорошо — вот и будет инициатива, а не медали давай... Как жить-то в городе, если у тебя четверо или пятеро детей, к примеру, как у соседа моего сына. Я видел...

— У нас что самое важное в производстве? — произнес Суслов и сам же, чтобы Проняй не увел в сторону, ответил: — Производительность труда. Верно? Верно. — Проняй, он это видел, не торопился соглашаться. — Значит, чем больше продукта дает одно и то же количество людей, производительность больше, — сформулировал Владимир.

— Ну, дайте норму повыше, и все тут! — воскликнул по-молодому Проняй. — Что, не можете сами дать? Верно, не можете? Ведь, если не выполняют норму, надо увольнять. Сколько народу по стране будет безработного. Что с ними делать? Все разъяхнуться может. Уж пусть работают на маленьких планах и берут встречные... забавляются...

— Какие — маленькие планы? — спросил Владимир.

— Заниженные, — поправился Проняй. — Я так думаю: если постоянно берут встречные планы и социалистические обязательства, значит, спервачка они занижены. — Он было замолчал, но тут же встрепенулся, как задремавший кочет: — А знаешь, кто их занижает?

— Кто?

— Начальники! Начальник участка, цеха, что там у вас еще?.. Ну, конечно, директор и даже министры. Все хитрят. Каждый суслик в поле — агроном, известно... Всем надо, чтобы план утвердили поменьше. Чтобы потом, за выполнение-перевыполнение, получать премии, награды... Я так вижу, дело-то идет, хотя ни разу директора не видел, тем более министра... А партия не дает им такого послабления. Партии нужно больше и больше. Она вовлекает массы против вас — начальников. Вот я и думаю: кто верх возьмет? Ведь так долго нельзя.

— Дед, ты — стратег! Издалека все видишь? — вступил долго молчавший Румянцев.

— А это нетрудно. Газеты почитай! Меж строк проглядывает... Кто в газете пишет, чай, сам не верит тому...

Суслов покачал головой:

— Не ожидал такого. Мы там в рабочей горячке не всегда задумываемся...

— Известное дело, со стороны виднее... — обронил Проняй, — и вы мои мысли не опрокинули. Думал, что могу быть не прав, и порадовался бы этому. А тут гляжу: не пришла еще к вам на заводах задумчивость. И мой сын Аркадий такой же, как вы... Молодняк! Вот я и стал на думках, как на вилах.

Ковальский хотел возразить, но Проняй продолжил невесело:

— Не в силах пока власть заставить так машину крутиться, чтобы на все обороты работала. Либо нет у власти силы такой, либо с машиной чтой-то... А так энтузиазму кругом полно... — Зорко оглядел всех и задал еще один мучивший его вопрос: — Вот город затянул нас на свою

сторону, оторвал от земли, а не подведет ли? А ну оборвется где? Внатяг больно... Помнишь, Александр Баткович, сад-то наш яблоневый, который в степи вместе сажали? Хиреть начал... К городу прикрепили, оторвали от села, как вас, и в упадке он... Не зря все эти бултыханья еще при Хрущеве были: то с целиной, то с кукурузой... Страну надо кормить, народ. С голодным народом власти тяжело справиться будет... Вот выход и ищут... Из одной стороны...

Проняй посмотрел на Ковальского внушительно. Ожидал, очевидно, от него продолжения разговора о судьбе их общего любимца — сада, но Александру стало не до того...

* * *

Во двор вернулись шумной ватагой женщины и младший Ковальский. Руфина и Саша шли, держась за руки, и улыбались.

— И смех, и грех, — говорила Катерина. — Руфина стала смотреть в колодец, споткнулась и чуть не упала в него, а Сашок схватил ее так, что она больше не от испуга закричала, а от того, как крепко вцепился.

— Утонула бы, что папе тогда делать? Он ее привез, — серьезно сказал Саша. — Мы долго ждали...

— Вот и я говорю, — подыгрывала Дарья Ильинична, — ждали-ждали, когда привезет. Привез, а она — бултых в колодец и опять мы одни? Нет уж! Саша нас сразу всех спас!

Ковальский и Руфина несколько раз встретились взглядами и она с тихой радостной улыбкой кивнула ему. «Мне хорошо тут, так хорошо, что я не ожидала», — говорили ее глаза.

Увидела, что он понял, высвободила руку и прижала к себе Сашину головку с такими же легкими завитушками, как у Ковальского. И Саша не отстранился и не застенялся. От опытных Дарьи Ильиничны и Екатерины Ивановны этот разговор взглядами не ускользнул, и они улыбнулись.

Александр светился: «Ее появление везде вызывает радость. Редкий дар!..»

Ковальский-младший тоже не терялся, у него свой интерес. И он выбрал момент:

— Дед, а ты теперь, когда папа приехал, разрешишь на Гнедом покататься?

Ковальский вопросительно посмотрел на Григория Никитича.

— У Трохиных Федор-то конюхом сейчас, его сынишка гоняет на лошадях и нашего заманивает.

— Ну и что? Пускай...

— Да ну, ты когда начал скакать?

— Класе в пятом, по-моему...

— Вот. И наш пусть годика два подождет. Мал еще.

— Ну, деда? — младший Ковальский не сдавался.

А старший, поразмыслив, согласился, но с условием:

— Саша, я тебе обещаю, исполнится десять лет — попробуем!

XVII

— Дарья, я тебе тут карасиков свежих принесла. Миколой с утра наловил. Возьми, а то кошки растащат! Мне некуда их, больна много.

Никто и не заметил, как во двор вошла Степанида — соседка Бочаровых.

Она говорила с улыбкой, нараспев, ставя большую эмалированную чашку с карасями на лавку у погребницы. Ее широкое розовошее лицо добродушно. Она и не скрывала, что ей интересно посмотреть на гостей из города. А караси — только предлог. Всем ясно...

— Я через плетень гляжу потихоньку и никак не пойму, где это, милый ты мой, — она весело подмигнула старшему Ковальскому, — таких красоток находишь. Мой-то старший уже двух городских привозил показывать. Мы тут чуть не брыкнулись. Тощие такие и гордые. А твоя-то! Крепенькая какая. И говорунья! Я слышу.

Щеки у Руфины зарделись, она рассмеялась, чем еще больше понравилась Степаниде.

— Частушки петь можешь? — неожиданно спросила она Руфину и уперла кулаки в бока, будто готовясь плясать «Подгорную».

Руфина молчала. Она весело смотрела на соседку Бочаровых.

— Можешь или нет?

— Руфина романсы поет, — вступился Александр.

Степанида отвела свои полный руки от того места, где должна быть талия:

— Я романсы не знаю, а вот в этой — души не чаю!

И она мягко и раскованно запела:

---

*Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет...*

Лица у всех в который раз озарились улыбками. Было видно, что местным соседка по душе. И они ей. А приезжие? И приезжим понравилась.

*Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придет!*

От ясного чистого голоса екало сердечко.

Будто и нет певунье еще сорока пяти лет. Да и что они значат, эти сорок пять, если почти половина из них — ночки и денечки вдовьей жизни.

И не успела певунья перевести дух, чтобы тронуть следующее слово, как вступил Румянцев, словно в некое соревнование:

*Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило,
Я вспомнил время золотое
И сердцу стало так тепло...*

Ладно Степанида, но от Румянцева Александр не ожидал.

А Николай, оттолкнувшись от темной сохи, подпиравшей угол крыши погребницы, вышел чуть ли не на середину двора, как на сцену, успокоил руки на груди и уверенно продолжал:

*Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепется в нас.*

Румянцев замолк, и не успел Ковальский вслух удивиться, как все захлопали в ладоши. А Степанида, когда аплодисменты утихли, требовательным голосом спросила:

— Это — романс?

— Ага, — смягчив «г», почти шепотом согласился Румянцев.

— И такую красоту держишь в себе?

— А что делать? — отозвался певец.

— Вечером чтоб все были у меня в гостях, — заявила Степанида. — За один романс пять частушек даю! У меня

их, как семечек в арбузе. И это: не надо с собой ничего. У меня своя особая есть наливочка... Главное, чтоб романсы были.

Она замолчала. И тут в тишине прорезался негромкий, но уверенный, притягивающий к себе хриловатый голос.

*Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.*

Это пел Проняй.

— Все-все! Поняла! Согласная я! Дед, приходи на особую и ты. Я от тебя не отмежевываюсь.

— То-то, ядрена балалайка, — Проняй остался доволен собой: — У всякой пташки свои замашки. Нет молочка, так сливок дай!

Всем стало смешно.

Ковальский-младший, закашлявшись от смеха, как молоденький теленок, боднул ненароком Руфину в бедро и сконфузился. Она поймала бережно его беспокойную головушку обеими руками, притянула к себе. Оба дружно рассмеялись.

А тут еще Владимир Суслов шагнул поближе к Степаниде и попал в центр внимания. Показался около плотненькой соседки Бочаровых еще выше ростом. Она игриво из-под козырька-ладошки посмотрела на него, как на каланчу. Прищурилась и то ли спросила, то ли предложила:

— Спляшем, что ли?

— И споем, — ответил с верхотуры Суслов.

Она, пританцовывая, пошла по кругу и только хотела запеть, но Владимир опередил.

Стоя на одной левой ноге, правой, как клюшкой, начал выделять такие кренделя, что его сорок четвертого размера желтый ботинок стал, как живой. Он взъерошил свой обычно аккуратный чубчик и получился разбитной, забубенный гуляка-парень.

— Натё вам наше, — сказал тихо вроде бы, но все услышали, и пропел уже громко:

*Сидит заяц на заборе
В алюминиевых штанах,
И кому какое дело,
Ломом подпоясанный...*

И тут опять выдал Проняй. Хрипловато, но от души весело пропел:

*У Тараса на плечи
Разыгрались три виши!*

Вложив пальцы в рот, засвистел по-разбойничьи.

Ковальский-младший вновь стал смеяться, мотая головой из стороны в сторону. А Ковальский-старший невольно подумал: «Там, на заводе, мы — и Николай, и Суслов, и я — какие-то все одинаковые, усредненные. Разговариваем на казенном языке, точном, но тусклом. Здесь... Не узнать».

Проняй, повернув вытянувшееся лицо, как мог, серьезно попросил Суслова:

— Спиши слова твоей частушки шабрихе... и мне! Сразу такую красоту не запомнить... Шедевра, а не частушка. У нас таких не могло быть, у тебя в ней индустрия: металл во всем... Да... Не сотрешь сразу грани-то. Город — он и есть город!.. Не деревня... И про красоту запиши слова, и эти... Я уж и свои-то старые частушки забывать стал. Склероз, — пожаловался Проняй, взглянув на Суслова.

Тот решил пожалеть старика:

— Склероз — хорошая болезнь.

— Разве болезнь бывает хорошей, что городишь?

Владимир пояснил:

— А разве нет? При склерозе ничего плохого не помнишь и каждый раз узнаешь что-нибудь новенькое...

Старик Проняй после таких слов крякнул и признался:

— Ты мне неаглым сначала казался, а теперь мерекую: ошибся...

* * *

...Гости уехали только на второй день вечером.

— Ну, как думаешь, Ивановна, получится у Саши с Руфиной, а? — спросила Дарья Ильинична у Екатерины.

Они стоят посреди опустевшего двора.

— У старшего?

— У него.

— Да у них-то, по всему видно, все уже сладилось. Вот как с младшим? — раздумчиво произнесла Екатерина.

— Тоже вроде ничего и с Сашенькой. Он многое уже понимает... — Взглянула внимательно на Катерину. — Наш Саша нашел себе не простую женщину. Руфина — дива. С ней нелегко будет... Одно утешает — она, кажется, добрая...

...У младшего Ковальского тоже были вопросы, и не из легких: «Эта красивая добрая тетя Руфина, когда задал ей вопрос, тоже, как все, ничего не ответила. Она назвала меня «младшим Ковальским». Поправил, что я и не Ковальский, и не Бочаров, в школе в журнале записан — Колесников. И сестра, которую никогда не видел, — тоже Колесникова, так бабуля говорит. Все обещают переделать фамилию и пока никак. Когда папа приедет один, обязательно спрошу его про фамилию... А то Ковальский, Ковальский... а Ковальский среди нас только папа мой...».

У Проня с Бочаровым свой разговор.

— Все вот хотел потолковать еще по одному вопросу при гостях, при москвичке-то, да не решился. Тебя не хотел конфузить, — сокрушался Проняй.

— Да ты на все свои вопросы давно ответы знаешь, говори кому-нибудь, только не мне... Тебе скажи — ты все перетолмачишь по-своему.

— Все может быть, — согласился Проняй. — Но я ведь давно не в счет. Они сейчас сила — от них многое зависит, от молодых.

— От таких, как твой сын — главный инженер, по-моему, больше зависит.

— Да-да, — пробурчал Проняй. — Верно. Но ему рассуждать, как я вижу, по моим вопросам не с руки. А эти еще непуганые.

— О чем толкуешь, не уразумею?

— Да все о том я! Вот смотри, сейчас в городских магазинах шаром покати. Внуки мои любят пирог «лимонник». Так вот, только из Москвы Аркадий привозит им лимон. А здесь застрелись — не купишь. И колбасу копченую привозит из Москвы... Разве это порядок? Я уж не говорю про деревню. Разве так можно? Работают везде! И по встречным планам — тоже! А селедки негде купить. Но в столице все есть. Что ж, там белые люди живут, а мы — негры?

— Ну, какой, Проняй, из тебя негр?! — резонно возразил, усмехнувшись, Григорий Никитич.

— Верно, хреновый, — согласился покорно Проняй. — Но вот гости приехали, и забегала твоя Дарья по магазинам, как савраска. Ухватить хоть бы чего! А там — шиш! Рожки да макароны. И печенье. Так разве должно быть-то? На великом нашем пути к коммунизму? Хрущев выкрикнул, что будет он к восьмьдесят первому году, оста-

лось-то с гулькиным носом сроку... Сомневаюсь я шибко что-то. Вот сейчас за зарплату работаем, а никак на всех продуктов не хватает. А потом как жить будем? Всем по потребностям, а совесть-то у кого околела, а у кого и не завелась вовсе. Куда идем-то все?.. Мой разум в тупике.

— Мастер ты неподъемные вопросы задавать.

— Тебе сколько, Гриша, годов-то?

— Зачем знать?

— Ну, все ж-таки?

— За семьдесят.

— А мне куда поболее. Я хочу знать, чем все это кончится. Боюсь, не доживу...

— Что все-то?

— Все, что вокруг нас. Столько уложили голов в гражданскую, в коллективизацию и так... кроме этого, а результат будет? Знать хочется.

— И ты хочешь, чтобы тебе эти ребята ответили? Дед, ты наивный, как пионер.

— Не наивный, некуда деваться. Цельные, я знаю, институты есть по этим вопросам. Вот с кем-нибудь оттуда столкнуться бы, а? Часок хоть поговорить бы... Ведь они ученые люди! Многие, поди, додумались и помалкивают. Знают и молчат. Хуже врагов народа. Ждут, когда посмеяться над нами...

— Проняй, прекрати эти разговоры! С меня хватило уже... С тебя, как с юродивого, какой спрос? А мне... не набуркался...

— Ладно. Ты тифтик еще тот. Эти вопросы надо, конечно, решать в других инстанциях... инстц... Никак на нужную букву не попаду, — пожаловался он, кажется, вполне всерьез. — Вот — инстанциях, фу-у — я это слово никогда с первого раза не покоряю... в верхах...

Проняй в тот день еще приходил. Вроде бы по делу. И опять разговорился с Бочаровым. Не мог Григорий Никитич по складу своего мягкого характера шугануть старого. Чтоб не баламутил... Обозвал только дедом Щукарем.

Проняй не обиделся:

— Разве я так просто балагурю: глубину вопросов никто не постигает, вот беда какая... В метриках всем понаписали при рождении, когда и где кто родился. Они и успокоились на всю жизнь. Но ведь не написали никому: для чего родился, зачем? А надо понять, зачем родился. И зачем, для чего вершится все. А так, ядреная балалайка, пробренчишь попусту всю жизнь...

XVIII

— Никак не привыкну: ты такой впечатлительный, как ребенок. Сдерживаешь часто себя, я вижу. Иногда в тебе чувствую такую бездну, что никогда до конца, боюсь, к тебе и не приближусь... Как ты работаешь с людьми? Тебе труднее многих. Ты так тонко реагируешь на запах, цвет, выражение лица человека. В тебе постоянно идет невидимая работа. Можешь быстро износиться, Саша... Словно взвалил на себя груз, который должны нести несколько человек. А трудишься один...

Руфина и Александр сидят на том самом заветном берегу Самарки, недалеко от осинки, где когда-то он ночевал с Анной в скошенной траве.

День ведренный, а нет того уюта в природе, который был всего недели три назад, когда веселой компанией приезжали в село на «Москвиче». На широкой, окаймленной с трех сторон ветельником поляне не видно, как раньше, паутины...

На правом берегу Самары поднимающийся ярусами чуткий осинник шумит уже не так, как летом. Ни пряных запахов, ни птичьей щебетни...

Ковальский и не понял, как оказался с Руфиной на этом памятном для него месте.

«Как она похожа на мою детскую любовь — Верочку Рогожинскую! — в который раз подумал Александр. Мысли вились легко и безоблачно: — Будто это выросшая она, которую видел и помню только маленькой. В последних классах казалось, что наша «химичка» Валентина Васильевна на нее очень похожа. Теперь — Руфина. Да-да, конечно, Руфина — Руфина больше похожа».

Александр нащупал рукой сбоку от себя на старом теле ветлы, на которой они уселись, большой шершавый кусок коры и задумчиво бросил в воду.

«В детстве из такого куска обязательно вырезал бы корабль».

— Саша-а, ты где-е-е? — Руфина потянула его за рукав ветровки.

— Мой генерал! — Он поднес ладонь к виску. — Я здесь, жду приказаний!

В глазах Руфины вспыхнул озорной огонек.

— Я приказываю поцеловать меня.

Он поцеловал ее в губы.

— Вот так быстро? И всего разочек? Какие же у меня безынициативные подчиненные, а?

Руфина взяла его лицо в свои ладони и стала, как маленького, еле прикасаясь горячими губами, целовать везде, кроме губ, оставляя возможность говорить нежности.

Александр, поймав ее губы, неудержимо потянулся рукой к груди. Она зашептала горячо, не отстраняясь, подрагивая:

— Сашенька, день. Светло! И нас кто-нибудь наверняка увидит. И птички эти! Подождем до дома, миленький.

Когда он успокоился, предложила:

— Саша, давай обсудим кое-что!

— А что обсуждать? Вернемся в город и подадим заявление в загс. Товарищ аспирантка Руфина Смирнова, вы расписываться умеете? Или только целоваться горазды?

— Ах, ты так! — Она повалила его. Ковальский стал сопротивляться, лежа на бревне. Они скоро оказались на траве и покатались к обрыву.

— До обрыва метров пять, а там — река, если не успеешь согласиться — нам конец!

— Сашенька, когда я в твоих объятиях, мне ничего не страшно. Но я не умею плавать. И мне больно шее, — пожаловалась Руфина. — Шея моя...

Александр разомкнул руки и попросил показать, где болит. Руфина пальчиком ткнула за ухом, и он поцеловал там. Потом хитрый ее мизинчик скользнул в другое место — и там поцеловал. Потом... получилось, что болела вся шея... И не только она, бедненькая...

Когда возвращались, Александр почти мистически думал: «Хорошо ли, что мы с Руфиной целовались там, где когда-то был с Анной? Что бы она подумала? Но она всегда хотела мне самого доброго... Я нашел себе женщину, а Саше, кажется, — мать. Теперь, когда Анны нет, — это благо для всех. Если души бессмертны, то Анна смотрит сейчас на нас и светло улыбается».

От этих суеверных мыслей отвлекла Руфина:

— Сашенька, ты уверен — сын должен в селе расти?

— А где же еще? — ответил Ковальский. — Я вначале питал некоторые иллюзии: хотел забрать в город, снять квартиру... Но ведь в школу надо его провожать, днем кормить... Как это организовать?

— Саша, а давай сделаем эксперимент?

— Какой?

— Как только защищусь, заберу его к себе в Москву, а? Мы с тобой вместе постараемся все бытовые дела устроить.

— Руфина, ты сейчас, как и я после окончания инсти-

тута, в эйфории. Но защитишься — дальше хлопот еще больше будет. Не до Саши. У меня другой эксперимент.

— Какой?

— Не придумал пока точного названия. Суть — в патриархально-индустриальном воспитании сына.

— Сашенька, непонятно, поясни.

— Издалека?

— Как удобнее.

— Я считаю, что первые лет двенадцать человек должен жить в селе. В селе все как на ладони. И отношения людей, и жизнь животных. Это многому учит. Стоит только одно сенокосное лето провести в артели... Здесь, в селе, я давно знаю, кто чего стоит. И если один умеет только балагурить, а работать не научился, к нему и соответствующее отношение. А если, как мой дед Иван Головачев, — молчалив, но в любом деле профессор, так это все знают. Уж не говорю об отце Василии Федоровиче... И вот думаю: а ведь в городе такого нет. Ребятишки своих родителей в работе не видят. Два раза в месяц взрослые с завода приносят получку — и все. А какие они в деле, детям не видно. Получается большой разрыв. Сосед по площадке непонятен. Бегает на службу. Какой он вне семьи? Возникнет ли у сына в городе свое понимание, как можно и нужно трудиться?

— А почему патриархально-индустриальное?

— А вот подрастет Саша и я периодически его начну возить в город. То под ногами асфальт, а то сельская дорога с коровьими лепешками. Пусть чувствует и ритм города, и знает, как появляются на свет ягнята. Надо уметь запрягать лошадь, подшить валенки.

— Ну, это крайности — валенки подшивать! Он же будущий горожанин. Зачем ему это?

— Получилось так, что он вроде меня — будущий интеллигент в первом поколении. Пусть соответствует. Это поколение из деятельных людей.

— Саша, теперь поняла, почему ты хочешь, чтобы у тебя в семье было не менее шести детей! Ты задумал спасти общество! Заселить его Ковальскими?

Она засмеялась, и он, поймав ее за руку, потянул к себе.

...Он целовал, а у нее текли по белым щекам слезы.

— Руфина, когда ты так плачешь, я теряюсь. У тебя все нормально? Что у тебя там, в Москве? Ты не рассказываешь...

— Сашенька, потом, попозже... Я не готова... Ты у меня сейчас — единственное чудо! Не хочу ни о чем думать и говорить...

...Когда уже подходили к селу, спросила, заглядывая пытливо ему в глаза:

— Саша, а крепенькая женщина, загорелая такая — Аксюта, когда мы были у Любаевых, ну, которая пришла и быстро ушла, на тебя смотрела по-особенному... Она к тебе равнодушна. Я это почувствовала. И на меня смотрела настороженно как-то...

— Я тут на глазах вырос, поэтому равнодушных вокруг нет.

— Увиливаешь, конспиратор самодельный, да? Саша, а еще вопрос можно? — И, не дождавшись ответа, произнесла: — Твой отчим и ты? Вы очень похожи. Знаю, что говорю нелепость, но внешне вы как отец и сын. Эта мысль у меня не выходит из головы весь день, с утра, как его увидела. Что это такое?

— Не знаю, не ты одна так думаешь...

Он смотрел на нее внимательно. А Руфина, увидев ярко-желтую бабочку, плавными и красивыми движениями на цыпочках старалась подкрасться к ней. Во всем ее теле, в стройных и крепких ногах, театрально вытянутой к бабочке изящной руке, красиво посаженной голове, чувствовалась случайно попавшая на эту поляну представительница какой-то особой, незнакомой породы людей. Она сама походила на бабочку! Но такую, каких Ковальский никогда прежде не видел.

— Как прекрасно, что землю населяют не только люди, да! — сказала Руфина, наблюдая за порхающей нарядной бабочкой.

Эта фраза удивила его.

Она положила руку ему на плечо и зашагала рядом. Заглядывая в глаза, спросила:

— Почему ты иногда так грустно смотришь на своего сына?

— Не на Сашу я смотрю грустно. На родителей своих, скорее, и на все это, — он кивнул в сторону речки, огромных ветел за спиной.

— А почему, Сашенька?

Ковальский не торопился ответить. Они подошли к мосту через небольшую речку около села. Рядом, чуть левее внизу и вверху, мелькали стрижи. Он попробовал последить взглядом за одним из них. Но скоро потерял из виду.

— Понимаешь, мы с Сашей оба, как кукушата...
— Кто? — переспросила Руфина.
Александр, усмехнувшись, пояснил:
— Мы с моим сыном, оба... кукушкины дети...
— Это отчего же?
— А оттого, что мы словно были подброшены сюда на время. Я выучился в школе и шагнул в сторону, в город. Он вырастет, будет то же самое. Сначала мои родители лишились меня, теперь Бочаровы скоро останутся одни. Уедет Саша, какая разница, в Куйбышев или Москву. Жизнь пойдет порознь. Как ни крути.
— Подожди, о чем ты? Разве другие не уезжают?
— Уезжают, — согласился Александр.
— А оставшись, пропали бы здесь, — уверенно произнесла Руфина.
— Не знаю. Посмотри, какая иногда печаль на лицах моих родителей, на лицах Бочаровых. Знают, что здесь нету точки приложения сил. И понимают, что это ненормально. Все, что они делают тут, на земле, знают — никому не нужно. Потом будет никому не нужно. Наше поколение тихо, с их же согласия, предает. Ради лучшей жизни. Но предательство — всегда плохо. Прошлый приезд мы с отцом пошли в сад. Там «московская грушевка» вымерзла. Стоит яблонька сухая. Я говорю: «Осенью надо посадить другую». А он посмотрел почти виновато, не осуждая никого, и ответил: «А зачем? Для кого? Все вы разлетитесь, а нам с Катериной много ли надо? Пока она вырастет...» Он и в мыслях не держал, я знаю наверняка, а все равно подтолкнул меня: кукушата мы...
— Я — горожанка... По-моему, все это, — она запрокинула голову, — этот купол неба, как сказал Суслов, и есть крыша дома. Дом там, где ты всего нужнее, где могут раскрыться силы и талант.
— Чувствую одно, — не возразил, а продолжал думать вслух Александр, — человеку предначертано полностью раскрыться только, где он родился. Силы его там, где произошло таинство рождения. Сейчас, видимо, такой период, когда люди идут не туда. Им пока позволено так поступать. Но время придет, и многое станет очевидным... Иначе отчего постоянное чувство вины?.. В этом что-то таинственное...

Руфина не стала отвечать. Только подумала, что непоколебимое стремление понять то, о чем в ее столичном окружении вообще не думают, часто размагничивает Ко-

вальского, делает слишком мягким. Он начинает терять себя.

«В нем порою открывается такое, что мне, бедненькой, страшно неуютно становится. А хочется просто жить, порой подурачиться. Он так, кажется, не может, — уже не в первый раз думала она. — Ему когда-то крепко досталось... Может, крепче, чем мне?.. Седая прядь в густой шевелюре на самом виду, над левым виском — как отметина...»

* * *

Приехав в Москву, Руфина не находила себе места. Маялась неотступными мыслями о Ковальском. Плохо спала ночами. Скверно работалось днем. После того, что рассказал Александр о себе и Анне, узнав про сына и увидев его, она окончательно поняла, что не сможет стать женой Ковальского.

«Ну, какая я жена? Он так хочет иметь много детей. Такой цельный и ранимый. Если обману: выйду за него и не рожу? Для него будет такой удар, второй после Анны... Это для нас обоих будет тупик. Возненавидит меня. А я — себя, за то, что лишила его нормальной семейной жизни. Бросить меня он не сможет... Какие красивые у нас могли бы быть дети! Я же вижу: когда вдвоем идем по улице, нам вослед оборачиваются прохожие... Взять ребенка из детского дома? Но это же не то, что ему нужно... Нет... Лучше в самом начале остановиться...»

Терзания выбивали из колеи. Под глазами появились темные круги.

...Она не могла иметь детей.

Это случилось три года назад. Руфина и Борис едва познакомились и успели всего несколько раз встретиться, когда обнаружилось, что ей предстоит серьезная операция на почках. Борис уверял, что будет вечно любить, какой бы она из больницы ни вышла. Переговорил со всеми врачами, к которым смог пробиться. Не хотел и слушать, что операция может быть неудачной, и она как-то успокоилась. Пришла в себя от внезапно обрушившегося удара. Мать жила в далеком Барнауле. Она решила ей ничего не сообщать. Все действительно прошло успешно. После операции Борис и его сестра поочередно дежурили около Руфины. Из палаты Борис вынес Руфину на руках и увез домой, где жил с родителями.

Она была бесконечно благодарна Борису, но особых чувств к нему так и не успела испытать.

Руфина еле ходила, когда Борис отправился с геолого-разведочной партией в Сибирь.

Уезжая, настойчиво просил ждать. Заявил, что непременно, как только вернется, они поженятся.

Руфина кивала согласно головой, не понимая, как быть: ведь это не любовь. Он ее любит, но она... Она обязана, может быть, ему жизнью, но это другое!

Прошло полгода. Оказалось, что Борису необходимо задержаться еще на два месяца.

Она окончательно выздоровела и вновь вернулась к занятиям.

Аспирантка Руфина Смирнова всегда на виду. Ее трудно не заметить.

И появился Игорь. И так же, как Борис, стал неистово ухаживать за ней. Руфине он сразу понравился. Решила, что судьба ей улыбнулась.

И уж было готовилась перебраться в общежитие, как неожиданно нагрянул Борис.

Веселый, бородатый... Он страшно напугал Руфину в первый же вечер своими крепкими объятиями. Прямо при родителях радостно объявил, что наконец-то идут подавать заявление в загс.

А назавтра, когда остались вдвоем в квартире, произошло то, самое страшное, что распахало ее жизнь на две половины: до этого дня — и после...

...Она терпеливо ускользала от его объятий. Он же, принимая вначале это за сдержанность, пытался терпеливо добиться своего.

...Настал момент, когда Руфина стала откровенно защищаться. Борис, распалившись, уже не мог остановиться...

Взял ее силой, грубо, почти не помня себя...

Так она стала женщиной.

Изнасилованная, рыдала, лежа на противном рыжем диване...

В этот же день Руфина ушла в общежитие.

...Она ждала встреч с Игорем и боялась их. Не знала, как быть. Что говорить. Верила в любовь Игоря. Во имя будущего решилась, перемучившись, сделать аборт.

...Когда стало ясно, что не сможет иметь детей, стала думать, как уйти из жизни.

Теперь она жила опаленная сознанием того, что лише-

на самого главного, предопределенного женщине природой: рожать, иметь семью.

«Будто выскоблили не только плод, но и большую часть меня. Оставили без будущего...» Она металась, не зная, что делать. Подолгу лежала, стараясь забыться. Уйти от самой себя, хотя бы на время...

...Когда Игорь разыскал ее, она была равнодушна к жизни. Дни текли, как в бреду.

Он стал выводить ее на улицу, в парк, на прогулки около тихой водицы. И она рассказала о случившемся. Игорь заверил, что не оставит в беде...

Руфина, казалось, приходила в себя. И тут обрушился следующий удар.

Игорь оказался женат...

Его жена выследила их, когда они сидели на лавочке. Приставила к ним детей: девочек-двойняшек.

— Вот, Игорек, чтоб вам совсем уж не скучно было... Не тебе одному развлекаться, имею право и я... — Сказала так и быстро зашагала к автобусной остановке.

...Игорь клялся Руфине, что давно решился на развод. Мучительно, но он пойдет на этот шаг.

Она еле слышала его и только тихо покачивала головой. Не было ни слов, ни сил вообще что-либо говорить. Встала и побрела к своему общежитию.

Больше Игорь не появлялся.

Она приняла это с благодарностью.

...Те минуты, когда на озере за поселком «Сокол» Игорь подплыл к ней и объяснился в любви, она теперь не хотела помнить. Хотя то были лучшие мгновения ее жизни. Объяснения Руфина тогда ждала сильно, недоумевая, почему он медлит...

...Осталась жить только оттого, что сначала не смогла решиться на крайность, а потом... вялая текучка потихоньку затянула. Отстраненно, будто со стороны, наблюдала за собой и недоумевала: «Зачем все-таки тебе такой жить?»

Руфина пришла к мысли, что наука может дать опору. Заменить все! «Стану ученой стервой, — однажды усмехнулась она невесело. — Глядишь, что-нибудь сделаю настоящее. Ведь я же так мечтала в школе о больших открытиях. Хоть какая-то польза от меня будет...»

Так прошло два года. Все вроде бы выправилось.

Не подпускала к себе никого, всячески избегая ухаживаний... Случился, правда, один эпизод, но она не понимала, что это было...

***

«Почему Саша прямо не спросит, что было до него? Так иногда смотрит, будто что-то знает. Если бы спросил, мне бы легче стало, но он деликатный: «У тебя все нормально? Что за жизнь у тебя в Москве?» — и все! И какую часть моей беды рассказывать, решить не могу... Боже мой, как я хочу теперь с ним быть... Будто он один — мужчина, остальные — так...»

Добираться поездом до Москвы около шестнадцати часов. Есть время помяться бессонницей. Много пере-думала Руфина под стук колес, а говорить Ковальскому о своей беде не решалась...

***

Этой осенью Александр и Руфина еще раз побывали в селе.

...Саша пока не вернулся из школы, и они решили сходить на Самарку.

— Я так соскучилась по реке. Как маленькая, — призналась Руфина.

Едва вышли за околицу, она разулась и, довольная, шла босиком, временами пускаясь вприпрыжку. Легонькое светлое платье так к лицу ей.

За озером Лопушным на Лушкиной поляне остановились.

— Сашенька, если бы не ты, никогда б такой красоты не увидела!

...Конец бабьего лета. Вновь стоят светлые дни. На Лушкиной поляне, окруженной со всех сторон высоким лесом, зеленеет отава. Ни единой вкрапинки желтого или серого цвета. Все изумрудно-зеленое. Все разомлело и разнежилось в пропаренном, окруженном старым ветельником, ольхой и липой пространстве.

Не однажды Ковальский косил здесь с отцом траву — это всегда были особые дни. Помнил еще и то времечко, когда сенокосничали здесь артелью. Были и дед Головачев, и часто улыбающийся лукавый Остроухов. Теперь это все вспоминалось как нечто древнее, былинное.

И вдруг он спохватился: а где же жаворонки? Эти неутомимые, неустойчивые песенники!

Только так подумал, как в густой чаще подала голос невидимая глазу птица. Вначале робко, но потом отчетливо зазвучал ее голос. И ее сбила с толку теплынь.

Руфина оглянулась на Ковальского:

— Сашенька, такая истома во всем...

Александр взял ее за руку. Она приложила палец к губам.

— Я так хочу послушать, — и сама же, не в силах противиться, пошла навстречу его рукам.

— На этой поляне всегда пели жаворонки, — шепотом горячо заговорил Александр. — Может, сейчас нам повезет!

— От всего этого голова кругом, — ответила она тоже шепотом и стала его целовать, приговаривая: — Какая сказка, неужели это не сон! Если рассказать кому-нибудь, не поверят, что я... целовалась под соловьиное пение осенью. Это может быть только раз в жизни!

— Это не соловей, — улыбаясь, тихо ответил Александр.

Он слушал, а сам все смотрел в небесную голубень. И свершилось! Там, в необозримых небесах, над их головами, над Лушкиной поляной проклюнулся звук, вначале короткий, а потом враз полился окрест малиновый широкий перезвон крохотных бубенцов.

Мельтешащая точка в небеси — крохотная птаха — словно нота, прыгающая по невидимым стрункам, издавала чудные звуки.

Руфина, закинув голову, искала глазами певца и не находила его.

Александр стал показывать пальцем на порхающую точку в синеве. Руфина крутила головой, завиток ее волос около уха шекотал ему нос и от этого ноздри его возбужденно подрагивали.

Жаворонок на миг замер и вдруг камнем устремился вниз...

Упал в шелковую траву и исчез. Только неизвестная птаха продолжала солировать.

Руфина высвободилась из рук Александра и нескладно, как маленькая девочка, в пузырящемся своем платыце побежала туда, где должен быть чудесный певец.

— Он разбился, бедненький, разбился, — доносился ее лепет.

Александр стоял, молча улыбаясь.

Через некоторое время донесся жалобный голосок:

— Сашенька, его нет! Неужели так быстро утащили хищники? Идем искать вместе! Какая несправедливость!

Ковальский подошел и нагнулся. Их глаза оказались на одном уровне. У нее по щекам текли слезы. Она не пыталась их смахнуть.

— Саша, было счастье и нет его?! Так жестока жизнь!
— Руфина, ну что ты? Он же просто хитрец, этот жаворонок.
— Как?
— Когда приземляется, сразу убегает далеко в сторону, туда, где у него гнездо. Или где кормится.
— Он нас так безжалостно обманывает? — вполне серьезно удивилась Руфина.
— Да. Я сколько раз это наблюдал.
Слез на ее щеках не стало меньше.
— Сашенька, эта история про нас с тобой.
— Почему?
— Была красивая песня и в один миг — нет ее.
Она заплакала навзрыд. Его это обескуражило....
— Миленькая, почему ты примериваешь на нас с тобой? У нас же все хорошо! Я тебя люблю! А ты — самая красивая женщина, которую когда-либо видел! Живу, как во сне, — у меня есть ты! Не придумывай ничего.
— Да-да, — соглашалась она. И продолжала плакать.
Не сразу Руфина овладела собой. Чуть было не вырвалось наружу все то, что разрывало изнутри последнее время. И она испугалась этой минутной слабости. Еще не была готова к тому, чтобы рассказать Ковальскому о своей беде.
...Вечером шепнула украдкой, что хочет ночевать в беседке под яблоней в саду.
Ковальский согласился, радуясь, что у нее прошел непонятный ему нервный срыв...

XIX

«А что, если врачи все-таки ошибаются и у нас с Сашей все получится?!» — это спасительное предположение периодически возникало у Руфины.

Мысль гипнотизировала, и она не могла избавиться от нее. Внезапное и непреодолимое чувство к Ковальскому, многократно усиленное желанием быть полноценной женщиной, питало надежду. И она, охваченная этими взаимоусиливающимися чувствами, ждала от близости с Ковальским чуда. Хотела ребенка!

Но чуда не произошло.

После того, как Руфина поняла свою обреченность, вновь, как в первые недели после аборта, занемогла душевно и физически.

А когда Ковальский начал снится ей маленьким ребеночком, которого, как своего младенца, кормит грудью, испугалась, что сходит с ума...

...Оставался всего месяц до защиты диссертации. Научный руководитель, сорокалетний преуспевающий доктор наук, последнее время задумчиво смотрел на нее. Она это замечала и старалась, как могла, держать форму.

— Ничего, ничего, Руфиночка, не падай духом. Все будет нормально. Все пройдет и уляжется. Крепись, — так участливо сказал он сегодня утром. А уходя из аудитории, взял ее правую руку в свои и, крепко сжав, произнес: — Я с тобой, что бы ни было...

Раньше он ее не касался. И не называл так...

«Что он имел в виду, когда говорил «все будет нормально и все пройдет»? Очевидно, только и видит мою диссертацию. Думает, волнуясь перед защитой. Но ведь это несравнимо с тем, что со мной на самом деле происходит. Рушатся две судьбы! Рушатся? — переспросила себя Руфина. — Наоборот, Сашина жизнь и моя от разрыва только выиграют. Обе! Найдет себе пару. Его выберут — мимо него трудно пройти. А я стану солидной ученой дамой! Все! Все! Решено. — Пальцы рук, цепко ухватившие спинку стула, почувствовали боль. Опомнившись, она ослабила их. — Все! Все! Теперь я его сделаю, свой выбор».

* * *

Светлый солнечный день. Руфина была в лаборатории, когда вошел бледный Олежка.

Она совсем не обрадовалась этому светловолосому высокому парню. И тому, что с букетом ромашек, тоже не обрадовалась.

— Олежка, опять ты нехстати...

— Но почему же? Не виделись ровно семь месяцев и десять дней! Я тебя никак не застаю, — мямлил он. Лицо его было усталым.

— Уходи, слышишь! — проговорила Руфина, невесело усмехнувшись, просяще глядя мимо него.

— Руфь, я так... вот цветы...

— Поставь в колбу и уходи, прошу тебя, потом...

— Потом?! — бледное лицо блондина покрылось румянцем.

— Потом, — лишь бы только исчез, подтвердила она.

Оставив цветы, он тихо вышел.

...Олежка со своей любовью свалился на нее задолго до первой встречи с Ковальским, когда она уже оправилась после аборта, пропал Игорь и на радость себе осталась одна.

Ей казалось, что все налаживается. И тут этот второкурсник со своими назойливыми ухаживаниями, подарками. Олег так краснел при встречах с ней. Ходил на все ее лекции. Садился на первом ряду.

Он жил с родителями. Отец — профессор-искусствовед, мать — художница. Ухоженный и благовоспитанный.

Руфина долго не подпускала Олега к себе. Пугала разница в годах. Но он умел находить ласковые слова! И был так трогателен. После каждой лекции пытался ее проводить.

И Руфина сдалась. Поверила, что перестает комплексовать. Ведь совсем еще недавно и представить не могла, что позволит кому-либо дотронуться до себя.

...В первый раз в постели Олежка оказался неумелым и растерянным. У них ничего не получилось.

Она долго потом отказывалась от приглашений зайти «на чай» к нему домой. Он, как школьник, слал ей записки, твердил, что жить без нее не может. И Руфина сдалась. И опять, когда остались наедине, в нужный момент Олег «потерялся».

После этого стал избегать интимной близости, хотя повторял, что боготворит и не может представить свою жизнь без нее. Называл богиней.

...Она устала. Не понимала, что с ним? Нормальный ли? Твердо отказалась встречаться при любых обстоятельствах.

Руфина начала догадываться, что всему виной ее красота. «Олежка никак не мог в постели побороть в себе высокое чувство ко мне. Боже мой, что же тогда такое — красота? На каких противоположных полюсах стоят изуродовавший меня Борис и бедняжка Олег? Если красота так губит человека, нужна ли она вообще?.. И что тогда у нас с Ковальским? Коль он так умел, горяч и напорист?.. Неужели это разврат? Какая я еще дуреха неопытная... Ковальский — спасение? Да! Если бы не моя ущербность...»

* * *

Руфина уже несколько дней лихорадочно проговаривала текст и все не решалась перенести его на бумагу.

Она одна в пустой комнате.

Белый лист бумаги слепит до рези глаза. Ей становится не по себе. Правая рука начинает мелко дрожать, она придерживает ее левой.

«Саша, — вывела она неустойчивым почерком, — я перед тобой очень виновата. Это письмо принесет тебе столько боли, я знаю тебя. Но так надо. Пока не поздно. Иначе потом будет еще больней. Дело в том, что я не могу рожать детей. Ни женой, ни нормальной матерью мне не быть. Вот и все. В этом моя судьба. Я смирилась с этим, но встретила с тобой и не устояла. Теперь рву сердце и тебе, и себе. Это плата за то, что вела себя так. Дотаила, дальше некуда.

Мы должны расстаться. Ты создашь нормальную хорошую семью. Дай Бог тебе шестерых желанных детей. Но... Сашенька, мы должны оставаться друзьями. Хочу, чтобы твой сын Саша, когда подрастет немного, переехал ко мне в Москву. Ты говоришь, что он до двенадцати лет должен жить в деревне. Пусть так. А вот с двенадцати я его заберу в столицу. Он многое здесь получит. Давай об этом думать вместе. Не дал же он мне тогда упасть в колодец. Теперь я обязана ему... Твоя патриархально-индустриальная метода воспитания будет действовать. И — еще как!

Я попросила руководство и теперь долго, очень долго не приеду на завод...»

Руфина перестала писать. Вспомнились слова Шопенгауэра о том, что если обзреть жизнь каждого человека в целом, то увидишь перед собой трагедию... Тщетные стремления, разбитые надежды, роковые ошибки и в конце — смерть...

— Нет, нет и нет! — проговорила она вслух. — Начало плохое, но я сделаю дальнейшую судьбу сама.

Слова в пустом помещении прозвучали странно. Она не слышала их. Все мысли, все сознание сконцентрировались на главном: «Я буду ученым и буду этим нужна. А еще сделаю так, что Ковальский-младший будет моим сыном, а я — его матерью. Никакая другая женщина не сделает для него столько, сколько я».

Такую Руфина выработала генеральную линию. Права она или нет, приняв такое решение? Кто может ответить однозначно? Позавидуем ей: у нее хватило сил на поиск опоры в жизни! И, кажется, найти...

Часто ли встречаются такие женщины?

Когда закончила письмо, уже не чувствовала прежней

разбитости в теле. Голова стала работать четче. Словно освободилась от отягощающей сознание вины и поняла, наконец, что может быть полезной для доброго дела, вполне конкретного.

А в комнате через стенку сидел другой, внешне благополучный, но такой же, по сути, как и Руфина, загнанный судьбой человек и тихо казнил себя.

Руфина не поверила бы сейчас, что это ее руководитель, всегда предупредительный, интеллигентный Альберт Исаевич.

«Как я все-таки непростительно опоздал. Надо было раньше все связать. Но кто знал, что случится этот ее производственный роман? Я думал, она надолго остыла ко всему... Дооткладывался!..»

Доктор технических наук Бахрах и раньше был неравнодушен к Руфине, но сдерживался. Не давал проявляться своим чувствам. Более того, боялся за свою больную жену... «Если даже и ничего серьезного, люди все равно додумают, переиначат. Она может не вынести. Что тогда?» Бахрах смирился. Ушел весь в работу. Был цепок в делах и результативен. Вскоре о нем заговорили. Бахрах становился звездой на нефтехимическом небосклоне.

«...Но теперь, — продолжал раздумывать он, сидя за пустым столом, — теперь, когда уже полтора года, как умерла жена, а у Руфины — Рубикон, ей нужна поддержка. Именно сейчас, сейчас... И потом, — продолжал он искать доводы «за», — ей надо стать доктором наук. Нужны условия для дальнейшей работы... Где будет жить? Так в общежитии и сидеть?.. После того, что случилось с Борисом (он полагал, что знает достаточно о ее беде), она долго не выйдет, не решится выйти замуж. Мы с ней идеальная, — на слове «идеальная» он покачал головой, — пара. Мы нужны друг другу. Находка? Да! Мы друг для друга — находка! У меня есть оболтус Вадим. Ему уже шестнадцатый год. Хватит и одного ребенка. Что остается? Она да я. И наша наука! Немало. Если смогу спокойно и последовательно обо всем сказать ей, должна решиться на брак. Она — умная женщина. Даже не на брак. Можно устроить что-то вроде испытательного срока: не расписываться, но жить. А потом, через годик, пусть решит, как дальше...

Нет! Так не пойдет! — опомнился он. — Нас же загрызут, сплетни пойдут. Надо сразу: в загс — и все! Один раз!.. Навсегда».

Поразмыслив немного, решил, что разговор с Руфиной должен состояться после защиты. А до того — ни слова...

XX

Письмо от Руфины Александр получит только через три недели. Она не сразу решилась его отправить. А он пока в командировке на Грозненском химическом заводе, куда прибыла целая делегация для подведения итогов соревнования между двумя нефтехимическими предприятиями.

Грозненский завод — флагман подотрасли. Ковальский постарался все четыре дня побыть в цехах. Впервые увидел цех, похожий на тот, в котором теперь работал, построенный по схожему проекту.

Поразило одно обстоятельство. Здание полностью раскрыто. Нет кирпичных стен. Построили его когда-то по проекту, предусматривающему кирпичную кладку. Впоследствии заводские специалисты выбрали, где надо, кирпич, укрепив каркас металлическими балками. Разумеется, предварительно все согласовав с проектным институтом. При наличии в аппаратах и трубопроводах огромного количества легкого взрывоопасного газа под давлением до восьмидесяти атмосфер — это существенно.

Он посмотрел чертежи на раскрытие, состояние оборудования. В ветреную и дождливую погоду на этажерках неуютно. Но и меньше опасности. Конечно, морозные и снежные зимы в Поволжье все усложняли в разы, но можно кое-что предпринять.

Он знал, как часто возникают аварийные ситуации, способные уничтожить весь цех. А если нет стен — можно при взрыве лишиться только части оборудования и избежать человеческих жертв.

* * *

...На заводскую планерку, которую вел главный инженер, пригласили и делегацию, побывавшую в Грозном. Делились впечатлениями. Ковальский доложил об увиденном и закончил вполне конкретным предложением:

— Как работник, знающий опасность цеха изнутри, предлагаю, несмотря на наши климатические условия, в ближайший капитальный ремонт раскрыть цех. Не принимать мер нельзя...

— А мы принимаем. И вы — первый их активный ис-

полнитель. Я имею в виду отсечную японскую арматуру, позволяющую нажатием одной кнопки за пятнадцать секунд остановить систему и затем вытравить газ в атмосферу, — уверенно проговорил главный.

— Да, — согласился Ковальский. — Но это не спасет, если аппарат или трубопровод разорвутся в помещении...

— Ну, все страхи сразу в одну кучу. Довольно. Вот если будете тянуть с установкой арматуры, мы с вас спросим. Цех смонтирован по проекту согласно действующим нормам. Надо будет — раскроем. Садитесь. Спасибо.

«Деловито утопил серьезнейшее предложение. Сам-то понимает, что делает?!» — возмущался про себя Александр.

Вернувшись в цех, Ковальский составил отчет о командировке, где особо подчеркнул преимущества раскрытого цеха.

Подумав, тут же написал и служебную записку на имя директора завода.

«Немного строптиво выглядит, но мы с Румянцевым уже были в роли несостоявшихся по чистой случайности жертв взрыва. Иное мое поведение просто нелогично».

...Прошел месяц. Он дважды, минуя главного инженера, пытался попасть к директору. Не смог. Что оставалось делать, как не поспешить с установкой отсечной пневматической арматуры?

И Николай Румянцев был ему в этом первый помощник. Ковальский вывел его работать днем, и они вместе с контрольно-измерительной службой трудились с утра до вечера.

* * *

Как Альберт Исаевич наметил разговор, так и повел его.

...Руфина расположилась за столом (он намеренно ее посадил, зная, что будет непросто). Стоя у окна и глядя невидящими глазами на улицу, изложил все по пунктам, методично и с расстановкой.

Он дал себе слово — только сухой, рациональный слог. Но под конец все же не сдержался:

— Очень жалею, что, когда мы встретились, я был уже женат...

Лишь при этих словах повернулся к ней лицом и увидел слезы.

Он не решился подойти. Не знал, какие это слезы. Что значат?

И Руфина не подошла к нему. Только встала из-за сто-

ла и молчала. Его предложение оказалось полной неожиданностью.

Он молча прошел мимо нее и тихо прикрыл за собой дверь. На другой день в той же комнате они, сидя за столом, тихо разговаривали.

* * *

После недельного отсутствия она появилась на кафедре и ответила Бахраху согласием.

Словно боясь, что уступит Ковальскому, сжигала за собой все мосты...

* * *

Запоздало получив от Руфины страшное письмо, Ковальский бросился на переговорный пункт. Не дозвонившись, рванулся в Москву.

...Александр нашел ее в институте. Встреча произошла на следующий день после того, как она дала согласие Бахраху на брак.

Говорили мало. Оба плакали. Руфина навзрыд. Он молча, давясь слезами и стыдясь своей слабости. Не было ни обвинений, ни упреков. Была общая беда...

...Вернулся он из Москвы с потемневшим лицом. Сулов не на шутку перепугался: не заболел ли?

От Александра крепко пахло спиртным...

«Не пил же всю дорогу так, чтоб его было не узнать?» — качал головой Сулов.

Выпив стакан водки, Ковальский лег в постель.

Засыпая, он знал: огромный, важный этап его жизни завершен. Дальше все будет как-то уже по-другому, да, по-другому, словно совсем иная жизнь.

Александр ШЕВЧЕНКО

ЖИЗНЬ ВО ИМЯ РОДИНЫ

(СУДЬБА РУССКОГО ФИЛОСОФА А.Ф. ЛОСЕВА)

Заметным событием культурной жизни Москвы в 2006 году стало открытие памятника великому русскому философу XX века Алексею Федоровичу Лосеву (1893—1988), состоявшееся в день его рождения 23 сентября. Скульптурный портрет философа работы заслуженного деятеля искусств России Василия Герасимова установлен во дворе дома № 23 по улице Арбат. По этому адресу, где семья Лосевых проживала с 1942 года, в настоящее время действует уникальный духовный центр — Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». За неполные два десятилетия, прошедшие с того дня, как Алексей Федорович Лосев покинул земной мир, уникальная роль Лосева в духовной истории прошедшего века выявляется со все большей определенностью, хотя подлинно глубокое освоение его наследия не только как выдающегося историка античной философии и культуры, но и как величайшего православно-го мыслителя нашего времени еще впереди. При этом в тени остается такая деталь духовной биографии философа, как его казачье происхождение. Между тем оно весьма

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

важно для понимания основных вех его жизненного пути и духовного становления.

Алексей Федорович Лосев родился 10 (23) сентября в столице Области Войска Донского городе Новочеркасске. Прадед будущего философа — тоже Алексей Лосев — сотник Войска Донского, герой Отечественной войны 1812 года, за свои подвиги получил Георгиевский крест и потомственное дворянство. Иного склада, хотя также по-своему яркой личностью, был его отец — Федор Петрович Лосев (1859—1916) из станицы Урюпинской, талантливый казачий музыкант-самородок, скрипач-виртуоз, выпускник дирижерского класса Придворной Певческой капеллы в Санкт-Петербурге, крупный знаток духовной музыки и церковного пения, обладавший умением, по отзывам современников, даже мотивам казачьих песен придать церковно-религиозный характер. Будучи регентом Войскового певческого хора, после концерта в присутствии Государя Александра III и его супруги Марии Федоровны в мае 1887 года Федор Лосев получил августейшую награду — золотой перстень с бриллиантовыми розами. Впрочем, на этой должности Лосев-старший не удержался. Тяготясь размеренной жизнью, он ушел из семьи, сменил множество занятий — от архивариуса Духовной Консистории до преподавателя физики и математики в младших классах уездных училищ. После его смерти сыну остались сундук с нотами и скрипка; тем не менее наследство, перешедшее сыну от отца, было куда значительнее — не только «разгул и размах, его вечное искательство и наслаждение свободой мысли и бытовой несвязанностью ни с чем», но и страсть к музыке и математике одновременно, любовь к церковному пению и колокольному звону, а главное, по словам А. Тахо-Годи, «артистизм, явленный в науке, в игре ума и мысли, в тончайших диалектических построениях философских категорий».

Мать Алексея Федоровича происходила из казачьего духовенства: дед по материнской линии протоиерей Алексей Поляков был настоятелем новочеркасского храма Михаила Архангела и сам крестил внука. Отсюда и иное наследство, полученное будущим философом, — дух целомудрия и смиренномудрия, глубокая внутренняя церковность, глубинная связь с храмом и всем православным богослужебным обиходом. «Я ведь литургию помню, я ее каждый день про себя читаю», — говорил позже Лосев о. Павлу Флоренскому.

Сам Новочеркасск к тому времени был не только войсковой, но и культурной столицей донского казачества. В городе имелись Донской музей, драматический театр, а также разнообразные учебные заведения — духовная семинария, женское епархиальное училище, казачий кадетский корпус и казачье юнкерское училище, Политехнический институт (первое на Дону высшее учебное заведение) и, наконец, основанная в 1875 году Платовская войсковая гимназия, содержавшаяся на средства Всевеликого Войска Донского. В нее и в 1903 году и поступил учиться юный Алексей Лосев. В числе других гимназистов он участвовал во встрече с донскими казаками Императора Николая II, посетившего Дон в августе 1904 года. «Казачи — молодцы, впечатление самое лучшее», — записал Государь в своем дневнике после этой встречи. Главное же — в Платовской гимназии преподавали выдающиеся педагоги и ученые, которые, как позднее вспоминал сам Лосев, далеко превосходили университетскую профессуру советского времени. В их числе — директор гимназии Ф.К. Фролов — блестящий организатор учебного процесса и не менее блестящий знаток русской литературы; ученик Ключевского, преподаватель истории Н.П. Попов, математик Д.М. Муравьев, законоучитель о. Василий Чернявский, учитель немецкого языка А.Я. Цейгер. Но наибольшее влияние на Лосева-гимназиста оказал Иосиф Антонович Микш, филолог-классик, выпускник Пражского университета, преподававший латинский и греческий языки. От него — пронесенное Лосевым через всю жизнь глубочайшее увлечение античностью, итогом которого стал 8-томный труд «История античной эстетики», в 1985 году удостоенный Государственной премии СССР.

Одновременно с прохождением гимназического курса Алексей Лосев получил и серьезное музыкальное образование. В Новочеркасске с 1886 года действовала частная музыкальная школа итальянского музыканта, лауреата Флорентийской музыкальной академии Федерико (Фридриха Ахиллесовича) Стаджи (1853—1913), которую в 1911 году с отличием закончил Лосев. В дальнейшем философское осмысление музыкального искусства сделалось одним из важнейших направлений его работы: в 1927 году вышла в свет книга А.Ф. Лосева «Музыка как предмет логики».

Таким образом, справедливым будет суждение о том,

что именно этот начальный период биографии Лосева, связанный с пребыванием в столь насыщенной духовной, интеллектуальной и культурной среде столицы казачьего Дона сыграл решающую роль в его жизни, заложив прочный фундамент творческого становления ученого. Связи с Доном не прерывались и впоследствии, во время обучения Алексея Лосева на историко-филологическом факультете Московского университета (который им был окончен в 1915 году сразу по двум отделениям — философскому и классической филологии). Примечателен в связи с этим такой эпизод. В программу прохождения университетского курса входила научная командировка в Берлин, куда студент Лосев прибыл 9 июля 1914 года. Однако приступить к занятиям ему так и не удалось: на пороге была Первая мировая война. И здесь молодого ученого подвели его порядочность и научная добросовестность. Задержавшись, чтобы сдать книги, взятые им в Берлинской Королевской библиотеке, Лосев опоздал на последний поезд, идущий в Россию. С огромным трудом в потоках беженцев ему удалось выбраться из Германии (в дороге украли самое ценное — чемодан с рукописями) и прибыть в Россию 1 августа 1914 года. А уже 5 августа Лосев — в родном Новочеркасске, где повсюду была развернута мобилизация казаков для отправки на фронт. «Хочется идти туда, постоять за православную веру, за нашу родную землю. Недаром же я казак» — так писал Лосев в одном из писем того времени.

На войну философу попасть не довелось: предстояло возвращаться в Московский университет для подготовки к профессорскому званию. Впереди его ждала иная, духовная брань. Избежав «философских пароходов», донской казак профессор Лосев оказался среди русских воинов мысли и духа, взявших на себя бремя духовного сопротивления сатанинскому натиску погубителей России, палачей Церкви и казачества, овладевших страной в 1917 году. Двадцатые годы — далеко не лучшее время ни для античной философии, ни для классической филологии. Идеологи Пролеткульта уже объявили все классическое культурное наследие «сброшенным с парохода современности», и вот — закрыты все соответствующие научные и учебные учреждения, одним из первых в 1921 году был историко-филологический факультет Московского университета (вновь был открыт уже во время войны), а Московская Консерватория, профессором ко-

торой с 1922 года был Лосев, стала Высшей музыкальной школой имени Феликса Кона (в студенческом обиходе — «конская школа») с преподаванием в духе «классового подхода» к культуре. Наконец в 1929 году власти ликвидировали последнее прибежище «старорежимных» ученых-гуманитариев — Государственную академию художественных наук (ГАХН), где Лосев возглавлял отдел эстетики. Тут же появилась и холуйская эпиграмма Демьяна Бедного: «Возьму я да как ахну по некому ГАХНу, где какой-то подозрительный Шпет уличен был в пьянстве и головатяпстве». Речь здесь идет об одном из философских соратников Лосева — переводчике трудов Гегеля Густаве Шпете, позже сгинувшем в ГУЛАГе. Как раз в это время на рубеже 20—30-х годов начался очередной акт драмы «Большого террора» — процессы над «вредителями»: все больше людей из лосевского круга пополняло собой население ГУЛАГа.

Однако именно в это время Алексей Федорович Лосев обращается вплотную к наследию античной классики, которое становится у него отправной точкой грандиозных философских, эстетических и культурологических построений. Как писала позже об этом А. Тахо-Годи, «античность совершенно необходима в те времена, когда пытаются уничтожить фундамент культуры, оторвать человека от его естественной почвы. Именно в ней, в античности, залегают корни современных жизненных основ. Там рождается древнейшая форма мышления — миф. Там заложено учение об имени и числе. В эпоху, когда стремятся сокрушить старые формы жизни, античность уже только одним своим наличием оправдывает преемственность в истории культуры... А.Ф. Лосев своими книгами осуществлял ту самую связь времен, которая грозила распасться в 20-е годы и в конце концов в ряде гуманитарных наук, в том числе в философии и классической филологии была уничтожена». Результатом стало знаменитое «лосевское восьмикнижие», созданное в 1927—1930 годах: «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики», «Философия имени», «Диалектика художественной формы», «Диалектика числа у Платина», «Критика платонизма у Аристотеля», «Очерки античного символизма и мифологии» (Т.1), «Диалектика мифа». Еще две книги — «Вещь и имя» и «Николай Кузанский и средневековая диалектика» к моменту ареста автора находились в печати.

При поверхностном подходе может возникнуть вопрос: какое все это имело отношение к современности? На деле — самое прямое. Учение об античном космосе у Лосева, оказывается, было связано с последними достижениями науки — теорией относительности А. Эйнштейна, логико-математическими построениями П. Лоренца и о. Павла Флоренского. Лосевское учение о мифе — своего рода ключ к пониманию мифотворчества XX века. В этом ключе насквозь мифологичной предстает материалистическая наука: учение о материи по Лосеву — не что иное, как «вырождение христианского учения о троичности». То же — относительно мифов социального порядка: коммунистическая идеология создает свой миф о возможности безрелигиозного общества. Так далекое от современных реалий классическое наследие античности оказывается на острие идеологического противостояния. А еще — восходящий к восточной патристике лосевский метод апофатической диалектики: сначала надо определить, **что** есть изучаемый предмет, и тогда уже вырисовывается он сам. А сверх того — постоянное ощущение Богоприсутствия как надмирной реальности (и это — в «стране победившего атеизма»). Не случайно именно во время работы над «восьмикнижием» в преддверии грядущих гонений Алексей Федорович вместе с супругой Валентиной Михайловной тайно принимают монашество с именами Андроника и Афанасий. Постриг 3 июня 1929 года совершает духовно близкий Лосевым архимандрит о. Давид, в прошлом — ктитор и настоятель Свято-Андреевского скита на Афоне. Монастыри в советской стране к тому времени были уже почти все ликвидированы, «потаенным монастырем» для супругов Лосевых стала их жизнь в миру по монашеским обетам. При этом о. Давид не благословил Алексея Федоровича с принятием монашества оставить научные занятия: «Ты не науку брось, а страсти свои брось».

Гонения себя долго ждать не заставили. Книги Лосева издавались за счет автора: до конца 20-х годов это еще было возможно — в книгоиздании сохранялись остатки нэпа. Это, однако, не спасало от идеологической цензуры, с каждым годом становившейся все более свирепой. «Методология не выдержана идеологически» — таково суждение цензора Главлита Т. Романенко по поводу «Диалектики числа у Плотина». С трудом книга все же вышла. С другими изданиями дело обстояло хуже. Последняя книга «восьмикнижного» цикла «Диалектика мифа» была

фактически уничтожена цензурой, выбросившей из нее все «идеологически вредное». Алексей Федорович не убоился запрета и восстановил исключенные фрагменты при печатании книги. Позже в одном из лагерных писем жене философ писал, что ему «трудно было (да и нужно ли?) держать себя в обручах советской цензуры» и не иметь возможности донести до читателя свои заветные мысли — плод многолетних штудий. Так или иначе — повод для расправы над философом у властей появился: в ночь на Страстную субботу 18 апреля 1930 года он был арестован, а его научный архив с рукописями будущих книг конфискован. Вскоре 5 июня «за активное участие в преступных действиях А.Ф. Лосева», выразившееся в «разжигании религиозных предрассудков», была арестована и жена Алексея Федоровича Валентина Михайловна. Всего по «делу Лосева» арестовали 48 человек, в том числе старца Зосимовой пустыни о. Митрофана (Тихонова), математика Д.Ф. Егорова и др.

Попутно разворачивалась травля в печати и с официальных трибун. Собственно, началась она еще до ареста статьями в «Комсомольской правде» и журнале «На литературном посту», клеймившими «реакционную диалектику эстетического учения Лосева». На заседании в Институте философии Коммунистического университета 21 мая 1930 года некто Х. Гарбер в докладе «Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева» назвал Лосева «апологетом крепостничества», который претендует стать «не то Платином, не то Проклом наших дней» и противопоставляет себя Ленину. Наконец с трибуны XVI съезда ВКП/б/ на Лосева обрушил свой гнев сам всеильный Лазарь Каганович. В своем докладе на утреннем заседании 28 июня 1930 года в качестве примера обострения классовой борьбы «по линии литературы» он указал на появление «контрреволюционного и мракобесовского» трактата «Диалектика мифа», автор которого — «наглейший классовый враг». И еще — статья А. Сараджева «Против поповско-идеалистической реакции» в «Правде» 14 мая 1930 года об «анти-советских настроениях» и «антимарксистско-поповских идеях» Лосева, осуществляющего смычку с капитализмом «под прикрытием бога». Наконец, даже пролетарский писатель М. Горький принял участие в травле философа, поместив в «Правде» и «Известиях» от 12 декабря 1931 года (Лосев был уже в лагере) заметку «О борьбе с природой», где в качестве доказательства «особенно бесстыдного ли-

цемерия» защитников «изуверства церкви» приводил выдержки из лосевских «Дополнений» к «Диалектике мифа». Такая реакция вполне понятна: комвласти силы лосевского духа и интеллекта просто боялись. «Бешеная ярость врагов вполне доказала, что Лосев — и один в поле воин» (А. Тахо-Годи). И это при том, что плодотворности лосевских идей не могли в итоге не признать и наиболее интеллектуально честные представители марксистского лагеря. Показателен в связи с этим такой эпизод. Одним из наиболее яростных обличителей «реакционной философии» Лосева был известный тогда философ-марксист А.М. Деборин (Иоффе), возглавлявший в то время журнал «Под знаменем марксизма». Питая какую-то иррациональную ненависть к Лосеву, он, как полагают, сыграл не последнюю роль в его аресте. Тем не менее в самый разгар этой травли Лосева посетил «молодой профессор-марксист из Деборинской группы», выразивший «полную солидарность» со взглядами опального философа, при этом отметив, что подобной позиции придерживаются многие его коллеги, однако молчат, боясь Деборина. Этим «молодым профессором-марксистом» был выдающийся впоследствии исследователь немецкой классической философии Валентин Фердинандович Асмус, который затем сохранял добрые отношения с Лосевым и оказывал ему всяческое содействие до конца жизни. Примечательно, что сыну советского философа В.Ф. Асмуса известному московскому священнику, церковному исторiku и богослову о. Валентину Асмусу доведется принять участие в отпевании А.Ф. Лосева.

Так или иначе, судьба философа была предрешена. Тем более что дело его вела известная своей жестокостью следователь ОГПУ Марианна Герасимова (сестра известного советского кинорежиссера). А уж она сделала все, чтобы подвести Лосева под «расстрельную» статью. В своем следственном заключении, произвольно и тенденциозно цитируя попавшие в руки чекистов рукописи «Дополнения» к «Диалектике мифа» (они должны были составить вторую часть данного труда), Герасимова утверждала, что книги Лосева — «законченная философская и политическая платформа церковной контрреволюции», а сам он — мракобес и фашист, главный идеолог некоего «Центра всесоюзной контрреволюционной монархической организации». После 17 месяцев пребывания во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке 20 сентября 1931 года Лосеву был

объявлен приговор, который в самый последний момент все же смягчили: вместо «вышей меры социальной защиты» дали 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Как соучастница, В.М. Лосева получила 5 лет лагерного заключения. Далее были этап в Кемь, тяжелая работа на строительстве Беломоро-Балтийского канала имени Сталина и — как следствие — прогрессирующее ухудшения зрения, позже приведшее к почти полной слепоте.

И вдруг — внезапная милость судьбы. Постановлением коллегии ОГПУ от 7 сентября заключенный Лосев освобожден из лагеря, в октябре ему удастся воссоединиться с женой. Наконец, как ударник Белбалтстроя, постановлением ЦИК СССР от 4 августа 1933 года Лосев восстановлен в гражданских правах, с него снята судимость. В октябре того же года философ получает возможность возвратиться в Москву, а вскоре — и вернуться к научной и преподавательской работе. Каковы причины столь внезапных перемен — остается только гадать. Может быть, сыграли роль хлопоты Е.П. Пешковой, возглавлявшей так называемый «политический Красный Крест» (к ней В.М. Лосева обращалась за помощью) — в начале 30-х годов это еще было возможно. Или это была внезапная милость вождя — значительное число заключенных, удостоенных звания ударников Белбалтстроя, по завершении работ получило свободу, а некоторые — и государственные награды. Подлинная первопричина произошедшего, на наш взгляд, лежала глубже. «Большой террор» (понятие, введенное в оборот британским историком Р. Конквестом для обозначения событий 1937—1938 годов, далеко не точное — начавшись с 1917 года, он никогда не был «маленьким» — наблюдались лишь его отдельные спады) в 30-е годы ужесточался и набирал обороты. Однако теперь его жертвами все чаще становились вчерашние гонители и палачи из числа марксистских идеологов, «верных ленинцев», «красных профессоров», «пролетарских интернационалистов» и коминтерновцев, «воинствующих безбожников», активистов Пролеткульта и РАППа, душегубов ВЧК—ОГПУ и др. Так главный ненавистник Лосева А.М. Деборин уже вскоре был объявлен идеологом «меньшевистствующего идеализма», изгнан со всех постов и чудом избежал ареста, следователь Марианна Герасимова оказалась в ГУЛАГе, а драматург В. Киршон на XVI съезде ВКП/б/ требовавший расстрела «реакционера и мракобеса» Лосева, сам в 1938 году получил расстрельную пулю.

Одновременно ряд представителей старой профессуры, репрессированных ранее, в 30-е годы не только оказались на свободе, но и смогли вернуться к работе. Показательна в этом отношении судьба русских историков патриотической ориентации, арестованных в 1929 году по «делу академика С.Ф. Платонова». За исключением умершего в 1933 году в ссылке самого С.Ф. Платонова и нескольких ученых старших возрастов, не доживших до реабилитации, почти все они к середине 30-х годов уже вновь занимались научными исследованиями и преподаванием, позже составив цвет отечественной исторической науки, получали ордена, премии и лауреатские звания, даже становились академиками (Е.В. Тарле, Б.Д. Греков). Дело в том, что к этому времени руководство СССР во главе со Сталиным отказалось фактически от лозунга мировой революции, взяло курс на «построение социализма в одной стране» и при этом стало осознавать, что столь масштабную задачу невозможно решить без ученых и специалистов старой дореволюционной школы. В результате часть из них, несмотря на «классово чуждое» происхождение и явно немарксистское «религиозно-идеалистическое» мировоззрение, не только получила возможность работать, но и была даже обласкана властью. Разумеется, такое случалось не всегда и не со всеми, репрессии продолжали захватывать и ученых, достаточно вспомнить судьбу Н.И. Вавилова. Но перелом был налицо. Современный отечественный философ Д. Галковский в своей книге «Бесконечный тупик» (1989) в связи с этим отмечал: «Какой год был самым счастливым за последние сто лет русской истории? Страшно вымолвить, но 1937-й... 37-й — это год перелома кривой русской истории. Началось «выкарабкивание»... 1937-й — это год смерти революционного поколения. Свиньи упали в пропасть. Конечно, прогресс после 1937-го можно назвать прогрессом лишь в соответствии с предыдущей глубиной падения. Но все же...»

К этому времени Лосев, несмотря на прогрессирующую слепоту, уже в полную силу трудился в качестве лектора-почасовика в вузах Москвы, Куйбышева, Чебоксар, Полтавы, одновременно занимаясь переводами философских текстов Секста Эмпирика и Николая Кузанского, подготовкой рукописей будущих книг о Гомере и античной мифологии. Однако философ по-прежнему был на подозрении у властей. Запрет на издание его трудов не был снят: первая после ареста книга «Олимпийская ми-

филология» выйдет лишь в 1953 году ничтожным тиражом в издательстве МГПИ как учебное пособие для студентов. И лишь с появлением в 1957 году книги «Античная мифология в ее историческом развитии» начнется регулярное печатание работ Лосева. К тому же негласным распоряжением, переданным из Секретариата ЦК ВКП/б/, Лосеву было указано заниматься лишь классической филологией, античной эстетикой и мифологией, ни в коем случае не вступая в пределы собственно философии. Ну что же, это только для партийных идеологов философия и классическая филология — разные сферы, но никак не для Лосева с его синтетическим подходом к знанию. Для него «философия, эстетика, мифология — плоды одного дерева. Эстетика — наука не столько о прекрасном, сколько о выразительных формах бытия и о разной степени совершенства этой выразительности, которая может быть и вполне безобразной (прекрасно выраженное безобразие), и смешной, и гротескной, и ужасной. Миф древний тоже имеет свою выразительность, философская мысль тех же древних — свою. И чем древнее эта философская мысль, тем выразительнее, то есть тем эстетичнее» (А. Тахо-Годи). Позже, уже во время войны 16 октября 1943 года Лосеву без защиты диссертации по совокупности трудов была присвоена степень доктора филологических наук. Филологскую степень дать побоялись.

Впереди философа ждало еще немало испытаний и невзгод: гибель научного архива и библиотеки (в третий раз в течение жизни) в результате прямого попадания бомбы в дом Лосевых на Воздвиженке в ночь 11—12 августа 1941 года (в числе других рукописей погиб и первоначальный текст «Истории античной эстетики»), скоротечная болезнь и кончина многолетней спутницы, соратницы и жены Валентины Михайловны Лосевой в январе 1954 года, наконец, почти полная потеря зрения. Уповая на Господа, все перенес донской казак профессор Лосев — тайный инок Андроник, прожив почти век и всех своих гонителей пережив. «Кто видел мало зла, тот... ужасается и убивается. Но кто знает, что весь мир лежит во зле, тот спокоен» — эти слова из философской повести Лосева «Жизнь» как нельзя лучше применимы к нему самому. По-прежнему не могли простить Лосеву его дарований партийные идеологи, старые и новые завистники.

Внезапная радость — в 1942 году в самый разгар войны принято правительственное решение возродить в Мос-

ковском университете философский факультет. С разрешения ЦК туда приглашен Лосев — запрет на занятия философией снят. Философ начинает семинарские занятия со студентами по логике Гегеля. Его уже прочат возглавить новосозданную кафедру логики. Не случилось. По обвинению в пропаганде идеализма 15 мая 1944 года Лосев отстранен от преподавания и удален из университета. Трудоустройством философа занялся сам всемогущий Г.Ф. Александров — зав. Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП/б/. В результате Лосев оказался в Московском государственном педагогическом институте им. Ленина, где и проработал до самой кончины.

С середины 50-х годов жизнь и научная работа Алексея Федоровича Лосева, как казалось, стабилизировалась. Он — признанный ученый мирового уровня. Один за другим выходят в свет его труды: «Гомер» (1960), «Античная музыкальная эстетика» (1960—1961), «Введение в общую теорию языковых моделей» (1968), «Проблема символа в реалистическом искусстве» (1976), «Античная философия истории» (1977), «Платон» (1977), «Эстетика Возрождения» (1978), «Эллинистически-римская эстетика» (1979), «Диоген Лаэртский — историк античной философии» (1981), «Знак. Символ. Миф» (1982), «Аристотель» (1982), «Языковая структура» (1983), «Владимир Соловьев» (1983), «Дерзание духа» (1988), «Владимир Соловьев и его время» (1990, посмертно). Только в 5-томной «Философской энциклопедии» Лосев поместил более ста своих статей. Крупнейшим событием в истории отечественной науки стало появление лосевской 8-томной «Истории античной эстетики» (выходила в 1963—1994 годах, последние тома — посмертно). Всего с учетом трудов по эллинистически-римской эстетике и эстетике Возрождения лосевский корпус истории эстетики составил 10 томов. Аналога подобному своду в мире нет. Перед читателем предстает грандиозное здание эстетических категорий, представлений о космосе, природе, человеке, творчестве за весь полутора-тысячелетний путь развития античной культуры — от Гомера до неоплатоников.

Но главное — Лосеву практически в одиночку удалось восстановить ту связь времен и поколений в развитии гуманитарного знания, которая казалась навсегда оборванной после 1917 года. Начиная с 60-х годов дом Лосевых на Арбате — место паломничества ученых-гуманитариев со всего Советского Союза и из-за рубежа. Особенно ча-

сты гости из Грузии (причем самые неожиданные — вроде молодого филолога и искусствоведа Звиада Гамсахурдиа — знать бы тогда его дальнейшую судьбу): труды Лосева возродили интерес к средневековому грузинскому неоплатонизму. В лосевской «Эстетике Возрождения» грузинским неоплатоникам посвящен специальный раздел, а позже для своих грузинских учеников он создал свое «Слово о грузинском неоплатонизме». Не случайно после смерти Лосева католикос Илия II в Сионском соборе Тбилиси отслужил по нему торжественную панихиду, отметив в своей проповеди огромный вклад русского «диди философа» (великого философа) в развитие грузинской культуры (стоит помнить об этом нынешнему поколению жителей независимой Грузии).

Среди лосевских гостей был офицер-фронтовик, в совершенстве владеющий немецким языком, блестящий знаток немецкой культуры и немецкой классической философии — Арсений Гулыга, в дальнейшем — автор блестящих биографических книг о Канте, Гегеле, Шеллинге (ему довелось произнести «Слово о Лосеве» на юбилейных торжествах в честь 90-летия философа). Позже появился студент классического отделения филфака МГУ, а затем молодой талантливый исследователь творчества Плутарха Сергей Аверинцев. Его фундаментальный труд «Поэтика ранневизантийской литературы» (1978), посвященный анализу эстетических доктрин восточной патристики — своего рода продолжение лосевского антично-эстетического корпуса, соединяющее античную мысль в ее восхождении от твари к Творцу, со святоотеческим наследием Православного Востока. Так шло восстановление отечественных научных школ изучения классического наследия — русской традиции исследования античности и немецкой философской классики. (Оба — и Гулыга, и Аверинцев, уже покинули наш мир, найдется ли кому продолжить эту традицию?)

Тем не менее даже в условиях всеобщего признания и внешнего почтения официальное научное начальство продолжало относиться к Лосеву с подозрением, а зачастую — и с нескрываемой неприязнью. Так, резко враждебно была встречена книга «Эстетика Возрождения», подготовленная философом к своему 85-летию в 1978 году. Еще бы — Лосев замахнулся на самого Ф. Энгельса, его характеристику Возрождения как величайшей эпохи в истории человечества, рождавшей титанов мысли и духа. «Как же не

возмутиться тем, кто долгие годы зарабатывал авторитет на апологии Возрождения?» (А. Тахо-Годи). Ведь их суждения, освященные авторитетом классиков марксизма, считались непререкаемыми. И вдруг появляется книга Лосева с главой «Обратная сторона титанизма», утверждающей, что расхожие оценки данной эпохи — плод «либерально-буржуазной легенды о Ренессансе». Прекрасная эпоха имела свою оборотную сторону, темную и грязную: «Возрождение прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей... здесь, несомненно, сказался стихийный индивидуализм эпохи, эта уже обнаженная от всяких теорий человеческая личность, в основе своей аморальная, но зато в своем бесконечном самоутверждении и в своей никем не сдерживаемой стихийности любых страстей, любых аффектов и любых капризов доходившая до какого-то самолюбования и до какой-то дикой и звериной эстетики». Вот почему «было бы совершенно односторонне всю эту четырехвековую эстетику Ренессанса сводить только на гуманистически-неоплатонические пути мысли. Тут была еще и другого рода эстетика, вполне противоположная гуманизму и неоплатонизму... Она была аморальной и звериной в своем содержании, но все же обладала всеми чертами самодовлеющей значимости, необычайной красотой и выразительностью и какой-то, если выражаться кантовским языком, небывалой целесообразностью без всякой цели». Основываясь на многочисленных свидетельствах современников, Лосев приводит наиболее яркие образцы подобной эстетики: «В церквях пьянствуют и пируют, перед чудотворными иконами развешаны по обету изображения половых органов, исцеленных этими иконами... В Ферраре герцог Альфонс среди бела дня голым прогуливается по улицам... В Милане герцог Галеаццо Сфорца услаждает себя за столом сценами содомии... В Ватикане при Льве X ставятся непристойные комедии Чиско, Ариосто и кардинала Биббиены, причем декорации к некоторым из этих комедий писались Рафаэлем... Художники наперебой изображают Леду, Ганимеда, Приапа, вакханалии, соревнуясь друг с другом в откровенности и неприличии, причем порою эти картины выставляются в церквях рядом с изображениями Христа и апостолов». Причем самые порочные и развратно-жестокое светские и духовные владыки были людьми весьма образо-

ванными, страстными любителями античности, покровителями наук и искусств.

Лосев делает вывод, что расцвет подобной эстетики утонченного аморализма стал следствием утверждения апостасийных тенденций духовной жизни Европы, связанных с началом ее капиталистического развития. «Частное предпринимательство нацеливалось на использование работника только с точки зрения эксплуатации рабочей силы и с игнорированием его человеческих свойств как таковых». А для этого требовалась коренная ломка всех традиционных жизненных устоев, прежде всего — религиозной веры и Церкви. «Для такой ломки нужны были весьма сильные люди, гиганты мысли и дел — титаны земного самоутверждения человека. Отсюда само собою вытекал стихийный индивидуализм данной эпохи, примат его субъективных стремлений и его антропоцентризм». В центре жизнеустройства, таким образом, оказывался уже не Бог, а падший человек с его греховным своеволием, пороками и страстями. «Пороки и преступления были во все эпохи человеческой истории, были они и в средние века. Но там люди грешили против своей совести и после совершения греха каялись в нем. В эпоху Ренессанса наступили другие времена. Люди совершали самые дикие преступления, и ни в какой мере в них не каялись, и поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствовавшая себя личность... В этом смысле обратная сторона титанизма была, в сущности говоря, все тем же самым титанизмом. Красиво мысливший неоплатонический поэт и философ Ренессанса, бесконечно человеческий и бесконечно гуманистический, мало отдавал себе отчет в том, что какой-нибудь кровавый преступник и бесстыдный насильник вроде Цезаря Борджиа тоже чувствовал за собою право своего поведения, тоже находил в нем свое самодовлеющее наслаждение и тоже был представителем платонической эстетики, которая отличалась от Платоновской академии только своим содержанием, но структурно вполне ей соответствовала. А структура эта заключалась в стихийно-индивидуалистической ориентации человека, мечтавшего быть решительно освобожденным от всего объективно значащего и признававшего только свои внутренние нужды и потребности». Таким образом, богоотступничество, исходной точкой которого и стала столь прославляемая эпоха Возрож-

дения, в итоге обусловило изначальную порочность цивилизации буржуазно-либерального Запада.

Такие суждения, по сути, — православный взгляд на европейскую цивилизацию Нового времени, разумеется, были непереносимы для прозападнически настроенных коллег Лосева. Многие из них, еще недавно почтительно-любезные с Алексеем Федоровичем, теперь вдруг резко переменили тон. В Москве и Ленинграде под видом научных конференций, посвященных эпохе Возрождения, начались проработки Лосева с грубыми выпадами в адрес философа. Как всегда поддержка пришла неожиданно. Лосева поддержал сам главный редактор журнала «Коммунист» Р.И. Косолапов, опубликовав в главном теоретическом органе ЦК КПСС его статью «История философии как школа мысли» (1981, №11). Недоброжелатели после этого тут же замолчали, а книга «Эстетика Возрождения» в следующем году вышла вторым изданием. Благоволение к полуопальному философу-идеалисту со стороны некоторых ортодоксов официального марксизма-ленинизма — весьма парадоксальный, но достоверный факт. Так, весьма уважительно относился к Лосеву академик М.Б. Митин, по протекции которого философ в 1943 году получил докторскую степень. По ряду свидетельств Митин имел у себя все старые издания работ философа и некоторые его новые рукописи. Возможно, здесь сыграла роль старая вражда Митина к гонителю Лосева А.М. Деборину. Всей правды мы теперь уже не знаем — участников событий давно нет в живых. Однако можно предположить, что для ряда официальных теоретиков марксистско-ленинской идеологии позднесоветского времени философское творчество Лосева в известной мере выполняло донорские функции: все более осознавая бесплодность марксистских доктрин, они в неявном виде пытались заимствовать и в преобразованном виде использовать некоторые лосевские идеи. Попутно можно отметить блестящее знание Лосевым всего корпуса классических марксистских текстов, которыми он виртуозно оперировал в дискуссиях с оппонентами, значительно их в этом превосходя. «Марксистский канон Лосев знал хорошо и с врагами боролся их же оружием... Что делать, война есть война, а Лосев по натуре воин» (А. Тахо-Годи). Имеются свидетельства, как Лосев в 1948 году уличил одного из своих наиболее злобных оппонентов И. Астахова, давшего уничижительный отзыв на рукопись об античной эстетике, в незнании Краткого курса истории ВКП(б)!

Глубоко изучив и высоко оценивая наследие европейской философской мысли (от Платона и Аристотеля до Гуссерля и Хайдеггера), Лосев тем не менее в отличие от либерально-западнической позднесоветской «образованщины» никогда не считал ее конечной вершиной человеческого духа. Многие воспринимались и оценивались им весьма критически. Так, уже ранняя работа Лосева «Очерки античного символизма и мифологии» содержит философско-богословскую критику католицизма и немало страниц вдохновенной апологии Православия. В конце жизни в записке по поводу переиздания книги «Музыка как предмет логики» Лосев прямо отмечал чуждость ему безличного идеализма Платона и Аристотеля, дуализма Канта, абсолютного солипсизма Фихте, панлогизма Гегеля, антиобщественных форм новоевропейского рационализма и эмпиризма. В связи с этим закономерным было обращение Лосева к наследию русской философской мысли, в значительной мере вытекавшей из святоотеческой православной традиции и через восточную патристику, связанную с неоплатонизмом. Так, Лосева всегда привлекала фигура русского философа Владимира Соловьева, с православной точки зрения спорная, весьма противоречивая, но, безусловно, величественная и оригинальная. Еще будучи гимназистом, Алексей Лосев при переходе в 8-й класс гимназии получил в подарок от ее директора Ф.К. Фролова 8-томное собрание сочинений Владимира Соловьева, работы которого «Критика западной философии (против позитивистов)», «Философские начала цельного знания», «Критика отвлеченных начал» стали для будущего философа первыми учебниками диалектики. Теперь на склоне лет философу довелось вернуться к философским увлечениям юности в связи с подготовкой выпуска трехтомника Вл. Соловьева в составе академической серии «Философское наследие». Издание готовил ученик Лосева А.В. Гулыга, который и попросил учителя о вступительной статье. Издание это тогда в свет так и не вышло — хранители «идеологической чистоты» (еще находился на своем посту М.А. Суслов) в очередной раз проявили бдительность. Но Лосев к тому времени уже далеко вышел за пределы вступительной статьи, подготовив большой том исследования о Вл. Соловьеве. Его краткий вариант вышел в 1983 году в издательстве «Мысль» в популярной серии «Мыслители прошлого» (малоформатные книжечки этой серии, добротно сделанные профессионалами, высоко ценились читателями). Книга сразу

после выхода попала под запрет, было решено изъять тираж и пустить его под нож. Примечательно, что инициатором такого решения, наиболее рьяно его отстаивавшим, был Б. Пастухов — в прошлом первый секретарь ЦК ВЛКСМ, в то время — председатель Госкомиздата СССР, а в будущем — первый зам. министра иностранных дел Российской Федерации при печально известном А.В. Козыреве (примечательная политическая биография очередного лосевского гонителя!). По некоторым сведениям, дело о книге Лосева разбирал сам Ю.В. Андропов — тогда уже Генеральный секретарь ЦК КПСС. В итоге было дано указание пустить книгу в продажу лишь в глухой провинции и на селе (примечательно, однако, что и там у Лосева нашлось немало благодарных читателей — все-таки грамотным был у нас народ в последние советские годы, не то что ныне).

В своем полном виде труд А.Ф. Лосева под названием «Вл. Соловьев и его время» выйдет уже посмертно, в 1990 году. При всем глубоком уважении к философскому творчеству Вл. Соловьева, его идеям, связанным с понятием «всеединства» — восприятия мира как единого нераздельного целостного универсума, все части которого несут на себе печать этой целостности, Лосев, оставаясь догматически строго на православных позициях, многое в воззрениях философа не принимал. В частности, были чужды Лосеву соловьевские симпатии к римскому католицизму, известно его неприятие «византийского православия», как и соловьевских теократических утопий — мечту о вселенской теократии с римским папой и русским Царем во главе, при которой будет достигнуто чаемое соединение Церквей, т.е. социальное триединство Царя, Священника и Пророка, противостоящее наступлению царства антихриста. «Теократия превращалась у него в какую-то мечту о вселенской Церкви при полной неизвестности и непонятности тех путей, на которых исчезали все конфессиональные и национальные противоречия. Теократия волей-неволей превращалась в романтическую утопию, которая, в конце концов, доставляла ему не искомую блаженную радость в связи с человеческим всеединством, а, скорее, невыносимое страдание вследствие неосуществимости всякого подобного утопизма», — писал Лосев. Отсюда — глубокие религиозно-философские противоречия и культурно-историческая путаница. «Либо он настолько глубоко верил в будущность вселенской Церкви, что все догматические различия православия и католицизма уже

теряли для него всякий значимый смысл и оба вероисповедания были тогда для него простыми синонимами. Либо он понимал всю догматическую несовместимость православия и католицизма, но не придавал значения догматам. И то и другое представить себе просто невозможно. Сами прокатолические симпатии Соловьева носят в связи с этим двойственный характер. «Дух противоречия, на наш взгляд, пронизывает собою вообще все римско-католические восторги Соловьева. Он никак не может простить римскому католицизму его организационно-юридической и общественно-политической направленности. И поэтому в самых существенных и ответственных местах своей римско-католической аргументации он об очень многом, а иной раз о весьма существенном помалкивает, то есть несомненными являются у него всегда только восторги перед несуществующей универсальной церковью, ради которой он готов забывать и вообще все конфессиональные односторонности и недуги». Не случайно в конце жизни Соловьев уже в значительной мере отошел от своих теократических утопий. Как отмечает Лосев, в итоговом его произведении — философском диалоге «Три разговора» со вставной «Повестью об Антихристе» — ничего не говорится ни о победе теократии, ни о соединении Церквей. Таким образом, последняя крупная работа А.Ф. Лосева, посвященная философско-богословскому наследию Вл. Соловьева — хорошее назидание приверженцам модного экуменизма и розового «христианства вообще», не признающего конфессиональных различий и догматической несовместимости разных вероисповеданий.

К своему 95-летию Алексей Федорович Лосев был полон творческих планов. Еще с 20-х годов философ вынашивал идею разработать единую концепцию культурных типов и дать их сущностный анализ, начиная с античного. «Античность как тип культуры» — таково название последнего прижизненного издания культурологических работ Лосева, вышедшего в 1988 году. По сути, речь идет об особой глубокой интерпретации цивилизованного подхода. Далее предполагался анализ других культурных типов, в том числе — славянско-православного. Но почти вековой жизненный путь философа близился к концу. Последней работой Лосева стало его размышление о духовном подвиге Свв. Равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей славянских, озаглавленное «Реальность общего», написанное ко дню их памяти 24 мая (11 мая по старому стилю), который в 1988 году — году празднова-

ния 1000-летия Крещения Руси — впервые отмечался в России как День славянской письменности и культуры. Именно в этот день великий русский философ, донской казак Алексей Федорович Лосев, в тайном постриге — инок Андроник мирно отошел ко Господу. По завещанию покойного официальных траурных церемоний не проводилось. Даже отпевание совершалось дома. Похоронен философ на Ваганьковском кладбище рядом с могилой его жены В.М. Лосевой.

По истечении 9-го дня кончины на международной конференции к 1000-летию Крещения Руси в Институте мировой литературы со своим вдохновенным «Словом о Лосеве» выступала его верная соратница, спутница и ученица Аза Алибековна Тахо-Годи (в крещении — Наталия). (Ее уникальная судьба может стать темой самостоятельного исследования. Дочь репрессированного в 30-е годы советского руководителя Дагестана, она в лице супругов Лосевых обрела свою вторую семью, став фактически приемной дочерью философа. После смерти В.М. Лосевой для того, чтобы иметь право жить в лосевском доме на Арбате и ухаживать за Алексеем Федоровичем, ей пришлось официально заключить с ним брак. Ее обширные и богатые воспоминания использованы при подготовке данного материала.)

Она говорила о том, что Лосев завершил свои земные дела, и ничто более не удерживало его в земном мире, что почил он провиденциально в год 1000-летия Крещения Руси и в день Свв. Мефодия и Кирилла, почитаемых всеми православными народами, причем умер он вовремя, в самом конце XX века, не дожив до тех испытаний и бедствий, которые несет следующий век России, грозя превзойти все, что было до него. Для Лосева же самым дорогим была реальность идеи родины — не только большой, но и малой — с родной Платовской гимназией и гимназической домово́й церковью Свв. Солунских братьев. Наступивший XXI век уже во многом подтвердил правоту этих слов.

Труды Лосева сейчас охотно издаются и переиздаются, еще чаще цитируются в самых разных аспектах (это даже вошло в моду). Регулярными стали разнообразные научные конференции, в том числе — «Лосевские Донские чтения» в Ростове-на-Дону. В 1993 году под эгидой ЮНЕСКО прошли многочисленные праздничные мероприятия, посвященные 100-летию А.Ф. Лосева. Событием первостепенной значимости стало открытие в 1996 году по решению московского правительства в реконструи-

рованном лосевском доме на Арбате уникального центра философской мысли — Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Но на деле в полном объеме наследие Лосева как следует не изучено и даже не прочитано в полном объеме. Показательна в этом отношении ситуация, возникшая в связи с публикацией ранее неизвестных работ Лосева. Западнически ориентированная диссидентствующая публика привыкла считать Лосева своим, воспринимая его не столько как философа, сколько как автора запрещенных коммунистическим режимом книг и узника сталинского ГУЛАГа. Неудивительно, что выпущенное в 2001 году издательством «Мысль» полное издание «Диалектики мифа», содержащее не публиковавшиеся ранее тексты, в том числе — «Дополнение», послужившее основным материалом обвинительного заключения следствия в 1930 году, вызвало в соответствующих кругах настоящий шок. Достаточно привести слова философа, вскрывающие антихристианскую сущность западного либерализма Нового времени, начало которому положил апостасийный Ренессанс. «Для вас средневековье — тьма, а для средневековья вы все находитесь во тьме и не знаете Света истинного, который просвещает всякого человека, грядущего в мир... Новое время есть борьба не против тьмы и невежества, но против Бога... и если сущность средневековья есть христианство, то сущность Нового времени есть сатанизм». Как видим, суждения Лосева о новоевропейской цивилизации здесь еще более резки и отчетливы, чем в подцензурной «Эстетике Возрождения». Особенно достается от Лосева либерализму, который «вообще не в силах создать чего-нибудь абсолютно нового. Он всецело живет за счет режима, который он не создавал и не создает, а только разрушает». А вслед за этим идут совсем уже страшные для либерального слуха суждения о еврействе как историческом носителе духа сатаны. «Еврейство со всеми своими диалектико-историческими последствиями есть сатанизм, оплот мирового сатанизма... Израиль — принцип отпадения от христианства и оплот всей мировой злобы против Христа». При этом каббалистический оккультизм характеризуется Лосевым как прообраз либерализма, коммунизма и анархизма, в равной мере подготавливающих грядущее торжество антихриста. Неудивительно, что многие «либеральные интеллектуалы» тут же выступили с разоблачительными статьями, не преминув назвать покойного философа мракобесом, фашистом и ан-

тисемитом. (Особенно усердствовала газета «Сегодня», издававшаяся на деньги тогдашнего еврейского олигарха В. Гусинского.) Между тем любому непредвзятому читателю ясно, что никаким фашистом и антисемитом Алексей Федорович Лосев не был. Среди многочисленных учеников философа всегда были люди разных национальностей, в том числе и евреи. Для Лосева — подлинного русского православного патриота — пресловутый «еврейский вопрос» — не расовый и не национальный, а в первую очередь нравственный и духовно-религиозный.

Еще раньше в 1993 году была опубликована философская повесть «Жизнь» (философская беллетристика — еще одна грань лосевского творчества), содержащая рассуждения философа о родине и жертве — образец вдохновенной патриотической проповеди.

«Жизнь индивидуума есть жертва. Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины — это и есть вечная жертва. От самого понятия жертвы философы так же далеки, как от понятия Родины. Говорят о поведении, о действии, о моральных и неморальных поступках, наконец, даже о «любви к ближнему», но в философии не принято говорить о жертве... несмотря на то, что единственный способ осмыслить человеческие страдания — это понять их жертвенный смысл. Жертва везде там, где смысл перестает быть отвлеченностью и где идея хочет, наконец, перейти в действительность... Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с ее радостями и горем, с ее счастьем и ее катастрофами есть жертва, жертва и жертва. Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то там отвлеченной головной и никому не нужной «теорией познания» или «учением о бытии и материи». В самом понятии и названии «жертва» слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое. Это потому, что рождает нас не просто «бытие», не просто «материя», не просто «действительность» и «жизнь»... а рождает нас Родина... Веления этой Матери Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери Родины неотвратимы. Бессмысленна жертва какой-то безличной и слепой стихии рода... Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только осмысливает жизнь... То, что рождает человека, и то, что поглощает его после смерти, есть единственная опора и смысл его существования... Гибнет моя жизнь,

но растет и крепнет общая жизнь, поднимается и утверждается человеческое спасение; и страдания, и слезы, и отчаяние в прошлом залегают как нерушимый фундамент для будущей радости, а бессмыслица и тьма прожитой жизни отмирают и забываются как тяжелый и уже миновавший сон... Я вообще не хочу определять понятие Родины; и поэтому не даю ни слишком широкого, ни слишком узкого определения. Родина есть Родина... В одном этом слове уже даны все возможные и бесчисленные определения, все неисчерпаемое богатство возможных точек зрения и оттенков мысли. Если для вас это слово что-нибудь говорит — тогда об этом можно говорить бесконечно; если для вас одно это слово само по себе, без всяких разъяснений, еще ровно ничего не говорит — тогда поможешь ли делу логически, точными определениями? Тут не логика. Тут человеческая жизнь. Тут кровь человеческая. Разного рода писаки, испорченные дурными книгами, неизученной наукой и обнаглевшей жизнью, учили нас о любви в бранных выражениях. Бескорыстная любовь всегда находила для себя осмеяние, презрение, издевательство у людей «науки», «культуры», «цивилизации». Какое это подлое вырожденство, какой духовный и социальный развал, какое ничтожество и слабоумие! Да! Я буду говорить о любви бескорыстной и, прежде всего, о любви к своему родному, к тому, что создало меня и других, что примет меня после смерти, о любви к Родине... Любовь к Родине открывает глаза человеку на то, что не видно ему обычно, что не видно никому чужому и что вызывает насмешку у равнодушных и сытых. Но такова любовь вообще. Любящий всегда видит в любимом больше, чем нелюбящий; но прав он — любящий, а не тот, равнодушный, ибо любовь есть познание... Любят люди не за что-нибудь. Любовь не сделка, не договор, не корыстный обмен вещами, не юриспруденция. Любящий любит не потому, что любимое — высоко, велико, огромно... Пусть в тебе, Родина-Мать, много и слабого, больного, много немощного, неустроенного, безотрадного. Но и рубища твои созерцаем как родные себе. И миллионы жизней готовы отдать за тебя, хотя бы ты и была в рубищах. Кто любит свое родное, тот не умрет, тот будет вечно в нем жить и вместе с ним жить. И этой радости, этой великой радости достаточно для того, чтобы быть спокойным перед смертью и не убиваться над потерями в жизни. Необязательно, чтобы человек во что бы то ни стало жертвовал своей жизнью. Для этого должно быть особое веление Родины. Но и всякое страдание и труд на пользу Родины, и

всякое лишение и тягость, переносимые во славу Родины, уже есть так или иначе жертва, то или иное самоотречение, и осмысливается все это только в меру жертвенности».

Примечательно, что время написания этого текста — август 1941 года, когда немецкая бомба уничтожила дом Лосевых на Воздвиженке вместе с библиотекой и архивом. И именно столь остро переживаемое философом вместе с другими русскими людьми с началом войны ощущение Родины как святыни, требующей жертвенного служения, дало Алексею Федоровичу Лосеву силы дальше трудиться над своими книгами, полностью восстановив утраченное. Но вот только появление такого текста далеко не всем пришлось по нраву в мутной духовной атмосфере 90-х годов, когда хулить и уничижать свою Родину в угоду заокеанским хозяевам жизни стало правилом хорошего тона, когда государственный чиновник высокого ранга с внешностью личинки колорадского жука, возглавлявший культурное ведомство, с телеэкрана разглагольствовал о патриотизме как последнем прибежище негодяев (передергивая слова Льва Толстого, у которого речь шла совсем о другом). Духовные наследники Деборина, Ягоды и следователя Герасимовой вновь были у государственного руля. Отсюда — регулярные наезды со стороны руководства Министерства культуры на «Дом А.Ф. Лосева» на Арбате, попытки лишить его статуса государственного учреждения культуры, расчленив и фактически уничтожить уникальную философскую библиотеку, в основе которой — личное книжное собрание самого А.Ф. Лосева. Времена были уже другие, и «Дом А.Ф. Лосева» удалось отстоять (вопрос — надолго ли, учитывая баснословные цены на недвижимость и земельные участки в центре Москвы). Большинство учеников и соратников Лосева уже сами в преклонном возрасте, а иных уже и нет среди живых. Найдутся ли в наше гнилое и мутное время такие, кто будет способен с чистыми помыслами и чистыми руками принять наследие Лосева. Хочется надеяться, что таковые найдутся среди казачества. Ведь Алексей Федорович Лосев — «православный философ эпохи марксизма-ленинизма», великий любомудр и воитель духа, был славным сыном Дона и никогда об этом не забывал.

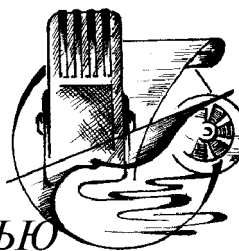
Валерий ХАТЮШИН

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ИНТЕРВЬЮ С В.А. КРЮЧКОВЫМ

В 1994 году я заведовал в «Молодой гвардии» отделом публицистики. Как-то меня позвал к себе в кабинет заместитель главного редактора А.Кротов и сообщил, что он через надежных людей договорился об интервью с бывшим председателем КГБ СССР В.А. Крючковым. К тому времени все члены ГКЧП уже были освобождены из заключения в «Матросской тишине» по амнистии. Кротов попросил меня подготовить вопросы для этой беседы, причем вопросы, по его словам, должны быть острыми и актуальными для читателей нашего журнала. Я выполнил эту просьбу, хотя сразу сказал Кротову о своих сомнениях в том, что В.А. Крючков сможет прямо и честно ответить на поставленные вопросы. Но А.Кротов, ознакомившись с ними и одобрив их, был полон уверенности в интересной беседе, так как уже имелась договоренность о конкретном дне их встречи. Вопросы эти были переданы Крючкову, чтобы он мог заранее к ним подготовиться. А были они таковы:

Владимир Александрович, Вы многие годы своей жизни отдали работе в Комитете государственной безопасно-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

сти СССР. 15 лет Вы возглавляли советскую разведку. И вот теперь КГБ и Министерство безопасности России — расформированы. Нам понятно, какие чувства Вы испытываете, глядя на весь этот идиотизм нынешней власти. Но скажите как разведчик: кто и что за всем этим стоит?

Скажите, пожалуйста, как теперь Вы смотрите на М.Горбачева: как на примитивного политика? как на продувшегося в прах игрока? как на сознательного предателя Родины? или как на завербованного агента западных спецслужб?

Знал ли М.Горбачев заранее — перед 19—21 августа 1991 года о планах создания ГКЧП и введения в стране чрезвычайного положения?

Было ли об этом известно американской разведке и имел ли с ней связь Горбачев, находясь в Форосе?

Как Вы считаете, почему Горбачев отказался вернуться в Москву, когда Вы прилетели к нему в Форос после 19 августа 1991 года?

Владимир Александрович, Вы имели представление перед августом 1991 года о том, кто такой Ельцин и куда он толкает страну?

Во всех интервью, которые Вы до сих пор давали патристической прессе, Вы везде говорили о том, что с нашей страной случилась великая беда. Но скажите откровенно, почему же ГКЧП, имея всю полноту власти в стране, так легко, без сопротивления отдал Россию во власть ее разрушителям и преступникам?

Как Вы думаете, почему российская армия и бывшее Министерство безопасности РФ не встали на сторону Закона и Верховного Совета России после 21 сентября 1993 года?

В газетах «Советская Россия» и «Алькодс» была опубликована информация о том, что в расстреле русских патриотов 3—4 октября прошлого года участвовали 6-я бригада спецназа НАТО и 4-я бригада армии Израиля «Иерихон», а также еврейская военизированная организация «Бейтар». Известно ли Вам что-нибудь об этом?

Владимир Александрович, Ваш прогноз: сколько еще продержится диктаторский ельцинский режим?

Сейчас, когда исследователям стали доступны архивы КГБ, становится известно, что репрессии 30-х годов на самом деле означали борьбу с масонством в СССР. Что Вы могли бы сказать по этому поводу?

В настоящее время много пишут и говорят о масонстве, о принадлежности к масонским кругам М.Горбачева, А.Яковлева, Ельцина, о подчинении их некоему тайному мировому правительству. Как Вы считаете, насколько достоверны подобные сведения?

Понятно, что власть, не остановившаяся перед расстрелом Парламента и безоружных людей, мирно не уйдет. К чему, по Вашему мнению, нужно готовиться в ближайшее время русским государственнымникам, патриотам, честным людям труда?

Журнал «Молодая гвардия» с первых дней августовских событий 1991 года и всё последующее время был на стороне всех тех, кто пытался спасти великое государство. Нас даже в печати и по телевидению обвинили в «идеологической подкормке» того «путча». Владимир Александрович, как человек, умеющий предвидеть будущее, если это возможно, оставьте нашим читателям надежду на лучшее. Нам так не хватает сейчас оптимизма!

Когда истек обговоренный день встречи с Крючковым, я спросил у Кротова: «Ну как, беседа состоялась?» Кротов угрюмо взглянул на меня и сказал, не выразив никаких эмоций: «Он отказался от интервью нашему журналу». Хотел я напомнить Кротову: я же вас предупреждал. Но не стал ничего говорить, а только усмехнулся и молча ушел в свой кабинет.

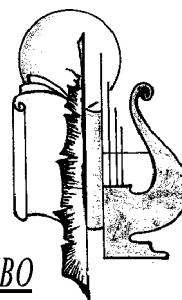
Но теперь я вижу, что те вопросы были мной подготовлены не напрасно: нежелание Крюčkова отвечать на них лишний раз подтвердило ничтожество, ублюдочность и предательство верхушки КГБ и КПСС, угробившей великую державу. А ответы на те вопросы нам теперь ясны и без Крюčkова. Их дала сама российская действительность.

Марк ЛЮБОМУДРОВ

РУССКОЕ КИНО

Документальный фильм кинорежиссера Сергея Зайцева «Погибли за Францию» — талантливое воспоминание о русских воинских бригадах, сражавшихся во Франции против немцев в Первую мировую войну. При скудости киноархивного материала создано динамичное, удачное по композиции и монтажу — из кинохроники, фотографий, монологов потомков фронтовиков и пр. — документально-художественное произведение с глубоким идейным подтекстом. Через всю ленту проведен мотив ностальгии русских, оказавшихся на чужбине, мотив «другой России», которой нет и которая ушла навсегда... Это видно по лицам тех, столетней уже давности героев, которые вошли в историю как «корпус чести». Судьба русских бригад — многотысячных, понесших огромные потери — еще одна русская трагедия. Трагедия еще и потому, что она забыта и похоронена под пеплом истории, а также потому, что, как и всегда, жертвы русских во имя спасения Европы — были **напрасны**. Ответом была черная неблагодарность «союзников», которые с легкостью предавали своих вчерашних спасителей. После Компьенского соглашения

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

(1918) тысячи русских воинов оказались в совершенно бесприютном и беспомощном состоянии — европейский гнусный эгоизм сполна проявился в равнодушии и даже преследованиях русских солдат. Теперь они были не нужны. В фильме — беспристрастная правда истории, нам напоминают о событиях, в которых российское воинство проявило высшую жертвенность и героизм, нередко спасая французскую армию от разгрома и провалов. И тем острее рожденная фильмом горечь поздних прозрений и истинное русское — без ненависти — сокрушение об измене.

В исторической перспективе отчетливо видно, что выбор Александра III в союзники Франции был недалек от очевидного. Ошибкой явилась и жертва многотысячными русскими армиями, брошенными (без подготовки) на прорыв в сентябре 1914 года и погибшими — ради спасения Парижа. У русского Медведя и галльского Петуха нет ничего общего, как нет общего между русским борщом и французской маринованной лягушкой.

Фильм будит легко засыпающую нашу память. Рождает гордость за доблестных предков. Заставляет осмыслить и отчасти переоценить некоторые полузабытые страницы нашей военной и политической истории.

Другой — недавно заверченный — фильм Сергея Зайцева «Порог сердца» — об артисте, которого нынче вспоминают все реже, об исполнителе романсов и песен Валерии Агафонове.

Зайцев — одаренный и находчивый режиссер-«археолог». Он раскапывает забытое, обнажая россыпи драгоценной русской талантливости в разных сферах национального духа и жизнедеятельности. Это героика, воинская доблесть, мужество и благородство («Погибли за Францию»). Это и взлеты художественного творчества, пронзительная сердечность, боль, восторг, страдания и счастье русской души, запечатленные в вокальном искусстве Валерия Агафонова.

Этот фильм появился очень вовремя. Он напомнил об истинно высоком искусстве, в котором главное — жизнь человеческого духа и переживания сердца. Сегодня нас стремятся погрузить в разлитое море пошлейшей киркоровщины, пугачевщины, низвергнуть в помойку, заваленную скрежещущим, визгливым и оглушительно-барабанным мусором, который и музыкой-то назвать нельзя. Этот мусор рвет в клочья наши барабанные перепонки,

проникает в мозг, отравляя его и калеча своим вызывающим антиэстетизмом, грубой физиологичностью и законченной дебильностью содержания.

И сколько же благородства, эмоционального богатства, душевной тонкости, глубочайшего лиризма и взыскующей любви в искусстве В. Агафонова. Во всем XX веке я не знаю лучшего исполнителя русских романсов и цыганских песен. А сколько боли, стона сердечного и скорби в его «белогвардейском» цикле! В этом репертуаре, ставшем классикой жанра, ему нет равных, и будут ли в будущем?..

Фильм напоминает нам о русской романсовой традиции, идущей еще с пушкинских времен. На экране возникают портреты знаменитых исполнителей начала XX века — Вяльцевой, Давыдова, Северского, Собинова и других. В советские времена этот жанр третировался и был почти изгнан со сцены. Разрешали петь Т. Церетели, И. Юрьевой, весьма скромным по своим творческим возможностям. Подчеркнутая «эстрадность», т.е. некая эстетическая усредненность, качество, ныне называемое «масскультурой», пошловатая манерность, бесстыдная агрессия шлягерной дешевки определяли стиль и содержание большинства эстрадных фигурантов 30–60-х годов прошлого века. У них отсутствовала русская национальная певческая культура. Ее подменила кабацкая бравурность, в которой отчетливо слышался приплясывающий, подвывающий и присюсюкивающий бердический акцент. Не было души и сердца. Исключением, пожалуй, являлось искусство К. Шульженко (ныне «забытой», как и творчество Агафонова).

Когда в середине 1960-х (замечу: это годы начала русского национального подъема) сквозь штемпелеванную эстрадную пошлятину вдруг прорезался голос В. Агафонова, он оказался чужим и даже крамольным для тогдашней эстрадно-песенной монополии, которую усердно крышевали принадлежавшие одесской школе гешефтмахеры из Лен. и Мос. концерта (так назывались административные органы, от которых зависела тогда судьба артистов). Надо ли удивляться тому, что пришедшему на прослушивание в Ленконцерт В. Агафонову сразу показали от ворот поворот. Возглавлявший приемную комиссию режиссер-цензор г-н Гефт сразил робкого новичка провокационным чиновным вопросом: «Почему не поете советские песни?» В самом деле, артист не пел их ни до, ни после

этого визита. У В. Агафонова иная индивидуальность, иной репертуар, соприродный его таланту.

По мнению многих, кто знал артиста, он был «очень свободный человек», никогда не шел на компромиссы. Тогдашняя власть таких не любила и отторгала, а если и пользовалась услугами, то по-барски, унижая и низводя до лакейского уровня. Подобные случаи тяжко ранили Валерия — немало горьких переживаний выпало на его долю. Он не вмещался в художественное пространство тогдашней казенной эстрады, оставаясь для нее изгоем — со всеми вытекающими последствиями. Среди эпизодов жизни Агафонова, о них напоминает фильм, некоторые убийственно разоблачительны. Однажды певца пригласили выступить в ресторане гостиницы «Астория» — в тот вечер там ужинал президент Франции Шарль де Голль. Его решили угостить своеобразным художественным «десертом». Потом на глаза исполнителя попался ресторанный счет, где последней строкой после изысканных блюд (и дешевле всего остального!) стояло: «Вокалист: 6.50»...

Как и многие иные независимые русские артисты, Агафонов оказался бессилён перед железобетоном нормативной «марксистской» эстетики, перед демагогией на тему «советский — не советский» русофобствующих чиновников. Используя идеологические клише как дымовую завесу, тогдашний режим преследовал и стремился парализовать не только открытые проявления русского национального самосознания, но и любые самобытные ростки национальной культуры и, разумеется, русской эстетики. Фильм С. Зайцева дает возможность ненавязчиво вскрыть борьбу и противоречия, которые находились за фасадом советской империи.

«Порог сердца» воспринимается как драматическая сага о судьбе неприкаянной, мятущейся души большого артиста, о невостребованности его таланта, о его злоключениях на подмостках театров, в киностудиях, где он пытался пробовать себя в качестве артиста кино и даже сыграл несколько — правда, второстепенных — ролей. Фильмы не имели успеха и канули в Лету. Извлеченные из забвения Зайцевым фрагменты давних кинокартин обнаруживают, что, может быть, единственным их украшением и были звучавшие с экрана романсы Агафонова.

Судьба В. Агафонова напомнила мне похожую судьбу его собрата по искусству — знаменитого в XIX веке поэта и исполнителя Аполлона Григорьева. Два истинно рус-

ских художника с истинно русской участью: они пели сердцем, жили и творили душой, а не разумом. Рациональные начала затмевались миром чувств, эмоциональным порывом, неудержимым стремлением в романтические выси. И у Григорьева, и у Агафонова были свои (похожие!) падения, возникали опасные соблазны и тупики. Сценарист и режиссер Сергей Зайцев, разумеется, прав, что этих драматических и очень личных сторон жизни артиста касается лишь намеком. Драматизм киноповествования от такой деликатности не страдает. Наоборот, еще более выпуклой и отчетливой становится **главное** в судьбе выдающегося художника: многолетняя, мучительная и унижительная борьба ярко-самобытного таланта за возвращение людям, своему народу того огромного дара, который был дан ему Богом.

По происхождению Валерий Агафонов — из народных «низов». Родился в рабочей питерской семье накануне Великой Отечественной. Отец сразу ушел в ополчение и вскоре погиб (как и большинство тогдашних ополченцев). Остался с матерью в блокадном городе, чудом выжил. Блокадные лишения позднее породили болезнь сердца — диагностировали порок. Потом было ремесленное училище, аттестата о среднем образовании так никогда и не появилось. А любовь к гитаре и пению пробудили аргентинские фильмы со знаменитой исполнительницей Лолитой Торес. Некоторое время Агафонов работал осветителем в учебном театре Театрального института на Моховой, благо дом, где он жил, находился рядом. Там же, в Театральном состоялись и первые его вокальные пробы — и первый творческий успех. Пел в перерывы, свободные от прямых его обязанностей — ставить свет на спектаклях.

Возможно, что судьба Агафонова так бы и затерялась в житейском море, в скитаниях по разным пристаням. Поддержка пришла неожиданно. Провидение сулило ему иное. На Валерия обратила внимание замечательная женщина — филолог Елена Бахметьева. Человек образованный, умный, проницательный и нравственно бескомпромиссный.

Почувствовав в певце крупный талант, проникшись сочувствием к его неустроенной жизни, Бахметьева стала помогать ему. Началась совместная работа над репертуаром. Рядом с певцом возник взыскательный судья, обладавший художественным чутьем и вкусом. Вскоре они поженились, и Валерий обрел в жене и верного друга, и

своеобразную путеводительницу, которая помогала преодолевать житейскую неприспособленность артиста, вытаскивать его из омута бесприютности, разбросанности, постоянной бытовой взлохмаченности. Не сомневаюсь в том, что именно Е. Бахметьева сыграла решающую роль в художественном становлении Агафонова, в превращении дилетанта в того великого артиста, которого мы теперь знаем. Понимал ли это сам Валерий? Есть основания усомниться в этом — иначе он вряд ли бы расстался с Бахметьевой. Здесь вторглась и вереница случайностей: отъезд из Вильнюса, где супруги прожили несколько лет, съемки фильма, возвращение в Ленинград. Снова скитальчество, потом встреча с девушкой, которая стала его второй женой. Но было ли у нее что-либо общее с Бахметьевой?..

В фильме «Порог сердца» (не уверен, что название удачно: созвучие слов «порок» и «порог» не означает близости смысла) представлены фрагменты пятнадцати романсов Агафонова. Всего он знал их более семисот! Сколько их осталось в записях, в фонограммах? Бог весть. Но то, что сохранилось, требует самого бережного отношения. Творчество Агафонова — национальное достояние России, оно принадлежит золотому фонду нашего музыкального наследия.

Премьера фильма С. Зайцева «Порог сердца» состоялась в конце 2006 г. Это был важный прорыв сквозь завесу молчания, созданную вокруг имени артиста. Но его искусство так и не стало доступным широкой массе слушателей, для которых предназначалось. Оно ждет своего часа. Того часа, когда русские, наконец, вернут себе Россию.

Умер Агафонов — как и жил — в пути. В питерском трамвае случился сердечный приступ. «Скорая» не поторопилась, опоздала. Он не прожил и полувека. Похоронен на Северном кладбище под Петербургом, на пятнадцатом «восточном» участке, который принадлежит Союзу театральных деятелей. Посещая могилы своих родителей (они — неподалеку), я обычно с поклоном подхожу и к надгробной гранитной плите Валерия Агафонова — на ней всегда лежат цветы.

Создание документальных фильмов — работа кропотливая и необычайно трудоемкая. Можно предполагать, сколько творческой энергии вложил Сергей Зайцев в свои создания, по крупицам «собирая» биографии героев. В

его лентах архивные материалы удачно сплетены с интервью, беседами, воспоминаниями родных и друзей, потомков, современников. Они органично включены в ткань киноповествования, дополняя их правдой непосредственных очевидцев событий. Наряду с документами участники фильмов помогают воссоздать панораму истории, укрупнить масштаб и «тайну» личности главных героев.

«Погибли за Францию», «Порог сердца» — разные темы, далекие эпохи. Но у них общий пафос, один внутренний нерв — благородный русский патриотизм, выстраданная бескомпромиссность, влюбленность автора в подвиг, доблесть, жертвенность и таланты лучших русских людей. Возрождению памяти о национальных подвижниках России (на поле боя, на трибуне искусства) — служит творчество художника из той же когорты — кинорежиссера Сергея Зайцева.

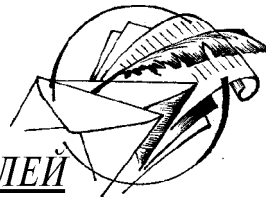
Тамара ГОЛОВКИНА

СПОР С ЧИНОВНИКОМ О ТОЛЕРАНТНОСТИ

Уж понеслись, прокладывая тракт
по всей Руси, времен новейших гунны,
и кое-где им зазвучали в такт
открытых душ доверчивые струны...
Чудна ты, Русь!.. Ты всем родная мать,
лишь для своих особые законы...
Восстань и вижди: хлопотливый тать
уносит вон последние иконы,
и, записав детей твоих в «рабы»,
он покаянья требует упорно
за то, что живы... Нету у судьбы
другой такой — великой и покорной.

Анатолий Бузлаев

«Последние 15 лет российское образование по вине чиновников Министерства образования и науки непрерывно подвергается «реформированию», которое ведет к распаду образовательной системы в стране, утрате лучших традиций русской и советской педагогики, снижению уровня социальной защищенности граждан... Увеличение загрузки детей непрофильными

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

предметами с одновременным сокращением часов по основным; уход от принципа преемственности знаний; вытеснение полноценных учебников массой низкокачественных; деструктивная деятельность на бюджетные деньги центров дополнительного образования, внедряющих программы, ориентированные на разрушение семейных устоев и развращение детей, — все это с учетом разрушающей нравственные устои общества деятельности СМИ направлено на подрыв будущего России.

Насильственное внедрение в школы сексуального «просвещения», антинаркотических программ «снижения вреда», практически вербующих новых наркоманов, грубо нарушает право детей на охрану здоровья, защиту от негативной и вредной информации.

Россия стоит на пороге обязательного государственного сексуального «просвещения» детей, чему способствует ратификация параграфа 2 статьи 11 Европейской социальной Хартии. Под предлогом защиты права граждан на охрану здоровья указанное положение Хартии открывает дорогу насильственному сексуальному «просвещению» детей, чем нарушает конституционные права граждан на защиту семьи, свободу вероисповедания, является грубым вмешательством в дела семьи, лишает родителей преимущественного права на воспитание ребенка. Смысл и существо предлагаемого к ратификации положения Хартии противоречат традициям, менталитету, религиозным устоям народов России, что приведет к конфликту общества и государства».

Я привела здесь начальную часть документа «Открытое обращение родителей и общественных организаций к Президенту и Правительству России», под которым собираются подписи петербуржцев. Дальше в Обращении есть протест родителей и общественности против Единого государственного экзамена (ЕГЭ), который собираются ввести в школах в 2008 году. Это отдельная тема, и я ее здесь не касаюсь. Для обсуждения ее и протеста против нее есть еще время. Часть списков этого Обращения, наверное, уже отправлена по адресу. Но дошли ли они до тех высокостоящих, к кому адресованы? А если дошли, последовала ли адекватная реакция на протестующий глас народа? Я сомневаюсь, поэтому обращаюсь со своими конкретными вопросами в ваш журнал, который неравнодушен к проблеме воспитания детей. Растление детей

продолжается, но на эту беду накладывается еще одна — воспитание в детях абсолютно непонятной ни для кого — «толерантности».

Помимо «Открытого обращения» передо мной еще один документ — официальный ответ на 5 страницах председателя Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга С.Ю. Андреева на мое письмо против преподавания толерантности в школе. Письмо это я направила в июне 2006 г. в разные высокие инстанции. Мне очень жаль, что уважаемый председатель Комиссии совершенно не понял или не захотел понять моей позиции. Я вынуждена снова подробно изложить ее, следуя пунктам его официального ответа.

Уважаемый Сергей Юрьевич! Я благодарна Вам за то, что Вы, деловой и занятой человек, выбрали время на такое обстоятельное письмо, которое я получила от Вас в конце июня 2006 года. Перечитав его теперь еще раз, более внимательно, я нашла в нем много такого, с чем не могу согласиться и что не могу обойти молчанием. Отвечаю по намеченным Вами позициям.

«Разделяю Ваше беспокойство о будущем наших детей и о необходимости обращения пристального внимания на их нравственное, культурное, духовное воспитания» — начало у Вас заздравное и обнадеживающее, но — только начало.

«Цели и задачи современного образования определены в Концепции модернизации российского образования» — с первых строк становится ясным, что эксперименты над бедными российскими детьми продолжают. Они ориентированы на достижение учащимися: **предметной компетентности** — *«предполагающей осознание учащимися роли гуманитарных дисциплин в решении глобальных проблем современного мира, понимание значения и роли отечественной культуры как части общемировой культуры»*. Конечно, непосвященному тут не разобраться, но все же хотелось бы понять, как это совмещается: гуманитарные дисциплины — глобальные мировые проблемы и — дети? Дети-школьники каким-то образом подключаются к решению глобальных мировых проблем?.. Конечно, без ребятишек проблемы эти решиться никак не могут. И что такое — *«понимание значения и роли отечественной культуры как части общемировой культуры»*? Мне хотелось бы думать, что это — серьезное изучение школьниками прежде всего своей, русской культуры, а затем уже того значительного,

что есть в мировой сокровищнице. **Свое** — это самое главное, а потом уже все остальное.

Достижение **компетентности в сфере гражданской общественной деятельности** — «Формирование у учащихся позиции *«Я — гражданин Мира»*, развитие патриотических чувств, воспитание любви к Родине». И опять непонятно и, думаю, не одной мне: кого собираются модернисты воспитывать — «граждан мира» или патриотов? Воспитание патриота, любящего свою Родину и народ, — серьезная работа, модернистам образования абсолютно непосильная. А «граждан мира» и воспитывать не надо, они вырастают сами, как поганки. «Граждане мира» — это антиграждане на своей Родине. Родина им не нужна, им тесно на таком ограниченном пространстве.

Вы даете список высказываний из различных религий, где смысл сводится к одному: *люби ближнего*. И делаете заключение, выделяя любимое Ваше слово: «Такие нормы человеческого сознания и поведения называют **толерантными**». В списке этом **христианство** позвольте мне поставить на первое место, а не на последнее, как у Вас. И *нормы человеческого сознания и поведения* вот уже тысячу лет задает нам, русским, не диверсионная толерантность, а наша православная вера.

И дальше Вы рассуждаете: «Когда и при каких обстоятельствах возник в мировой культуре термин — **толерантность**? Некоторые ученые связывают его появление с подписанием Нантского эдикта, когда протестанты и католики нашли компромисс между своими конфессиями. Этому предшествовала одна из самых кровавых ночей в мировой истории — Варфоломеевская. Для русского языка слово «толерантность» относительно новое...» Вы предлагаете мне «совершить небольшой лингвистический экскурс», чтобы я усвоила Ваше понимание: что же это такое — толерантность, и с чем ее за границей едят. В 1974 году я читала «Бесов» Достоевского и тогда еще встретила Ваше любимое слово. Есть там такой персонаж — немец фон Лембеке. Он говорит своей жене: «Я не могу относиться **толерантно**, когда он при людях и в моем присутствии утверждает...» и т.д., дальше сами дочитайте. (Полн. собр. соч. в 30-ти тт., т. X, с. 245.) Как видите, не такое уж новое это слово в русском языке.

И вот Вы продолжаете: «У толерантности (*терпимости*) есть своя обратная сторона. Вот только некоторые, но особо тяжелые формы ее проявления», и опять идет «экс-

курс», уже политпросветовский, где Вы даете толкование и значение этих «тяжелых форм» — **геноцида, расизма, ксенофобии, экстремизма, этноцентризма**. Я бы убрала последнее, непонятное, и добавила — **русофобия, нацизм, фашизм**. И все это, вместе взятое, — не обратная сторона «терпимости». Все эти позорные качества рода человеческого существуют уже сотни лет, и русский народ больше всех пострадал от них. Теперь вот экспортировали к нам уцененную на Западе, но срочно перекроенную для России **толерантность** — еще одну форму давления на русских.

«Увы, человеку свойственно делить всех на «своих» и «чужих». ...По какому признаку происходит это деление? Чаше всего по национальному. Почему? Этнопсихологи не отвечают на этот вопрос однозначно» — сетуете Вы. Приходится напомнить Вам, Сергей Юрьевич, такому эрудированному человеку, и новорожденным ученым-этнопсихологам, что есть еще деление по семейному признаку. С незапамятных времен установлено деление людей на **семьи и нации**. И это естественное и необходимое для человеческой жизни деление никто и никогда не уничтожит и не отменит. Бог этого не допустит. И Вам, и этнопсихологам, и всей вашей толерантно подкованной армии надо смириться с этим. И посмотреть на все здраво — ничего вы не выиграете от развала главных основ жизни: семьи и нации. Ведь Вам, наверное, тоже ничто человеческое не чуждо, есть, наверное, у Вас семья, где все **свои**, родные люди. И в гости к Вам приходят тоже **свои** — родственники или близкие по духу, по уровню. Вы же не устраиваете из своей квартиры проходной двор, Вы же не пускаете к себе всех подряд, **чужих**, разрешая им хозяйничать и устанавливать свои порядки в Вашем доме? И никакого «увы» здесь нет, все нормально. И этнопсихологи, если они не с Луны свалились, тоже, наверное, живут спокойно своим семейным кланом, среди **своих**.

А нация — это большая семья с общим домом, где одна культура, одна религия, одни обычаи, законы, порядки, где все — свои. Так везде и всюду на Земле. И грех нарушать вековую семейную, национальную жизнь, мешать ей. Но толерантники, глобалисты, модернисты, новаторы просто горят желанием отменить деление на «своих» и «чужих». Так пусть начинают с себя, со своих семей, открывают двери своих квартир для всех званых и незваных. С малого надо начинать, с себя начинать экспери-

менты, если уж никак спокойно и привычно не живется. А мы посмотрим, как у них получится. Пусть сделают для рекламы передачу по телевизору, назовут ее «Мой дом — для всех» или «Открытый дом» или еще как-то и покажут, как это здорово, когда нет **своего** дома, **своей** семьи, когда все — для всех. Когда не жизнь, а веселая такая толерантная мешанина.

Не хотят некоторые господа признать, что русские — особая нация, не хуже, не лучше других, но — особая. Какая еще нация, кроме русской, — всех подряд любит, жалеет, приветчает, помогает всем без разбора? Нерасчетливы и бескорыстны русские. И все эти добрые качества обернулись во вред нам. Русских не уважают, потому что мы не уважаем себя. Нас грабят, потому что мы не ценим Богом данных нам природных богатств. Нас завоевывают, притесняют на своей земле, убивают — потому что мы неразумно, неразборчиво гостеприимны. Вот такие мы, особенные. Но от нас еще чего-то требуют. Хотят вычеркнуть нашу национальность — не только в паспорте, но и в душе; насаждая якобы всемирно-гуманную толерантность, нас хотят поссорить (и уже поссорили) с теми нерусскими, с которыми мы многие годы жили в мире и понимании. Нас срамливают с теми, кто без нашего приглашения, но с разрешения власти, нагрянули к нам сейчас.

Вы, Сергей Юрьевич, с тревогой пишете: *«Увеличиваются серьезные столкновения на политической, социальной, национальной и религиозной почве»*. Значит, надо не предвзято, по приказу чужих хозяев, обвиняя во всем русских, а объективно и честно исследовать — какие причины этому? Кто теперь не дает русским спокойно жить на своей земле? А объяснить все можно просто, как вот этот современный философ: *«Честному человеку выгодно жить с честными людьми, эстонцу выгодно жить с эстонцами; русскому с русскими. Православному с православными. А вот мошеннику жить вместе с мошенниками невыгодно. За чей же счет они будут мошенничать? Гомосексуалисту жить в государстве гомосексуалистов тоже невыгодно: вымрут, сволочи, а вместе с ними исчезнет их государство. Вот потому-то и надо им паразитировать на здоровых людях»*. Вот потому-то и нет у нас закона о депортации, потому что наглых паразитов — целая армия. Попробуй их — тронь. И правильно Вы пишете в конце, что это *«ничем кроме крови и развала не обернется»*. У них, пришельцев с

востока, — сплоченные общины, у них — оружие, врожденная жестокость, отвага. А мы пока — кисель.

Напрасно Вы, Сергей Юрьевич, обвиняете меня в раздражении. Раздражение — пустое чувство, нет у меня его, когда я пишу о таком серьезном. Есть обида, горечь, оттого, что я вижу трусость, равнодушие, предательство, пресмыкание перед силой. Есть жалость ко всем. Ведь каждый человек создан по подобию Божию, у каждого человека, любой национальности — есть свет, огонек в душе, иногда очень глубоко запрятанный. А мировое зло, вышедшее из преисподней, главной задачей поставило — гасить этот свет, не давать ему разгореться.

В финале Вы пишете: *«Я согласен с Вами, что в наш «монастырь» со своим «уставом» пришедших гостей пускать не следует. Но стоит только принять в раздражении, подобно Вашему, тезис «Россия — для русских» или что-то подобное, ничем кроме крови и развала это не обернется. Интеллигентные всхлипы («Мы не то имели в виду...») тогда уже не помогут. Давайте-ка держать единственно верную линию на толерантность, даже если это иногда бывает трудно»*. Держать линию на толерантность — совсем не трудно, Сергей Юрьевич, стоит только забыть, что ты русский, православный, что ты просто честный человек и что ты живешь в России. Стоит только забыть себя, стать «гражданином мира». Это не трудно и многие так делают, не только чиновники.

Вам же, Сергей Юрьевич, пошли Бог прозрения.

Обращаясь в своем письме лично к председателю Постоянной комиссии по образованию, я этими же словами обращаюсь и ко всем остальным работникам сферы школьного образования. Указания по модернизации, сексуальному просвещению, «толерантному» воспитанию работники комитетов и комиссий не сами придумывают, они выполняют спущенные сверху приказы и инструкции. Ослушаться которых они не могут или не хотят. Любой бы из них ответил мне теми же пунктами и в том же духе. Но когда, когда же успел овладеть ими этот чужеродный дух? Их же не экспортировали к нам, они на нашей земле выросли, и как же их «перестройка» перестроила-перекалечила, как же их хозяева заокеанские вымуштровали, ну и ну!

АЛЕКСАНДР II И ЕГО ВРЕМЯ

В ночь на 2 марта 1881 года по всей России циркулярно была распространена телеграмма министра внутренних дел: «Сегодня, 1 марта в 1 ч. 45 м. пополудни, при возвращении Государя Императора с развода, на набережной Екатерининского канала, у сада Михайловского дворца, совершено было покушение на священную жизнь Его Величества посредством брошенных двух разрывных снарядов; первый из них повредил экипаж Его Величества, разрыв второго нанес тяжелые раны Государю. По возвращении в Зимний Дворец Его Величество сподобился приобщиться Святых Тайн и затем почил в Бозе в 3 часа 35 минут пополудни. Один злодей схвачен».

Так великая империя узнала о гибели своего властителя, державшего бразды ее правления в своих руках в течение 26 лет.

Деятельность Александра II и его время, бесспорно, заслуживают серьезного научного исследования. С каждым годом растет число трудов, посвященных различным проблемам царства-

КРУГ ЧТЕНИЯ

ния монарха, ставшего инициатором и творцом Великих реформ 60–70-х годов XIX века.

Долгое время в отечественной историографии и литературе Александр II характеризовался как хитрый и лицемерный монарх, не без успеха разыгрывавший роль либерала. Его представляли также сторонником беспощадных репрессий против революционеров. Такие взгляды противоречат действительности. Известно, что до вступления на престол Александр Николаевич как наследник получил блестящее образование и воспитание, которое заранее готовило его к исключительной деятельности второго после Петра I преобразователя России.

Обозревая жизнь и деятельность Александра II, в первую очередь обращаешь внимание на опыт крупнейших реформ XIX века. Прошло почти полтора столетия. Вглядываясь с этих временных высот в глубь российской истории, приходишь к выводу, совпадающему с мнением многих отечественных исследователей, о том, что все последующее развитие России — экономическое, социальное, политическое и культурное — имело своей отправной точкой те действия и движения, которые возникли в 50–70-х годах XIX века. Поэтому особый интерес представляет сравнение ситуации для реформ тогда и сейчас: причины, характер и последствия изменений всей системы административных институтов, деятельность реформаторов, их побудительные мотивы, просчеты и ошибки, борьба прогрессивных и консервативных сил.

Не менее важное значение имеет дальнейшее освещение присоединения Кавказа и Средней Азии к России — сложного и противоречивого процесса, растянувшегося на многие десятилетия и оказавшего серьезное влияние на исторические судьбы народов, проживающих в этих регионах.

До сих пор спорными являются и другие проблемы внешней политики России, особенно связанные с Ближним и Дальним Востоком.

Одним из острых и злободневных продолжает оставаться вопрос об общественно-политическом движении — революционных демократах, народниках, либералах-оппозиционерах и консерваторах-охранителях. Известно, что в советской историографии на первый план всемерно выд-

вигалось революционно-демократическое (радикальное) направление общественной мысли и освободительного движения. Преувеличивалась степень различий и размежевания отдельных направлений и их внутренних течений.

Е.П. Толмачев, автор книги «Военная политика и реформы Александра II», вышедшей в Воениздате в 2007 году, ставил перед собой задачу взглянуть на эти и другие проблемы непредвзято, без идеологической зашоренности.

Николай КОНЯЕВ

НА СТЫКЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(1997 г)

НУЖДА ЗАМУЧИЛА

Сегодня жена разговаривала по телефону с художником Гошей.

Был праздник, и жена поздравила Гошу с праздником.

Гоша это стерпел...

— Ангела-хранителя тебе... — сказала жена, и тут Гоша не выдержал:

— Чего?! — ерничая, заблажил он. — Еще и ангела кормить?! Не надо! Ребенка не знаю, как прокормить.

Жена, конечно, повесила трубку.

Я попытался объяснить, что это юмор у Гоши такой, что ради красного словца, как говорится, не пожалеешь и отца...

Но тут Гоша сам перезвонил.

— Извини! — сказал. — Не выдержал. Нужда замучила. Извини...

Только передо мной чего извиняться? Действительно, совсем, видно, нужда его замучила, если не сообразит даже, что он не нас, а собственного ангела-хранителя обидел...

6 января

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

НА ВСЕХ НЕ НАВОРУЕШЬ

Встретил сегодня в рюмочной Ивана Сергеевича Р.

В советские времена он работал председателем райсобеса, пост занимал немалый, и в рюмочной не бывал. Ну, а теперь что, теперь Иван Сергеевич уже нигде не работает.

Между прочим, рассказал, что ходил устраиваться на работу к К.

К. этот заработал свой капитал, спекулируя гуманитарной помощью, которая должна была распределяться через райсобес, где он работал.

Его Иван Сергеевич и поймал тогда на спекуляции. С должности К. ушел, но — Иван Сергеевич пожалел его и решил не поднимать шума — суда не было, и приобретенный на «гуманитарке» капитал К. не потерял.

Сейчас у него большой магазин в городе. Дело процветает...

Ну, а у Ивана Сергеевича, как мы и говорили, дела не заладились. Ни должности не стало, ни капитала... Сегодня ходил к К. проситься на работу. К. своего бывшего начальника на работу не взял.

— Нет-нет, Иван Сергеевич... — сказал он. — Зла у меня нет на тебя, но понимаешь, Иван Сергеевич... На всех ведь не наворуешь.

Иван Сергеевич на К. не обиделся.

— Время нынче такое... — сказал он мне. — Все правильно... Самому дурака не надо было валять. Тоже ведь возможности имелись когда-то.

13 января

СВЯТОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сегодня наше Православное общество писателей Санкт-Петербурга устраивало литературный вечер в музее Ф.М. Достоевского. Вечер назывался «Вторые святочные чтения».

И в ходе него читал стихи священник Анатолий Трохин, а священник Геннадий Беловолов рассказывал о своей поездке в Германию.

Я же, когда выступал, вспомнил, как первый раз появился в музее Ф.М. Достоевского. Это было еще в семидесятые годы, и пришли мы сюда с Виктором Кривулиным. Сидели в комнате научных работников и слушали, как знакомая Виктора вполголоса рассказывает о влиянии православия на творчество Федора Михайловича.

Если бы кто-то сказал тогда, что спустя двадцать лет здесь будет проходить вечер святочных чтений, мы бы не поверили.

Впрочем, мы бы не поверили и в то, что проживем эти двадцать лет...

16 января

ПРЕЖНИЙ ЖИВОТ

— Ну, что вы пихаетесь? Что вы пихаетесь? — шумела в автобусе немолодая, нервная женщина.

— Да это не я... — смущенно оправдывался мужчина. — Это живот у меня такой большой...

— А если живот, то нечего в автобусе ездить! Коли сумели живот отрастить в наше время, можете и на «Мерседесе» ездить.

— Так у меня не нынешний живот... — оправдывался мужчина. — Еще с прежних времен!

— Вы все равно не пихайтесь! — сказала женщина. Но уже без раздражения сказала.

20 января

НОВЫЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС

8 января 1997 года был издан Федеральный Закон «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

И ведь ввели-таки...

Уже 29 января Нью-йоркский суд приговаривал Вячеслава Иванькова (Япончика) к 7 годам и 9 месяцам тюремного заключения, а через неделю в пригороде Афин обнаружили тело бежавшего из «Матросской тишины» киллера №1 России Александра Солоника.

Получается, что после введения нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации пока его исполнением занимается только американская юстиция и греческая наркомафия.

Или это так и задумано в новом кодексе?

10 февраля

НЕПОСТИЖИМОЕ ВРЕМЯ

18 февраля в Чечне были освобождены просидевшие в плену ровно месяц журналисты телеканала ОРТ Роман Перевезенцев и Вячеслав Тибелиус, и в этот же день Бо-

рис Ельцин приказал убрать погранзаставы с чеченской границы.

То ли в знак благодарности чеченским бандитам, то ли, чтобы облегчить им работу по захвату следующих заложников.

Постигнуть это можно только ельцинским, плотно окутанным алкоголем умом...

А для трезвого человека это непостижимо.

19 февраля

ЗАВЕРШЕННЫЙ РОМАН

Сегодня, в годовщину отречения императора Николая II от престола, закончил свой исторический роман «И законные, и сожженные» о событиях раскола в семнадцатом веке, которые и привели в итоге к семнадцатому году.

Роман договорный и, хотя и с удовольствием писал его, но очень нервничал, что не успею к сроку...

А сегодня закончил, и как-то жаль стало, что закончил.

Как-то очень уж тоскливо возвращаться из того времени в наше.

15 марта

ГЛУХОТА

Позвонил брату Володе, спросил, придут ли они, как договаривались, в гости?

Володя помолчал, потом неожиданно сказал, что они с Сашей решили поделить наш вознесенский дом.

Вознесенского дома, в котором я родился и вырос, конечно, было жалко, поскольку непонятно было, что получится, когда мы разделим его на три части.

Но еще страшнее было ощущение полной, какой-то абсолютной глухоты.

Большей глухоты, наверное, и не бывает, чем та, когда ты спрашиваешь брата, придет ли он в гости, а он отвечает тебе, что они решили разделить дом.

21 марта

«ПОЛЕ ЧУДЕС»

Столько говорили об этой демонстрации...

И вот, словно бы по заказу, — ужасная, почти блоковская, выюга в Санкт-Петербурге. Сквозь выюгу идут ко-

лонны с распушенными знаменами и транспарантами. Все, как в кино про революцию. Только именно, как в кино...

Мы пристроились к колонне, когда она уже заворачивала под арку Генерального штаба. Промелькнули вверх лица людей, смотревших на нас из окон какого-то банка. На лицах не то чтобы испуг, но какое-то напряжение...

И было, было несколько минут ощущение, действительно, грозной силы. Так волнующе шумели над головами знамена. Такой яростной спрессованной силой дышали лица! Такой грозной массой двигалась навстречу бьющему в лицо снегу демонстранты!..

Мы шли, и я думал, что если нынешние коммунисты сокрушат антирусский, антинародный режим Ельцина, они искупят этим и грехи той компартии, к которой не имеют никакого отношения и в которых обвиняют их бывшие деятели верхушки этой самой компартии...

Но зашли в затишок, стало слышно, как обсуждают шагающие рядом пожилые демонстрантши последнюю передачу «Поля чудес», и исчезло ощущение грозной силы. Станным и нелепым — «Банду Ельцина — вон!» — показался плакат в руках обсуждавших «Поле чудес».

При чем тут банда Ельцина? Этим женщинам зарплаты бы свои получить... Они за ними и шли сюда на Дворцовую площадь...

И какая разница между этими женщинами, что шли в колоннах, и теми, которые смотрели на них сверху из окон учреждений?

Никакой...

Просто одних уже выгнали с работы, а этих пока еще нет... Но ведь тоже когда-нибудь выгонят и они тоже придут в ряды демонстрантов. В это они не верят сегодня, но ведь и женщины, обсуждавшие «Поле чудес», тоже не верили год назад, что останутся без работы.

27 марта

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК

Ездили сегодня в Введено-Оятский монастырь.

Здесь в середине пятнадцатого века вымолили крестьяне Стефан и Васса у Бога отрока, которого они нарекли Аммосом и который вошел в историю Русской православной церкви, в историю нашей страны, в историю всего православия под именем Александра Свирского.

Александр Свирский основал монастырь, сделавшийся

известным по всей России. Он — единственный русский святой, удостоившийся явления Пресвятой Троицы.

Девять учеников Преподобного прославлены Русской Православной Церковью. Ну а исток этой святой реки, этого дивного сияния — в Введено-Оятском монастыре.

В двадцатом году пришли в монастырь чекисты в черных кожаных куртках и расстреляли здешних монахов.

Они спешили. Тела сбросили в яму за гумном и торопливо засыпали землей, скрывая следы преступления. Только как же скроешь, если и десятилетия спустя жители окрестных деревень слышали по ночам пение расстрелянных иноков, доносящееся из полуразрушенных храмов. И колокольный звон — тоже различали, хотя уже сломана была колокольня, разбиты и увезены на металлолом колокола...

Возрождение Введено-Оятского монастыря началось при владыке Иоанне, митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском. И связано оно с именем первой настоятельницы монастыря, матушки Феклы.

Наша попутчица, еще совсем молодая монахиня, рассказала историю, произошедшую, когда только начинал устраиваться их монастырь...

«Матушка Фекла долго молилась, чтобы вода в монастыре была. И вымолила. И забил источник. Да не простой, а радоновый, целебный.

И, конечно, нашлись люди, которые решили бизнесом заняться и начать торговать целебной водою.

Собрались вместе и начали обсуждать, как оденут в бетон источник, как сделают цех разлива воды, как потекут деньги в их карманы.

— А монастырь? — спросил один из «бизнесменов».

— А что монастырь? — удивился другой «бизнесмен». — Пускай тоже у нас покупают. Мы им, ха-ха, со скидкой отпускать воду будем, как, ха-ха, постоянным покупателям...

— А на кого участок оформлять будем?

— Как на кого? На меня...

— А почему не на меня?

— Потому!

Так слово за слово драка завязалась. И вот вместо того, чтобы святой источник приватизировать, один на тот свет отправился, а другой в тюрьму. Вот такая история случилась...»

Попутчица перекрестилась, завершая свой рассказ.
— А источник? — спросил я.
— А что источник? — ответила монахиня. — Источник у Богородицы остался...

Редко кто из приезжающих сейчас в Введено-Оятский монастырь не побывает на этом источнике Богоматери, источающем дивную целебную воду.

Сбегая от колодца-часовенки, вода скапливается внизу в небольшом озерке. Когда мы спустились туда, словно специально подгадав время, пошел снег. Осторожно переступая по скользкому глинистому дну, заходили мы в ледяную воду. Перехватило дыхание, когда я окунулся с головой в первый раз. Перекрестился — и снова в воду. А когда окунулся в третий раз — уже не очень-то и хотелось выходить из источника. Как-то необыкновенно тепло и весело стало.

Нечто похожее происходило и с моими спутниками. Никто не ежился от холода. Не спеша выбрались из озерка, оделись и пошли к собору...

Навстречу нам двинулись к озерку женщины. По-прежнему затянуто тучами было небо. Но прибавилось тепла и как будто прибавилось света, и ясно различал я набухшие на ветвях деревьев почки.

Медленно кружась, падали снежинки.

19 апреля

ХОЛОДНО И ТЕПЛО

Должен был встретиться сегодня с киношниками, снимающими фильм о священномученике Вениамине.

Договорились встретиться у часовенки, спрятавшейся в жилом доме недалеко от Дома Евангелия, расположившегося в храме, в котором при митрополите Вениамине был открыт Дом Трудолюбия и который сейчас планировали превратить в храм новомучеников петроградских.

Но храм захватили баптисты и теперь здесь все время дуют ледяные ветры, клубится пыль, свиваясь в столбы у расположенных вокруг Дома Евангелия центров дианетики и прочих подобных им учреждений.

Я совсем замерз, пока ждал киношников...

Потом догадался позвонить и выяснил, что киногруппа поехала в Александро-Невскую лавру.

Там и встретились на Никольском кладбище, почти на том самом месте, где стоял 1 июня 1922 года митрополит Вениамин, когда келейник известил его о прибытии че-

кистов. Теперь здесь стоит крест, на котором написано «Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский». Но это не могила. Это просто памятник митрополиту. Где находится настоящая могила четырех новомучеников, никто не знает...

Но здесь у креста-памятника почему-то всегда тепло. В разное время года, при разных ветрах и погодах бывал я здесь, но тепло было всегда...

Сюда, в это духовное тепло и идут православные люди, чтобы, осенив себя крестным знамением, произнести: «Святый, свящennomучиниче Вениамине, митрополит Петроградский, моли Бога о нас!»

1 мая

ЗАБЫТАЯ КОПЕЙКА

— Копейка, внученька, рубль бережет, — наставительно говорила в автобусе пожилая женщина девочке лет четырех.

— Да? — удивилась девочка и, подумав, спросила: — Копейка, бабушка, это больше миллиона, да?

6 мая

СИЛА СХОДСТВА

Две недели назад умер Михаил Константинович Аникушин, а сегодня открывали на Владимирской площади памятник Ф.М. Достоевскому.

— Специально ждали, что ли? — спросил приятель.

— Не знаю, специально ли... — ответил я. — Но совпадение знаменательное... При Аникушине такой ужас не решились выставить...

— Зря ты ругаешься... — сказал приятель. — По-моему, так и ничего памятник. На тебя похож...

— На меня?!

— Похож-похож, — поддержал моего приятеля какой-то мужичок, который слышал наш разговор. — Такое ощущение, что с вас и лепили...

Я присмотрелся к памятнику.

По-прежнему расплываясь в каменной глыбе, сутулился на Владимирской площади Федор Михайлович Достоевский.

Но сейчас почему-то скульптура уже не казалась такой страшной...

30 мая

БОЛЕЗНЬ, ПОСТИГШАЯ РОССИЮ

Иногда кажется, что Борис Николаевич Ельцин не руководитель страны, даже не человек, а некий жанр.

Сегодня в Москве проходило заседание Совета обороны, на котором должно было состояться обсуждение концепции реформы армии. Министерство обороны и Генштаб готовили этот документ почти шесть месяцев.

И вот, поздоровавшись с членами Совета обороны, Ельцин объявил, что Родионову предоставляется для выступления пятнадцать минут.

— Но согласно утвержденному регламенту мой доклад рассчитан на тридцать минут.

Как видно, Ельцин и сам понял, что ляпнул, не подумавши — невозможно основной доклад, который обосновывает концепцию реформы армии, сократить по ходу дела в два раза! — но поскольку ляпнуто было под телевизионные камеры, заднего хода президент давать не стал.

— Меньше рассуждайте, — оборвал он Родионова. — Вы уже потеряли пять минут. Осталось десять.

— В таком случае, я отказываюсь от доклада! — заявил тот.

Начальник Генштаба генерал армии Самсонов также не согласился сократить свое видение реформы армии в два раза.

— У меня есть предложение — освободить министра от занимаемой должности! — заявил Ельцин. — Кто против?

Никто не возразил, и новым министром обороны стал генерал армии Сергеев...

В этой манере руководства страной очень много от жанра одесской эстрады. Но это, конечно, не жанр. Это — клиника жанра. Точно так же, как и Ельцин наш — не руководитель России вовсе, а просто болезнь, постигшая Россию...

22 мая

ЖЕНЩИНА С ПОЛЕВЫМИ ЦВЕТАМИ

Вагон был пустым.

Кроме нас, через несколько купе, сидела у окна немолодая женщина с букетом полевых цветов. И все... Только врывающийся в раскрытое окно поездной ветер шуршал позабытой на сиденье газетой...

И вот — резко распахнулись створки дверей, и в вагон

стремительно и властно, как только они и умеют заходить, вошли железнодорожные контролеры.

Проверка заняла несколько мгновений. Мы показали свои билеты, а женщина, что сидела с букетом полевых цветов, порывшись в сумочке, вытащила кошелек и раскрыла его перед контролером.

— Это все, что у меня есть... — сказала она. — Зарплату нам Борис Николаевич Ельцин только к концу года обещает заплатить... Извините...

— Извините... — сказал контролер, и торопливо отошел от женщины.

И лицо его, когда он проходил мимо, было какое-то смущенное, словно это он виноват, а не ельцины, не чубайсы, не немцовы.

Впрочем, о них как-то и думать не хотелось сейчас... Столько несокрушимой доброты и человечности было во всей этой сцене, что как-то даже и неловко было вспоминать о плохом...

15 июня

КОГДА РУШАТСЯ ПОТОЛКИ

Исполняются мечтания наших демократов...

Неделю назад Польша, Венгрия и Чехия получают официальное приглашение вступить в НАТО, а Украина подписала договор о сотрудничестве с НАТО.

Не осталась в стороне и Россия. Вчера Борис Николаевич Ельцин объявил о сокращении на треть численности армии.

Ну а сегодня в Томске в казарме Высшего военного командного училища рано утром обвалились потолочные перекрытия, и в результате погибли 11 человек.

18 июля

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Долго, то и дело застревая в пробках, выбирались из города. Но и на трассе не спала духота. Встречный ветер был сухим и жарким. Только за Любанью машина стремительно понеслась навстречу туче, словно затягиваемая в кромешную грозовую тьму.

Но шоссе за Чудовым повернуло вправо, и снова засинело впереди чистое небо. Гроза задела нас только краешком, между Спасской Полистью и Мясным бором.

И все-таки сразу свежее стало.
Теперь уже не тяжело было ехать. С любопытством смотрел я на пролетающие мимо городки и поселки. Последний раз я ездил по этой трассе лет десять назад...

Конечно, я не раз бывал в Москве, но добирался туда поездом, а из окна вагона — что увидишь?..

Так что теперь перемены бросались в глаза.

Ну, во-первых, больше церквей стало. Нет-нет, новых храмов не появилось, но старые, загаженные, вернули Церкви. Их подремонтировали, водрузили кресты на маковки, и церкви сразу стали заметными, как бы выдвинулись к дороге...

Еще бросалось в глаза обилие кафе и закусочных. Но это, как везде... Вроде и до населенного пункта не близко, а вдоль трассы выстроились торговые ряды, как у станции метро. Хочешь — картошку покупай, хочешь — заводскую посуду... Рынок...

Но не только выступившие вперед церкви, не только обилие торговых точек преобразило трассу. Изменилось еще что-то, а что? — я не мог понять, и от этого поднималась внутри какая-то безотчетная, неясная тревога.

В Новгород мы не стали заезжать, остановились уже за Мстой и здесь, съехав в сторону от дороги, перекусили на берегу реки... Здесь и решили мы с Николаем, пока светло, ехать вперед, а остановиться на ночевку, когда начнет темнеть...

Темнеть стало за Крестцами. Легкой дымкой заволочло дорогу. И с каждым километром густела эта дымка, превращаясь в ночь. Перед Валдаем заметно просторнее стало на трассе. Задолго до поста ГАИ встречал нас хвост съехавших на обочину фургонов.

Это, конечно, тоже из новых времен...

Все стремились встать на ночевку вблизи от милиции. Тоже, так сказать, рынок. С одной стороны, бесплатно, а с другой — вроде и под охраной...

И вот тут-то, глядя на вставшие у обочины фуры, Николай предусмотрительно сбросил скорость. Теперь я понял главное изменение на трассе. В длинной, пристроившейся к посту ГАИ веренице фургонов не было ни одного нашего грузовика... Ну, конечно же, это и вызывало смутное и безотчетное беспокойство, едва мы выехали на трассу. Легковушки, хотя большинство из них было иномарками, имели наши номерные знаки, а на фургонах и номера были заграничные. Словно где-нибудь за границей и ехали мы...

На платную стоянку мы не стали заезжать, пристроились на обочине среди других машин.

Взяли пустые бутылки и отправились к роднику.

Там, на другой стороне шоссе, у родника, уже выстроилась очередь. Воду набирали и в бутылки, и в объемистые полиэтиленовые канистры... В очереди в основном стояли финны. Русской речи здесь, посреди России, было не слышно.

Набрав воды, мы поискали туалет, но вспомнили, что не за границей, и отправились следом за другими в лесок. Зрелище было не слабое. Фары проходящих машин прохватывали редкий сосняк, и то с одной стороны от тебя, то с другой возникали задумчивые лица. Вспомнилось почему-то о близком роднике.

— Может, поедем дальше? — спросил Николай, когда мы вернулись к машине.

— Смотри сам...

— Тогда поехали... — Николай решительно взялся за руль.

И снова помчались мы сквозь темноту по трассе. Навстречу шли машины, но поток был редок. Теперь я внимательно следил за номерами. До Твери я не увидел ни одного нашего номера.

Я все понимаю...

И открытость границ, и бездарность наших охочих до взяток реформаторов... Только что тут объяснять? Тут в пору, подобно проезжавшему здесь двести лет назад Александру Николаевичу Радищеву, воскликнуть:

— Взглянул окрест... и душа моя уязвлена стала!

Впрочем, вру... И окрест никуда смотреть не надо... Взглянешь на эти полуспившиеся и вымирающие городки или поселки, небось, не об уязвлении говорить придется...

Какое там уязвление? Словно обухом по голове бьет неприглядная, страшная правда нынешних реформ.

В Твери, когда мы приехали туда, еще ходили трамваи. Свернув с трассы и поплутав по городским переулкам, выехали к Волге. Тверь уж никак нельзя было проскочить. Все-таки Волга здесь.

Света заречных огней хватало только, чтобы рассмотреть темную бетонную стену не то тюрьмы, не то военной части, вздымающуюся на высоте берега за нашими спинами, да поблескивающую в свете огней темную воду реки.

Еще разглядели мы, что по соседству с нами на берегу стояла другая машина, и возле нее копошились какие-то

люди. Вытащили продукты, разложили на багажнике... Впрочем, как же приехать на берег Волги и не искупаться в реке? Тем более после такой жары...

Смушал только забор с колючкой за нашими спинами. Бог знает, что там за этим забором, что льют оттуда в реку?

— Мужики! — крикнул я в сторону соседней компании. — Здесь купаются вообще-то? Чисто?

Странное замешательство возникло у соседней машины. Никто не ответил мне, и я сделал несколько шагов в их сторону.

— Извините... — сказал я. — Я спросить хочу. Здесь можно выкупаться? Не знаете?

Навстречу мне из компании выдвинулся плечистый мужчина.

— Эй! Эй! — сказал он. — Антээкси... Эн юмерре...

Ну, конечно...

Кого еще можно в полночь встретить кроме финнов посреди старинного русского города на берегу великой русской реки? Махнув рукой, я вернулся к своей машине и начал раздеваться.

— Не боишься? — спросил Николай. — Еще попадешь куда...

— Не попаду... — ответил я. — Все заводы у нас давным-давно позакрывались. Некому нынче в воду отходы сливать... Не в Финляндии живем!

Вода в Волге была теплой и ласковой. Я зашел по пояс и поплыл. Несколько раз развел руками, и тут же ладонь натолкнулась на торчащую из воды железяку... Торопливо развернулся и поплыл назад... Бог знает, что еще могло обнаружиться в ласковой воде?

Ранним утром, не было еще и шести часов, подъехали мы к окружной дороге...

Как это писал двести лет назад Александр Николаевич Радищев?

«Ну, любезный читатель, я с тобою закалялся... Вот уже Всесвятское... Москва! Москва!!!»

22 июля

ИЛЬИН ДЕНЬ

Сегодня Ильин день. Светло... Солнечно...

— В прежние-то времена, на сенокосе, всегда грозы в этот день бывали... — рассказывает по дороге в Вознесе-

ные старушка. — Сено мечешь в стог и слушаешь, не загремит ли Илья-пророк. А сегодня, кажись, и не выеде...

— Дак не вечер еще... — отвечает ей соседка — тоже старушка. — Может, и проедется...

— Не знаю, не знаю... Жизнь такая теперь, что и не знаю... Самое время дождю. Засохла картошка вся... А откуль дождь будет, если солнце светит?

— Даст Бог, задожжит... Нешто Илья свой день упустит?
2 августа

БЕДА

— Вот беда-то! — пожаловалась сегодня соседка. — Не знаю, кто суп поросенку вылил? А там полкурицы было, на неделю бы хватило хлебать.

— А чего тут узнавать? — спросил я. — Все равно ведь, Нина, новый суп варить придется...

— Придется, — согласилась соседка. — Только если бы узнала, хоть выматюгала бы — отвела бы душу! Но не признается никоторый...

— А чего признаваться, если сама, дура, и вылила суп... — проворчал с соседского крылечка муж Нины. — Схватила кастрюлю с холодильника и не посмотрела даже...

— Полно врать-то! — обернулась к нему соседка. — С чего я буду суп выливать?

— Откуль я знаю, с чего... — ответил муж. Выбросил докуренную папироску и ушел в дом.

— А что, Нина? — спросил я. — Может, действительно, ты сама и вылила суп?

— Откуда я знаю... — ответила соседка. — Говорю же, не признается никоторый... Вот беда-то...

Вздыхнула и тоже пошла в дом, где живет она сейчас вдвоем с мужем.

3 августа

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Ходил сегодня в каменные дома.

Сразу за нашим огородом, на задворках, играли дети. Носились между железобетонными фермами, прячась друг от друга. Прятаться есть где... По всему пустырю раскиданы вросшие в землю бетонные блоки.

И так живо припомнилось, как в детстве точно так же играли и мы. Сломая голову носились на «старых дорож-

ках» — расчищенном среди развалин фундаменте разбомбленного дома. Только это было не здесь, на пустыре, а ближе к лесу, где поднимаются теперь корпуса цехов. Впрочем, уже не цехов... Рассказывали, что здания эти проданы какому-то кооперативу под склады.

А здесь? Здесь долгое время и был пустырь, пока в конце восьмидесятых не решили построить тут плавательный бассейн. Выкопали котлован, установили фундаменты свай, засыпали песком и залили бетоном, потом навезли всяческих железобетонных конструкций и все — начались реформы, не до строительства стало... Вместо плавательного бассейна досталось детям место для игры в прятки.

Совсем другого происхождения эти прятки, чем наши, но я смотрел на играющих детей и забывал об этом. Ничем не отличались их игры от наших послевоенных игр... Как и нынешний, такой похожий на послевоенный, пустырь... И какая разница, после какой войны остался он.

6 августа

ВСТРЕЧА

Встречу эту никто не готовил, никто заранее не списывался, просто я встретил одноклассника, как и я, приехавшего отдохнуть в поселок, и вдвоем решили мы зайти к товарищу, который жил здесь...

Но все равно, как бы встреча одноклассников получилась... Невеселая, правда. Вначале сидели и вспоминали тех, кого уже нет... Коля Кисляков умер... Пил последнее время жутко... Саша Горбунов... Саша давно погиб... Кажется, еще в начале восьмидесятых. Авария у них на заводе была... Сергей... Он на последней парте сидел... На озере утонул... Большой список получился. Если учесть, что мы и за пятидесятилетний рубеж не перевалили, слишком большой.

И ведь не войны, не эпидемии, не стихийные бедствия унесли столько жизней.

Нет... Больше всего водка... Еще разгильдяйство... Еще равнодушие и к себе самому, и к другим.

И тут самое время, чтобы от тоски не завывать, о жизни поговорить. Кто где устроился, кто как живет... Но тут тоже особого оптимизма не возникло. Большинство из тех, кого мы вспомнили, не шибко удачно в жизни устроились. А многие — увы! — бедствовали.

— Странно... — загрустив, сказал тогда приятель, приехавший отдохнуть в поселок. — Помните, раньше, когда

школу закончили, все больше о смысле жизни спорили... А сейчас, с кем только не встречаюсь, один разговор о бессмысленности...

— Да... — вздохнул одноклассник, живший в поселке. — Наверное, так... Старые мы стали...

— Не молодеем, конечно... — согласился я. — Только ведь и другое забывать не надо. Ведь мы в этих спорах про Бога и не вспоминали даже... А о каком смысле жизни может идти речь, если мы без Бога искали его? Вот и нашли то, что нашли... Полную бессмысленность.

Не товарищам своим говорил я это, а самому себе. Потому что, действительно, так и не мог вспомнить, чем еще кроме интеллигентно-блатных песенок и анекдотов мы наши встречи сдабривали...

Но городской одноклассник почему-то обиделся.

— Ты уж совсем... — сказал он. — В религию, как я посмотрю, ударился...

И можно было ответить, что оно и не худо бы, удариться в религию. Только не получается... В церковь хорошо, если раз в месяц хожу.

Но не успел я...

— Хватит вам базарить, мужики... — примиряюще сказал местный одноклассник. — Если думаем чего, то поторопиться надо.

И он выразительно посмотрел на часы, как бы показывая, что, хотя и рынок сейчас и свободное предпринимательство, но можно и пролететь с выпивкой, если еще подзадержаться с разговорами...

— Да... — согласился с ним мой оппонент. — Действительно, надо поторопиться.

Тут и я с ним спорить не стал.

Не так уж и много времени осталось, чтобы не торопиться...

10 августа

ФОТОМОДЕЛЬ

Теща рассказала, что ее шестилетняя внучка решила стать фотомodelью, когда вырастет. Об этом она поведала бабушке по дороге с занятий художественной гимнастикой. И так увлеклась, рассказывая о своей будущей работе, так размахивала руками, так прыгала, что потеряла по дороге мешочек с тапочками, который несла.

— Таня-Таня... — укорила ее заметившая пропажу ба-

бушка. — Ты ведь только один мешочек и несла. В ум не возмю, как ты могла потерять его!

— Ах, бабушка! — ответила Таня. — Ты никогда, наверно, не работала фотомodelью. Ты и представить не можешь, какая у нас жизнь! Некогда о мешочках думать...

15 сентября

РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ

Моя знакомая архитекторша, работающая в совместном русско-американском предприятии, рассказывала, как трудно стало работать с заокеанскими партнерами.

— Здесь же рельеф такой, — говорим мы. — Здесь скос нельзя сделать...

— Почему нельзя сделать?! — удивляются американцы. — Мы расчеты заказывали в своих мастерских. Вот заключения — можно...

— Но вы сами посмотрите... Вот он рельеф...

— Зачем смотреть? Наши специалисты дали заключение. А это очень высокооплачиваемые специалисты...

«И смотрят так, — рассказывала знакомая, — как будто спросить хотят, а сколько, дескать, вы получаете? А что мы? Мы мало, конечно, получаем... Только рельеф местности все равно от этого не зависит».

Я сочувственно кивал, слушая эти жалобы, и думал, что, хотя и стыдно моей знакомой и ее коллегам по совместному русско-американскому предприятию за рельеф русской местности, а все равно, куда денешься, не вмещается он, не влезает в рельеф американских отношений...

И разве только в архитектуре так?

15 октября

ДМИТРОВСКАЯ СУББОТА

Завтра — первая суббота ноября. «Дмитровская суббота»... Поминовение усопших...

Шесть столетий назад возвращались с Поля Куликова рати Дмитрия Донского, и радость, как сообщает летописец, была на Москве, но и печаль великая — многие, многие русские воины сложили головы на берегах Непрядвы...

И опечалился святой Сергей Радонежский, встречавший князя... И установил Преподобный праздник поминовения. И шестьсот с лишним раз поминала с тех пор

Русская православная церковь в эту первую ноябрьскую субботу всех усопших, и в особенности тех, кто пал на поле брани, кто сложил свою голову за Родину...

Рассказывают, что афонский монах своим очищенным молитвами духовным зрением узрел однажды души павших воинов, слетающие в этот день в Храмы...

Дмитровская суббота — один из самых почитаемых на Руси праздников. Вот и я, грешный, тоже отправился нынче во Владимирскую церковь на повечерие...

Шел и думал, что уж у меня-то есть, кого помянуть...

И из старшего поколения, прошедшего Великую Отечественную войну, да и из своего тоже... Многие мои сверстники уже перебрались на тот свет — и где они сейчас? Один Бог ведает...

Нет, не в бою, не на поле брани они пали, но, с другой стороны, где сейчас поле брани находится, тоже ведь одному Господу ведомо...

С этими мыслями и переходил я через так и не переименованный в Николаевскую улицу проспект Марата, и тут, откуда ни возмись, на полном ходу, из-за поворота, вылетел прямо на меня «Мерседес».

Сам не понимаю, как я с больной ногой успел отпрыгнуть... И, конечно, и в помине не осталось прежних благочестивых мыслей...

— Козел! — завопил я не своим голосом вслед улетающему автомобилю. — Мать твою, перемать... Что б тебе!

Впрочем, тут же опомнился.

— Господи, помилуй! — сказал и поковылял дальше.

К повечерию во Владимирской церкви я, конечно, припозднился. Когда вошел в храм, слышно было, что уже поют... Перекрестился и начал подниматься по лестнице.

И тут, как тот «Мерседес» на улице, едва не сшибив меня с ног, выскочил из-за поворота лестницы пьяный, матерящийся парень.

— Бога нет! — закричал и промчался мимо.

Ну, аки бес...

И что самое обидное, очень похожий на меня, того, который вслед улетающему «Мерседесу» на улице ругался...

Перекрестился я еще раз и, осторожно ступая на больную ногу, потихоньку продолжил свой подъем вверх, в церковь...

31 октября

Леонид СЕРГЕЕВ

САМОЕ БОЛЬШОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ — БЕЗНАКАЗАННОСТЬ

Свои размышления о времени и стране я написал десять лет назад. Тогда они не были опубликованы.

Что изменилось за последние годы — судить вам.

Мои друзья — шестидесятилетние, искушенные, выдавшие виды, прокуренные, проспиртованные стариканы, седые и лысые, тучные, одутловатые, с четверными подбородками, обвисшими животами и ляжками, как галифе; другие — тощие, высохшие, сутулые, беззубые и со вставными челюстями — точь-в-точь огородные пугала; и все гипертоники, язвенники, с аденомами и грыжами; у одного от давления раскалывается голова, второй от радикулита и разогнуться как следует не может, у третьего так изношены суставы, что слышен треск — у каждого свой набор болячек.

Теперь нам уступают место в транспорте, молодежь называет «дедами», а дряхлые старцы нет-нет да и спросят: «Ты на каком фронте воевал?» Понятно, это уж слишком! Ну, короче, у нас есть запас прочности, в наших глазах еще не потух некоторый задор (не фон-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

тан жизненных сил, но определенный азарт), и наши беседы проходят довольно забористо. А поговорить нам есть о чем, ведь нашему поколению выпала насыщенная эпоха.

Мы были столичными мальчишками военного времени и помним воздушные тревоги, ночевки в метро, противогазы, «зажигалки», и эвакуацию на восток, и плотно заселенные общаги, и выбитые «пятаки» перед ними, и неотопливаемые школы, и оберточную бумагу вместо тетрадей, и один учебник на троих. Мы прошли через голод и похоронки. У нас было трудное детство, потому мы и знаем цену вещам.

Но были у нас и свои радости: подножки трамваев, железные каталки, «расшибалки», «махнушки» и жмых, и самокаты, которые мы мастерили своими руками и которые были для нас не менее ценными, чем мотоциклы для теперешних подростков. И были рыбалки и катанья на льдинах, лапта, «городки» и «чиж», и дворовые футбольные команды, и свалки трофейной техники, и трофейные фильмы, и прекрасные песни военных лет, и было главное — бескорыстная надежная дружба, которую теперь не сыскать, ведь теперь отношения по большей части строятся на полезности, выгоде.

Я вспоминаю послевоенные годы, наши лыжные походы и плаванья по речкам на плотах и первые открытия в природе, которая тогда еще не была так изуродована, как сейчас. В лесу, а не в зоопарке, мы видели лосей, волков, лисиц... О зайцах и белках и говорить не приходится — они забегали на городскую окраину. В те времена реки еще были прозрачными — дно просматривалось на пятиметровой глубине; протоки забивали кувшинки, заводи — лилии; в лугах раскачивался высоченный травостой, в котором запросто исчезал грузовик, в лесах еще не спилили огромные, в три обхвата, деревья, и возвышались гигантские, с киоск, муравейники, и встречались широкие поляны крупных ромашек и колокольчиков — теперь такое увидишь только на фотографиях. Между тем с этих красот и началось наше творчество: первые рисунки и стихи. Так что воспоминания обо всем этом не просто фокусы памяти, а немалая ценность. Не зря же Достоевский говорил: «Воспоминания из детства служат ориентиром всю жизнь».

Молодым людям не понять, как пожилой человек цепляется за хорошее в прошлом, что воспоминаниями мы не просто возвращаем воздух детства и юности, но и пы-

таемся приостановить время, задержать уходящее. Ведь в молодости, когда живешь интенсивно, когда полно впечатлений, переживаний, время растягивается, и его не ценишь, а под старость, в упорядоченной и, в общем-то, однообразной жизни время летит быстрее и, естественно, им уже дорожишь — тем более, что жизнь оказалась намного короче, чем мы думали. Намного короче.

Кое-кто из теперешней молодежи считает нас обманутым поколением, чуть ли не духовными мертвецами, но это абсолютнейшая чушь. Действительно, идейное давление было, но не такое уж сильное, как трезвят теперь «реформаторы» (я, например, всегда увиливал от комсомольских собраний, взносы не платил, и мне все сходило с рук). Конечно, вожди пытались сделать из нас послушную массу, но у них ничего не получилось. Да и как получится, ведь характер, талант, интуицию, воображение массовым не сделаешь. Надо сказать, и это никому не оспорить, в основном нас воспитывали на классике. Взять хотя бы радио — звучали целые оперы и спектакли, именно благодаря радио мы знаем великие музыкальные произведения.

А какие были фильмы! Для детей — гуманные, зовущие к добру сказки режиссеров Птушко и Роу, для подростков — романтические «Дети капитана Гранта», «Остров сокровищ» и музыкальные комедии Пырьева и Александрова, и пусть в них было немало наигранности, иллюзий счастливой жизни, некой мечты, но они помогали жить, давали надежду. Не то, что теперь, при бесчеловечном режиме, когда все искажено и, чего скрывать, сплошное огрубление и опошление искусства; телевидение навязывает детям «ужастиков», уродов «телепузиков», монстров; подростков оболванивает фальшивыми ценностями, антикультурой, дают ложные ориентиры, сбивают их в агрессивную стаю, а между тем искусство для того и существует, чтобы прививать нравственность, духовные интересы, чтобы каждый пытался стать самобытной личностью.

Ну, а возможности для нашего развития были просто фантастические. Пожалуйста: детские библиотеки (случалось, за книгами записывались в очередь), художественные, музыкальные и спортивные школы, Дворцы пионеров с многочисленными кружками: драматическим, хоровым, танцевальным, корабле- и самолетостроительным, фотографическим, шахматным — глаза разбегались, вы-

бирай любой по наклонностям, и все бесплатно, только ходи! И не зря над Дворцами висел лозунг: «Твори! Выдумывай! Пробуй!» (сейчас у клубов: «Учись развлекаться!» и прочая чертовня).

А какие были катки в парках, когда сотни конькобежцев под музыку носились по аллеям, время от времени забегая в раздевалки, чтобы выпить — не пиво, которое теперь молодежь распивает в подъездах и даже в метро, — а кофе с молоком! И где сейчас лодочные станции и праздники на воде с фейерверками, парады физкультурников, духовые оркестры на открытых эстрадах в Парках культуры и танцы на площадях? А у нас все это было! Было море энтузиазма без всякой показухи, и эти праздники, демонстрации давали ощущение единства нации, мы гордились, что являемся частью великой страны. Настоящему гордились.

Что особенно важно: совместные занятия в кружках, соревнования на стадионах, когда сдавали нормы на значки БГТО и ГТО, «субботники», посадка деревьев всем двором, развешивание скворечен и кормушек для птиц, сбор металлолома, пионерские лагеря, помощь колхозникам в уборке урожая, походы с рюкзаком и песни у костра — все это, и многое другое (даже коммуналки!), сближали нас, делали отношения истинно товарищескими, а то и братскими. Потому мы и знали, что общность людей (взаимопомощь, доброжелательное соревнование), дух коллективизма — не пустые слова; тот дух — самое значительное, что мы вынесли из детства и подросткового возраста. Это совершенно ясно теперь, во время дикого капитализма, когда каждый выживает сам по себе, пробивается, расталкивая других, взяв на вооружение клич «демократов»: «Бери свободы, сколько проглотишь! Делай деньги любым способом!». «Демократы» разогнали пионерию и комсомол, но что дали взамен? Вот и появились тучи беспризорников, наркоманов, проституток-малолеток, и если раньше героями были летчики, полярники, геологи, то сейчас, в разбойничье время, — крутые бизнесмены, бандиты, рэкетиры. В основном именно они.

Раньше каждый мог без всяких денег поступать в любой институт — ради бога, если голова варит, а сейчас без кругленькой суммы в вуз и соваться нечего. Раньше молодые люди ехали на Север, БАМ, целину, мечтали что-нибудь изобрести, открыть, а сейчас — только и думают, как бы заняться бизнесом, купить «иномарку» или ума-

тать на Запад. И конечно, мы гордились своей страной, а сейчас делается все, чтобы молодежь ее ненавидела — достаточно посмотреть телевизор, полистать газеты.

Нельзя забывать, что в СССР каждый год происходило снижение цен на основные товары, постоянно открывались новые железные дороги, заводы, научные институты... Многие жили бедно, но оставались приветливыми, веселыми, а сейчас на лицах безнадежность, озлобление. Раньше у страны было будущее, а сейчас впереди сплошная безысходность. Совершенно ясно — социализм неизмеримо справедливей и гуманней волчьих законов капитализма. Не случайно западники считают, что революция в России заставила капиталистов повернуться лицом к простому народу, сделать капитализм менее волчьим. Не случайно.

Ну, а наша юность прошла бурно. Одни из нас учились в институтах, обогащались знаниями, закладывали могучую базу и одновременно вовсю кропали стихи; другие, отслужив в армии и приехав в столицу из провинции, перебрали кучу профессий, пока не нашли себя в искусстве. Одни, с помощью учителей, в сжатые сроки постигали премудрости литературного ремесла, другие до всего докапывались самостоятельно, но и те и другие жили меж двух культур: традиционно высокой и лакировочной, помпезной, временами попросту между красотой и уродством.

Была еще одна культура, расширяющая скудное информационное поле — «кухонная», где читали «самиздатовскую» запрещенную литературу, по «вражеским голосам» сквозь глушилки слушали джаз и пересказывали анекдоты про власть имущих. Такая мешанина среды проживания не давала расслабляться, тем более что приверженцы разных культур не переваривали друг друга и в богемных кругах частенько возникала накаленная атмосфера. Но в отличие от благополучной, размеренной (когда решены основные проблемы) и скучноватой жизни на Западе, у нас все время что-то происходило, менялось, мы находились в постоянном движении, жили среди контрастов, и понятно, нам скучать не приходилось. К тому же на Западе ценилось богатство, а у нас искренняя дружба и бескорыстная любовь; у нас быть богатым или сыном какого-то деятеля считалось неприличным.

Особенно напряженным было время, когда состоялся известный съезд и закрытый доклад, который передавался по невидимой цепочке слухов; приоткрыли занавес на

прошлое нашего Отечества, и все увидели жуткую картину — оказалось, идеи социализма реализовывались не так гладко, как нам внушали; лозунги коммунистов сразу затрещали по всем швам. С колокольни хрущевского времени многое в деятельности Сталина выглядело чудовищным (за что сидели Вавилов, Заболоцкий и многие другие невинные?!), но и тогда возникал вопрос — без диктатуры сохранилась бы страна в годы хаоса и разрухи? А теперь и вовсе доказано, что репрессии начинали троцкисты, что в верхушке палачей все сплошь были сионистами. (Троцкий рассматривал русский народ как «хворост».) Сейчас все злодеяния приписывают Сталину, меж тем понятия «враг народа» и «тройки» ввел Троцкий, и лагеря ГУЛАГа его детище, и он же лично расстреливал русских офицеров и считал, что «терроризм необходим для построения коммунизма». Даже «свой» Г. Боровик признает: «Если бы власть взял не Сталин, а Троцкий, было бы хуже». Кстати, сейчас, когда Россия умирает, когда ее вновь захватили единоверцы Троцкого, просто **необходима** диктатура, но русских, а не «русскаязычных», и честных, неподкупных патриотов.

Потом раздвинули другой занавес — «железный», и начался бум: на экраны вышли зарубежные фильмы, на выставках появился Пикассо и польские авангардисты, приехал Ив Монтан, Москву заплонила фестивальная молодежь; одно за другим возникали кафе, где открыто играли джаз, танцевали рок-н-ролл и буги-вуги. Тогда, в конце пятидесятых—начале шестидесятых годов, по столице прокатился океанский вал, всколыхнувший молодежь — она истосковалась по свободе, и теперь повсюду разгорались жаркие споры. Это был прорыв в новый мир, мы нашли то, что искали, видели то, что хотели видеть. События тех лет уже далеко от нас, но мы их помним отлично.

Вожди всполошились — как бы не расшатать всю систему, и вскоре вновь опустили занавес. Старые мухоморы! Им пораскинуть бы мозгами, дать молодежи возможность выпустить пар, и скоро стало бы ясно — и у западников ерунды хватает; во всяком случае, авангард остертел бы гораздо быстрее, чем кондовый «соцреализм», а главное, лучшая, мыслящая часть молодежи не приняла бы многие западные стандарты и разные ничтожные цели, вроде обогащения (даже сейчас, когда приходится думать о выживании, немало парней и девчонок, для которых

богатство не предел мечтаний). Ну, а все стоящее, качественное у западников надо было перенять, это пошло бы только на пользу.

И следовало преобразовать пионерию и комсомол в молодежные организации по типу «зеленых», «антиглобалистов» (у этих последних вполне привлекательный лозунг: «Не дадим всему миру превратиться в одну потребительскую Америку! Сохраним разность культур!» В самом деле, не могут разные страны жить по одним правилам, глобализм уничтожит самобытность народов). Следовало на госслужбу выдвигать людей не по преданности партии, а по умственным способностям. А всех, кто рвался на Запад, надо было выпустить (истинно русские не уехали бы; как не вспомнить великого патриота Чайковского, который презирал всех эмигрантов: «...меня глубоко возмущают те господа, которые с каким-то сладострастием ругают все русское и могут, не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей, на том основании, что в России удобств и комфорта меньше. Люди эти ненавистны мне, они топчут в грязи то, что для меня несказанно дорого и свято». И Пушкин говорил, что «никогда ни за что не хотел бы поменять Отечество»). Не случайно лучшие из «инакомыслящих» — те, кто «метили в коммунизм, а попали в Россию» (Максимов, Зиновьев) впоследствии пожалели о своей деятельности. А так что получилось? Оставшиеся диссиденты (разумеется, все «богоизбранные») при поддержке американцев стали изнутри разрушать страну, претворять в жизнь план Даллеса — «разлагать, развращать, растлевать советскую молодежь». Все запретное, даже третьесортное, стало вызывать повышенный интерес, дурацкий ажиотаж (сборник «Метрополь», «Бульдозерная выставка»). Короче, на сцену опять вылезли старые персонажи; выставки прикрыли, в кафе запретили играть «музыку загнивающего Запада», в газетах появились статьи о «тунеядцах». Так все повернулось, хоть лопни, так.

Но новые веяния уже были неостановимы: под контролем комсомола, но все же играли джаз и полуполюгально устраивались выставки авангардистов, на вечерах поэзии читались левые стихи, из-за «кордона» провозились пластинки и «запрещенная» литература. Перед нами еще долго маячили вожди — дубоватые идола, но мы оставались самими собой. Кстати, в те годы среди моих приятелей художников и литераторов было немало диссидентов, но

уже тогда я догадывался, что, по сути, их искусство разрушительное (позднее заметил, что оно еще и антирусское). Эти мои приятели с радостью встретили разгром нашей страны и, после наших жутких споров, стало ясно — мы никогда не договоримся, у нас разные взгляды на жизнь вообще; я презираю все, что они превозносят, и люблю все, что они ненавидят. А ненавидят они не только коммунистов, но и нашу страну в целом, потому я и не принимаю то, что они делают. В оценке литературных произведений и искусства следует руководствоваться словами Пушкина: «Нет истины там, где нет любви к России». Это должно быть законом. Четким законом. Попутно замечу — когда власть захватили «демократы», большинство этих моих приятелей укатили за границу, с оставшимися я порвал всякие отношения.

Конечно, у нас имеются немалые счеты с прошлым режимом, ведь существовала жесткая система запретов; было трудно делать то, что не вписывалось в отведенные рамки, иногда от самоконтроля рука руку останавливала; и повсюду было достаточно негодяев и хамов, но в сравнении с теперешним временем, когда у власти сплошные подонки и ворье, когда исковерканы судьбы миллионов, все же дышалось легче — сейчас наступило форменное удушье, душит боль за разрушенное, разворованное и униженное Отечество; и конечно, сейчас общий процент негодяйства и хамства в обществе вырос до невиданного уровня. Как не согласиться с Довлатовым — «после коммунистов я больше всего не люблю антикоммунистов».

Бывали в нашей молодости и неприятные моменты: некоторых из нас вызывали в КГБ за «антисоветские разговоры», но у меня и моих друзей дальше угроз дело не пошло.

Я трижды посещал «Большой дом». Первый раз, еще когда мы жили в Подмосковье и кто-то из соседей «настучал», что с друзьями «ругаю власть». Второй раз, когда вернулся из Калининграда, куда ездил с неким Златкиным. Этот аферист Златкин уверял, что в Калининграде его друзья помогут нам устроиться в торговый флот. Мне, безработному и не имеющему постоянной прописки, это было как нельзя кстати. Но как только мы прибыли в портовый город, выяснилось, что Златкин уехал из Москвы, чтобы на время скрыться от суда (как фарцовщик «валютчик»), а меня прихватил за компанию (позднее я узнал, что этот негодяй имел большой стаж негодяйства).

Короче, я вернулся в Москву, и меня вызвали в «органы», и долго выпрашивали о «цели поездки». Третий раз мне предложили явиться в мрачное здание после того, как из Москвы уехала француженка Эдит, с которой я встречался пару раз. Мне сообщили, что отец француженки адмирал и работает на разведку против нашей страны. Так в лоб и заявили.

— А она наверняка интересовалась настроениями нашей молодежи, — объявили мне.

— Ее интересовала только «любовь», — сказал я то, что и было на самом деле.

Во всех этих случаях я отделался суровым предупреждением, но те вопросы, когда вначале с тобой разговаривают чуть ли не ласково и на «вы», потом вдруг врывается напористый тип и орет:

— Ну, хватит! Мы все знаем! Выкладывай все начистоту, иначе!..

Эти допросы кое-чему научили меня, с тех пор я приобрел особый нюх на стукачей и кагэбэшников, вычислял их по одному внешнему виду и никогда не ошибался. Такой нюх имел не я один, некоторые мои друзья тоже имели.

И все же, все же у нас была потрясающая молодость! Как ни рассуждай, а дружба, любовь, увлечения никак не зависят от тех, кто стоит у власти. Главное — мы не думали о деньгах, ведь основное, необходимое было дешево, доступно. Плата за жилье — символическая; продукты (не деликатесы), вино и сигареты стоили недорого; кино, театр, музеи — копейки; любой мог поехать к морю, купив билет до Феодосии за восемь рублей, а у моря снять комнату почти за бесценок и питаться в столовых на пару рублей в день. Именно в те годы многие из нас объехали полстраны. Я, например, «автостопом» прокатил тысячу семь километров. Попробуй теперь, когда все помешалось на деньгах, проехать за одно спасибо хотя бы километр! Попробуй!

Чуть позднее я с друзьями объездил на машине всю европейскую часть России; мы останавливались где придется и всюду чувствовали себя как дома; случались в пути поломки, но всегда находились бескорыстные помощники — не считаясь со временем, они копошились в нашей машине, автолюбители просто дарили запчасти, а водители грузовиков не раз наливали бензин бесплатно! Возможно ли такое теперь?!

Можно в чем угодно обвинять социализм, но нельзя не признать главного — попытка освободить человека от власти денег во многом удалась (понятно, в сравнении с западниками, мы жили бедно, зато дружно, сплоченно, без забот о завтрашнем дне). И, бесспорно, была решена проблема национальностей — то, что сейчас раздирает всю страну. Раздирает, и еще как!

В те времена мы часто ходили по речкам на байдарках и в каждой, даже самой бедной деревне встречали доброжелательность и щедрость. Что показательно — в деревнях, уходя на работу, люди не запирали дверей; мы переступали порог избы, а нас встречал какой-нибудь кот или босоногий ребенок (светловолосый, голубоглазый «ангел», каких немало в российских деревнях). И в городах многие обходились простейшими замками, не то, что теперь, когда ставят железные решетки, стальные двери, секретные замки, домофоны, сигналы в охранные службы... И людей можно понять — такого простора для фантазий всяких аферистов и мошенников, такого воровства, как сейчас, никогда не было. Ведь тащат посуду и продукты, провода со столбов, строительную технику и оружие из воинских частей! И это еще мелочи. Те, кто повыше, воруя грузовиками, эшелонами! О тех, кто на самом верху, и говорить не приходится — те воротилы хапают миллионы. Дорвавшись до власти, эти хищники не останавливаются ни перед чем, их аппетиты ненасытны: ради прибылей губят экологию, животных. Да, собственно, уже всеми признано, что наступило беспощадное время, звериная «демократия», когда деньги решают все.

А раньше... Помню, в Крыму мы, как и многие туристы дикари, разбивали палатку на окраине Судака; ходили в поселок, ездили в Планерское, оставляя в палатке радиоприемник, фотоаппарат, гитару — ничего не пропадало. Вот так вот.

Немаловажно — в прежние времена можно было спокойно ездить по всей стране, а сейчас опасно выезжать даже за город; да и в самом городе многие по вечерам боятся выходить из дома, ведь бандитизм стал нормой, об убийствах уже сообщают спокойно, как о погоде (и что за чудовищные цифры — ежегодно без вести пропадает тридцать тысяч людей?!). А казалось, еще недавно по ночным улицам шастало немало полуночников: загулявших, чудаков, влюбленных; некоторые бродили до утра, и никому и в голову не приходило, что его могут ограбить. Не

случайно многие теперь считают, что уж лучше жить при безопасной диктатуре, чем при бандитской «свободной демократии».

Теперь без отметки в паспорте уже не навестишь друга на Украине; без приглашения не съездить в Прибалтику. Хотя, о чем я?! И ехать не на что — цены на билеты взвинтили запредельно, нашей пенсии хватит только в одну сторону. Так что наша ностальгия по великой стране не только теплые воспоминания, но и боль, огромная боль.

Никуда не деться от факта: в советское время студенты получали бесплатное образование; на каждом шагу были библиотеки, вечерние курсы иностранных языков, спортивные общества. Все, кому не лень, могли летом «шабашничать» — подрабатывать на свежем воздухе в стройотрядах, а зимой, во время каникул, отправиться в агитпоход с концертами для сельских жителей.

При каждом заводе был клуб (а то и Дворец культуры) и студии самодеятельности, где разновозрастные рабочие и служащие постигали основы искусств, и часто занимались с большим рвением, чем некоторые профессионалы (подтверждая слова Гоголя: «У русского народа силен гений восприимчивости»). Именно из самодеятельности вышло немало знаменитых певцов и актеров. И непременно при заводах был спортзал (а то и стадион) и, само собой, команды по многим видам спорта, причем команды не только из спортсменов-разрядников, но и из любителей — пожалуйста, отводи душу сколько хватит сил.

Где, в какой стране были не элитные, а общедоступные аэроклубы, яхтклубы, авто- и мотоклубы?! И самые массовые — клубы туристов? В этих последних любой мог взять напрокат байдарку, палатку, снаряжение; ну и, конечно, сколотить компанию единомышленников, иногда через объявления: «Двое молодых людей ищут попутчиков на конный маршрут по Башкирии. Условие: покладистый характер и чувство юмора». Или: «Веселые симпатичные девушки присоединятся к группе, идущей по Кавказу. Умеем готовить, рисовать, петь...»

От вокзалов отходили целые туристические «поезда здоровья», и в каждой области имелись турбазы, где опять-таки основным был тот товарищеский дух, который мы ощущали в пионерстве. И все это было настолько естественным, привычным, что мы, дурареи, не ценили, и только теперь поняли, что потеряли. Да, только теперь.

Можно вспомнить много прекрасного в нашей моло-

дости, но, пожалуй, самым прекрасным были романтические знакомства. Давно известно, красивых женщин в нашем Отечестве хоть пруд пруди — в чем в чем, а здесь мы всегда держали первенство в мире, и если ты молод, попробуй устоять от этого ежедневного парада! В наше время уже отбросили всякие условности — знакомились не только на выставках и в театрах, но и на улицах, в метро... От случайных встреч, мимолетных влюбленностей голова шла кругом, они остались в памяти как светлые, цветущие деньки — «лазоревые», как говорит художник Дмитрюк. Уже не вспомнить всех, в кого влюблялись по уши, остались только многообещающие взгляды, смутные улыбки, сбивчивые слова. В те годы весь воздух был пропитан флиртом, и мы неумоимо крутили романы. Знакомились легко, благо не было никаких расслоений в обществе, и еще ценились твои личные качества, а не то, что ты имеешь; одежда, деньги не имели существенного значения, и нашим подружкам было достаточно просто гулять по улицам, смотреть фильмы, пить кофе в какой-нибудь забегаловке. Это теперь девицам подавай ресторан, «Мерседес», теперь они отворачиваются от всяких безденежных, неудачников, а на литераторов смотрят, как на чокнутых. Так что в отношении романтических приключений нам невероятно повезло.

Понятно, мы не только гуляли по улицам, и пили не только кофе — случалось, кутили с подружками по два-три дня. Некоторые пуритане видели в нас отпетых «прожигателей жизни», но в сравнении с теперешней, в массе своей циничной и развращенной молодежью, мы выглядели всего лишь любителями приключений. Как ни крути, а все-таки есть грань между влюбленностью и распушенностью, любвеобилием и развратом. Есть, и немалая.

Теперь ведь молодежная массовая культура сводится к дискотекам с диким психозом, джину с тоником, наркоте и «видакам», где сплошной секс и насилие. Всякие шоу и клипы преподносятся как новое искусство, но подобная массовая культура никогда не станет искусством, ведь она рассчитана на низкопробный вкус и ее девизом являются слова: «товар—рынок». Дельцы на телевидении и в издательствах так и говорят: «Мы раскручиваем то, что нужно рынку, что можно продать и не быть внакладе».

Сейчас молодые люди обезьянничают — хотят стать западниками, и ради этого готовы поменять родной язык на английский (не понимают, балбесы, что ценность на-

ции и каждого в отдельности — в самобытности); они виляют хвостом, лакействуют перед иностранцами, начисто забыв, что такое гордость и честь (Америка им представляется раем, откуда льется золотой дождь в виде пепси, жвачки, рока, джинсов, «Кадиллаков»).

В своей среде молодые люди обходятся минимумом слов — чего перегружать голову! — «полный отстой, крутой прикид, прикольно, тухло, будь отвязанным, продвинутым!» — и это жаргон студентов, а рабочие парни и девчонки изъясняются только матом; у них мат — бравада, некое проявление свободы, они лепят его в каждой фразе, лепят, никого не стесняясь.

А мы в их возрасте стеснялись крепких ругательств. Теперь-то, в старости, ясно, не обходимся без грубого русского сленга, но, во-первых, переживите с наше, а во-вторых, попробуй не материться, когда на твоих глазах преступная власть разваливает и нагло разворовывает страну; в-третьих, литераторам надоедает борьба со словами за столом; для нас мат — емкое выражение нескольких понятий, да и вворачиваем его только к месту. Но, признаюсь, теперь, от повсеместного употребления, мат уже надоел (всякие Ю. Алешковские, Вик. Ерофеевы, Сорокины используют его даже как литературный прием, который, естественно, вызывает протест). Теперь, наоборот, тянет к чистому русскому языку, к языку наших великих классиков (не случайно же классика в переводе с греческого — «совершенство»).

Как известно, книги развивают способности (особенно воображение), а телевидение его убивает; «ящик» навязывает свое, не надо мыслить, получай готовые рецепты. Сейчас телевидение — самое большое зло в стране, мощное оружие оболванивания людей. С экранов телевизоров идет ежедневная, проплаченная сионистами, обработка населения — попросту неприкрытое издевательство над честностью, благородством, душевной чистотой. По «ящику» молодежи вдалбливают всякую чертовню: «Оттянись со вкусом! Бери от жизни все! Лучше жевать, чем говорить!». Вот они и жуют, садятся на иглу, без лишних слов заваливаются в койку; главное для них — «круто оторваться, расколбаситься, не стать кислотным». А мы — не то что устраивали праздник, но все-таки обыгрывали ситуацию, и не обходились без разговоров об искусстве. Не обходились, честное слово, не обходились.

В конце концов мы все переженились (одни раньше,

другие позже), заимели детей... Но, как известно, любовные отношения и супружество совершенно разные вещи. Для семьи, кроме более-менее одинакового уровня развития и общих взглядов на основные вещи, нужны покладистость, уступчивость, терпимость, а мы и не знали, что это такое. К тому же, буквально через год-два стало ясно, что мы женились не на лучших представительницах слабого пола. Мы ведь рассуждали как? Женщины без недостатков прекрасны, но с ними скучно. Вот и выбрали стервочек да истеричек. И начались нервытрепки, стычки, перешедшие в войну с оскорблениями. Да-да, в настоящую войну.

Короче, спустя несколько лет мы все, как один, вдрызг разругались с женами и развелись. Большинство моих друзей в одиночестве пробыли недолго и снова ринулись искать счастья в браке, дуралеи. Но трое, самых стойких и свободолобных, еще долгое время оставались неженатыми. Я тоже примыкал к этой золотой компании.

Показательно вот что — при разводе мы все оставили женам квартиры, сами же скитались по знакомым, пока не приобрели новое жилье. А что творится сейчас? Делят не только квартиры, но и вилки, ложки — чуть ли не распиливают диваны. Умора!

Наши семейные раздоры и последующие десять лет пришлось на период, который называют «застойным». Действительно, у власти стояли далеко не интеллектуалы, за них, обрюзгших квадратных уродов с протокольными рожами и канцелярским языком, мы постоянно испытывали стыд перед европейцами; чиновничество доходило до маразма, просто тошнило от стадного «единогласия» и всяких торжеств, орденов и премий, которые сыпались как звездопад. Немало людей еле сводили концы с концами, но все же — и это особенно важно — не было никаких беспризорников, бомжей и нищих, которые теперь заполонили улицы городов. Не было, хоть убейте, не было!

Насчет того, что в искусстве многих зажимали, надо признать — в основном зажимали откровенных антисоветчиков с их злобными «произведениями» и блатную романтику бардов, которые хрипели под Армстронга, ну и группу художников-неформалов, с их, в сущности, разрушительной живописью (теперь, во времена «свободы», ясно, какое искусство они хотели иметь), а большинство, если и чувствовали зажимы, то, как правило, в мелочах;

некоторые, вполне честные мастера, и вовсе их не чувствовали. Ну, не случайно же было создано столько выдающихся произведений?! (Где они сейчас? Где то, что лежало в столе? Ничего не появилось!).

Многие настоящие таланты (не дутые, не конъюнктурщики и не обязательно партийные) в те времена вообще жили припеваючи — выпускали все, что хотели, и получали по заслугам — всем известны роскошные дачные поселки художников, писателей, композиторов, актеров. Некоторые поэты (Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, Ахмадулина) выступали в самых престижных залах и на стадионах; вечера поэзии собирали толпы — люди протискивались сквозь кордоны милиции (эти трудности только подогревали толпу). Те же поэты катались и по заграницам (поговаривают, они сотрудничали с КГБ, на что есть некоторые основания), и тогда всячески свидетельствовали свою лояльность власти.

— Я не могу жить без коммунизма, — и такие вещи говорил Вознесенский (со слов художника Б. Жутовского).

А теперь он плюет на прошлое, а Окуджава с Ахмадулиной и прочие «демократы» пишут президенту «Раздавите гадину!» (имея в виду патриотов). По словам зам. прокурора Казанника «демократы» (Батурин и другие) обратились к нему с огромным списком коммунистов, которых следовало «расстрелять»!

И Евтушенко немало сделал реверансов власти, а теперь говорит:

— Это я разрушил социализм (со слов поэта Е. Рейна).

Разрушил-не разрушил, но руку приложил (известно, что именно литераторы расшатывали систему).

И Р. Казакова читала стихи на празднествах у Мавзолея, за что получала ордена, а теперь объявляет:

— Я жила в дерьмовом Союзе.

А уж о театральных деятелях членах партии и говорить нечего — кое-кто из них получил чуть ли не в собственность целые театры (Сац, Дурова, Ефремов, Гончаров, Любимов, Захаров).

Флейтист музыкального театра, мой приятель Алексей Виноградов, сам будучи евреем, с отвращением рассказывал, как их директриса Сац пробивала себе театр:

— ...Подняла на ноги всех евреев в Союзе композиторов: «Будете писать музыку к моим спектаклям, получать хорошие деньги» (такой «снабженческий талант», как говорил о подобной изворотливости актер Филатов).

Ну и, само собой, через райком партии получила. Так же, благодаря партии, заимели театры Захаров и Дурова (эта дамочка на премьере пьесы Мазнина обнимала и целовала партийных чиновников). Да и все остальные таким же макарон стали театральными вождями.

Как ни крути, а насильно в партию никого не загоняли, и эти деятели вступили в нее для карьеры; некоторые даже стали безбожниками и громче всех превозносили социализм. Они пресмыкались перед партийными чиновниками, но в кармане всегда держали камень. Теперь-то они перекрасились (некоторые оборотни снова нацепили кресты) и особенно рьяно поливают бывшую власть; некоторые (Захаров) перед телекамерами устраивают дешевую показуху — сжигают партбилеты. Можно предположить — если к власти придут фашисты, они будут носить свастику. Кажется, это называется «политической проституцией». Такие люди напоминают тех, кто объясняется в любви женщине, а переспав с ней, честят ее последними словами.

Конечно, в разной степени, но давление партии ощущали не только работники искусств (например, моего отца за тридцать лет работы на заводе так и не повысили в должности, потому что он не вступил в партию, а мне в райкоме отказали в поездке во Францию, несмотря на приглашение от художника Стацинского), но с другой стороны, каждый в том же райкоме мог найти поддержку (сейчас и пожаловаться некому, сейчас у людей чувство потерянности, ненужности; люди лишены возможности высказаться, защититься).

Кстати, на местном уровне парторги мало чем отличались от простых работяг; это только крупные чиновники, развращенные властью, погрязли в привилегиях, но в сравнении с тем, что имеют теперешние вожди, все эти привилегии кажутся пустяками, и рядом с дворцами новых властей дачи партийцев выглядят сараями; теперешние «слуги народа» живут в сотни (если не в тысячи) раз лучше самого народа.

Ко всему, при коммунистах был жесткий партконтроль, и начальники его побаивались. Теперь же власть полностью бесконтрольна. Ну и главное — кто бы из коммунистов ни стоял у власти, он все-таки думал о стране, теперешние власти думают только о своем кармане. Только о нем, и еще как!

Бесспорно, кое-что надо было перестраивать — никто

не хочет жить в унижительной системе запретов, стоять в очередях за элементарными вещами, прорываться на закрытые просмотры фильмов и так далее. Только перестраивать, а не крушить посредством преступного «Беловежского заговора» по рецептам заокеанских «спецов» — ломать-то не строить; каждому нормальному человеку ясно — реформы надо было проводить мягко, под контролем государства, с ужесточением ответственности за тайные сделки, взятки и прочие преступления. А самозванцы ельцинисты сразу разрушили плотину; кто-то выплыл, кто-то утонул, кто-то еще барахтается... Они руководствовались только одним — ненавистью к России, такой же осатанелой, какая была у Ленина с Троцким и их сионистской банды (чего стоит один только план «превратить мировую войну в гражданскую», натравить красных на белых, и заявление Ленина «Россия сгорит, ну и черт с ней»? А их разрушение храмов и уничтожение православия? А расстрел Троцким казачества целыми семьями, и женщин, и детей?! А подавление Тухачевским восстания тамбовских крестьян?! Не случайно Черчилль сказал: «Революцию в России делали подонки»).

И так же, как большевики, ельцинисты первым делом обогатились — открыли за рубежом личные счета, куда перекачали наворованные деньги, купили там виллы, яхты (между тем, мрачный тиран Сталин прежде всего думал о целостности и могуществе страны — это нельзя не признать. И как бы «демократы» ни обливали грязью сталинскую эпоху, потрясающие успехи того времени не зачеркнуть).

Собственно, говорить о «демократах» противно — достаточно посмотреть на них, и станет ясно, кто они есть — у них все написано на физиономиях; они пропитаны злобой к России, и понятно, в своем мстительном угаре не остановятся ни перед чем. Совершенно очевидно, «демократы» — «пятая колонна» в нашей стране, попросту внутренние враги, которых сами американцы называют «агентами демократических перемен» и снабжают их деньгами (по данным американского политолога Манфолла, только СПС получила пятьдесят восемь миллионов долларов).

И понятно, все «демократы» готовы в любой момент дунуть на запад; не зря многие имеют второе (израильское) гражданство (в том числе ельцинисты — члены правительства, их фамилии можно перечислять только с брез-

гливостью) и хвастливо заявляют, что «билеты уже в кармане» (Шохин), и своих отпрысков они давно отправили за границу (со смехотворными объяснениями Матвиенко и Явлинского) и, наверняка, их отпрыски не вернутся в Россию, ведь патриотами бывают только те, кто вместе со страной переживает все ее беды, а власть, дети которой живут за границей, не будет и заботиться об «этой» стране. Не будет, как пить дать, не будет.

Факт остается фактом, «демократы» долго и планомерно разрушали Россию, и теперь, когда они добились своего, когда победили, так и хочется их спросить — теперь вы, негодяи, довольны результатом своей деятельности? И вспоминается Достоевский — «Проблема России в том, что русские либералы — не русские».

При социализме было много нелепостей: спецмагазины «Березки», для поездки за границу требовались подписи «треугольника», не разрешалось издавать больше одной книги в год и печатать рукопись на машинке более восьми экземпляров, работать по совместительству, строить утепленные дачи, менять автомашину раньше пятилетнего срока, дважды в год выезжать за границу, встречаться с иностранцами, и был закон о «тунеядстве», по которому преследовали художников и писателей, не членов творческих Союзов (меня не раз таскали в милицию и выдавали «приписки» о выезде из Москвы), и масса других примеров идиотизма властей, но при всем при том была крепкая социальная защита, надежность, а «застойные» годы оказались самыми благополучными в истории нашего Отечества. Не было никаких потрясений и национальной вражды, люди бесплатно получали квартиры; и образование, и поликлиники, и больницы были бесплатными (сейчас, когда нас прищучили болезни, когда лекарства стоят баснословные суммы, мы в полной мере оценили прежнее здравоохранение).

Вообще немало делалось, чтобы народ вел здоровый образ жизни. Передачи по радио начинались с утренней гимнастики под музыку, в обед — производственная разминка; любой рабочий и служащий мог даром получить путевку в дом отдыха, а если заболел — в санаторий, и большинство этих здравниц были первоклассными, а те, что в курортной зоне, и вовсе напоминали апартаменты королей, это уж точно.

Я вспоминаю спартакиады народов СССР, всесоюзные соревнования подростков «Кожаный мяч» и «Золотая

шайба»; в каждом дворе была хоккейная коробка, волейбольная площадка. Мы были ведущей спортивной державой. Да что там! Не только спортивной, но и ведущей в искусстве, по военной мощи, по научным достижениям — взять хотя бы самые мощные в мире ракеты, самые большие атомные ледоколы и подводные лодки, самолеты «Руслан», суда на воздушной подушке...

У нас был самый огромный в мире торговый флот (сейчас его весь распродали за бесценок; некоторые корабли продавали как металлолом! Понятно, кое-кто на этом погрел руки). Мы имели самые большие в мире рыболовецкие флотилии, и магазины были завалены дешевой треской, хеком, минтаем (сейчас эти дары моря продают по заоблачным ценам).

У нас была хорошо отлаженная Госслужба охраны лесов (сейчас на Дальнем Востоке всякие частные фирмы, ради наживы, спиливают реликтовые кедры, а в центральных районах под дачи «новых русских» безнаказанно вырубают сосновые боры).

Наши самые мощные в мире гидростанции также принадлежали государству, и за электричество мы платили копейки (сейчас ведомство Чубайса подняло цены неимоверно и по своей прихоти отключает свет и тепло даже в больницах и детских садах). Подобных чудовищных примеров можно привести сотни. Собственно, уже многие (в том числе и западники) признают, что развал и разворывание нашей страны — величайшее преступление двадцатого века. Величайшее!

Я вновь вспоминаю... какими многолюдными были кинофестивали, когда на площадях и у кинотеатров возбужденные группы людей обменивались билетами и смотрели по два фильма сразу?! Повторюсь, вечера поэзии, спектакли и концерты собирали полные залы.

И мы были самой грамотной и читающей нацией — в транспорте все сидели с книгами (сейчас с эротическими журналами и бутылками пива, в лучшем случае — с детективами) — именно поэтому, несмотря на невысокий жизненный уровень, мы считались духовной, гуманитарной, культурной страной, а ведь культура не что иное, как душа народа, именно душа.

В те годы во дворах не было никаких дурацких «ракушек», не слышались хулиганские разрывы петард — соседи играли в шашки, домино, шахматы... Но главным — опять нажму на это — было отношение людей друг к дру-

гу: заходи в любой дом, тебя встретят по-дружески, угостят последним, а уж сигаретами и выпивкой делились с первым встречным. (Только в России приходят в гости без приглашений. Наша доброжелательность и щедрость всегда поражали иностранцев.)

Что и говорить, у нас была великая могучая страна! Нас побаивались, но и уважали. А теперь, когда «демократы» все развалили, разграбили и мы по всем показателям откатились на последние места, с нами никто не считается, о нас попросту вытирают ноги. Раньше мы все-таки догоняли Америку, самую богатую страну в мире, а теперь — Португалию (!), беднейшую из европейских стран. Такие дела.

Позволю себе еще побрюзжать. Будучи молодыми, мы на чем свет стоит ругали социализм, но теперь, чем дальше отдалается то время, тем отчетливей в нем высвечивается положительное. Теперь уже точно можно сказать — хорошего было гораздо больше, чем плохого. А сейчас отвратительно все. Ну, почти все.

Некоторые скажут: старикам всегда прошлое кажется лучше настоящего, ведь тогда они были молодыми. Так-то оно так, но от фактов не отмахнуться. Да, сейчас в магазинах тьма товаров, но большинству населения даже продукты не по карману. Да, построили роскошные многоэтажки, но кто может купить квартиру за десятки тысяч долларов? Да, за городом видны немыслимые богатства — целые поселки особняков и дворцов с башнями и каменными оградами, но в них — сплошь проворовавшиеся «новые русские». Да, на улицах полно «Мерседесов» и джипов, но из десяти таких «иномарок» в девяти сидят преступники. Да, можно ездить за границу куда хочешь, но кто ездит, кто отдыхает на Багамах и Канарах? «Жизнь превратилась в гигантскую дискотеку, где шаманит рыночная экономика», — сказал Айтматов.

«Демократы» кричат о правах человека, защищая воров и бандитов, но не говорят о правах их жертв (отменили смертную казнь даже для убийц десятков детей). Такой ложный преступный гуманизм. А свобода слова, о которой они молотят, — вранье: эта свобода однобокая, выборочная, для одних — тех, кто устроил переворот; газеты и радио оглушают народ ложью — стараясь перешеголять друг друга, всякие русофобы с садистским наслаждением глумятся, издеваются над народом (количество оскорблений уже и не сосчитать), разносят все предыдущие

годы и замалчивают выдающиеся достижения, как будто у страны и не было великого прошлого. Ну, не негодяи?!

Можно с полным правом сказать — «демократы» ведут против России настоящую психологическую войну. Уничтожены народные промыслы (Жестово, Федоскино, Палех, вологодские кружева), вместо них выпускают откровенно эротические подделки. В Третьяковке живопись советского периода заменяют на авангард, разрушили «Мультфильм», ликвидировали Птичий рынок, «Горбушку» — колоритные толкучки, где общались любители животных, музыки.

На телевидении закрыли литературно-художественные передачи, «Народное творчество», «Это вы можете», «Белая ворона», «А ну-ка, девушки!», не показывают «Казацкий хор», «Березку» и «Хор Пятницкого», но с утра до вечера запускают боевики — показывают, как можно ненавидеть друг друга и все способы убийств; всякие мерзкие шоу, где можно «легко выиграть миллион», получить денежный приз за вранье, развлечения — «Угадай букву», «За стеклом», и античеловечные игры «Алчность», «Последний герой», «Слабое звено», где учат предавать, совершать подлости; афишируют пошлую, циничную эстраду и тусовки «соломонова племени» — «Гавань», «Попугай», «Старая квартира», «Наш дом»; крутят порнографические ролики на фоне Эрмитажа (!), а как ориентиры — обжорство «новых русских» в ресторанах, их отдых на Канарах.

Делается все, чтобы молодежь забросила книги и спорт, забыла историю своей страны (в учебниках на деньги Сороса убирается все русское — умалчиваются подвиги Суворова, Ушакова; закрыли кафедры русской истории в Петербургском университете и русской музыки в консерватории), молодежь призывают заколачивать деньги и «развлекаться так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» (СТС). Ведущий программы «Моя семья» Комиссаров открыто выступает за порнографию и секс на телевидении. Раньше по телевидению призывали идти по жизни «с песней», теперь — «с пивом», раньше желали счастья, любви, теперь, с откровенным бесстыдством, — «побольше вам денег!». «Россия превратилась в помойку западной культуры», — сказал дирижер Темирканов. Что верно, то верно, это и последнему дураку ясно.

О чем говорить, если министр культуры Швыдкой вы-

стует в роли главного душителя всего русского в искусстве (изгнал выдающихся русских Светланова, Васильева, Головкину, и на сцене Большого театра ставит пошлого Сорокина! А для своего министерства купил за миллион рублей «Черный квадрат!»). Этот министр ведет одну из самых омерзительных передач, где сионисты всех мастей, измываясь над россиянами, смакуют темы: «Секс, как двигатель в культуре», «Мат, как норма в искусстве», «Пушкин устарел» — и вся эта пошлость на фоне расквашивающихся резиновых идолов, и где? В Доме Пушкина!

На передачу приглашают и русских (одного на десять «своих») и, как правило, устраивают им судилище. Ничтожества! Они победили Россию и теперь пинают и топчут ее, устраивают пляски на могилах своих жертв. Невыносимо все это видеть! Хорошо сказала актриса Андрейченко на одной из таких передач: «Все это психотропное оружие... Никогда еще зло так не торжествовало у человечества». А философ Зиновьев все это назвал «ублюдочной культурой». Точнее не скажешь.

Ясно, такая тошнотворная «культура», как ржавчина, разъедает души людей, и она не случайность, а четко спланированное разложение общества, ведь чтобы безнаказанно грабить народ, надо создать среду безнравственности и насилия. Ну, разве случайность — крошечное меньшинство населения одной национальности захватило все ключевые должности в правительстве, все банки, газеты, телевидение — такое впечатление, что страна находится под оккупацией или что мы живем в Израиле.

Сейчас телевидение постоянно внушает, что русские лентяи, дураки, пьяницы, воры, не умеют работать... Но кто создал могучее государство, кто построил заводы, проложил железные дороги, кто дал миру великое искусство?

Сейчас увидеть по телевизору русский пейзаж, услышать русскую песню — да что там! — просто увидеть хорошее русское лицо — словно глоток свежего воздуха. К слову, теперешнее засилье на экране нерусских, очернение и осмеивание всего русского помогло мне сильнее полюбить Россию. И надо основательно постараться, перейти все грани приличия, чтобы такие, как я, который никогда не разделял людей по национальности, пересмотрели свои взгляды. Оказалось, национальные особенности не только отличают людей друг от друга, но и часто несовместимы. Конечно, всегда были евреи, пропитав-

шиеся русской культурой (Левитан, Дунаевский, Утесов), и сейчас есть (Зельдин, Быстрицкая, Э. Тополь); наверняка они испытывают стыд за соплеменников у власти, но стоит этим правдолюбам подать голос, как раздаются окрики «своих» (Э. Тополь сказал: «В России есть фашизм, но не русский, а еврейской буржуазии» — соплеменники на него окрысились).

Среди моих приятелей есть несколько достойных интеллигентных евреев, которые презирают «демократов». Одному из них, доктору философии Вадиму Межуеву я недавно сказал:

— Знаешь, только сейчас, под старость, я понял — негодяев гораздо больше, чем я думал.

— Ха! — вскричал мой друг. — Я всегда тебе об этом говорил!

Именно Межуев назвал «демократов» у власти «проходимцами» и «подонками», и добавил, что самой большой ошибкой Горбачева была отмена «шестой» статьи конституции, после чего и началось разрушение страны.

Наши отцы и матери делили свою жизнь на до войны и после войны, мы делим на до «перестройки» и после нее. Нашему поколению повезло: мы стали не только свидетелями смены эпох, но и прожили и при социализме и при капитализме, были участниками и той и этой жизни, так что можем сравнивать системы и, признаюсь, в этом очерке мною движет не столько любовь к социализму, сколько ненависть к дикому бандитскому капитализму «демократов» (я не против богатых людей, но тех, кто добился богатства трудом и талантом, а не аферами и воровством).

Конечно, мы не думали, что доживем до краха социализма, и когда в конце восьмидесятых Горбачев затеял «перестройку», мы, пятидесятилетнее дурачье, ее осторожно, но все-таки приветствовали — еще бы! — каждый чувствовал причастность к историческому моменту. И первые шаги новых властей обнадеживали — действительно появилась свобода слова. В те дни многие из нашего поколения даже растерялись. Это и понятно, ведь если лошадь, всю жизнь проработавшую в шахте, вывести на свет, она ослепнет. И понятно, все надо получать вовремя — свободу мы получили запоздало.

И все же мы думали, что «перестройка» приведет к лучшему: отменят прописку, и каждый сможет жить где хочет; каждый получит достойную зарплату и, наконец, сможет побывать за границей, посмотреть мир; что, на-

конец, разрешат частное предпринимательство, но в разумных пределах (от мастерских и кафе до небольших магазинов), без собственности на гигантские заводы, железные дороги, нефтепроводы, энергосистему, телевидение, тем более на природные богатства: леса, луга, озера (об этом еще Л. Толстой писал Столыпину). И конечно, думали, что все преобразования пойдут под строгим контролем государства. Только так.

Ну и, само собой, мы надеялись, что отменят всякие привилегии, и на госслужбу придут умные и честные люди, а таких немало в нашем Отечестве, немало, это известно каждому.

Что касается искусства, мы были уверены — с «перестройкой» из небытия появится множество первоклассных произведений, а ничего нового не увидели (напрашивался вывод: стоящие вещи и создаются в тяжелых условиях — србатывает эффект сопротивляемости материала).

В дальнейшем те, кто подвывал власти, получили зеленую улицу, а патриотов оттеснили на обочину. Теперь уже совершенно очевидно, что за все годы «демократии» не создано ни одного по-настоящему ценного произведения. И вообще, я не знаю ни одного талантливого и честного русского человека, который поддержал бы «реформы», за «демократов» выступают одни подлецы.

Ну, а безмозглая молодежь в торопливое «перестроечное» время, при разнузданной свободе, естественно, ликовала, прямо захлебывалась вседозволенностью. Как поганки после дождя, множились безвкусные картинки и корявые стихи на Арбате — «улице свободы», кафе заполняли гитаристы, длинноволосые ребята играли три ноты и завывали кастратами. Нам-то, старомодным, привязанным к классике, к вещам, проверенным временем, было ясно, весь этот эпатаж — желание удивить от творческого бессилия, работа вхолостую, самообман, местами просто шарлатанство. У этих ребят был в моде андеграунд — некий синтез искусств. Точно бабочки, у которых нарушен генетический код, они дурачились, ломали традиции, открещивались от учителей. Мы посмеивались: пусть себе делают что хотят, запрещать ничего не надо, хватит всяких запретов, но вот вопрос — куда они идут с таким багажом ценностей?! Их работы в лучшем случае вызвали недоумение, в худшем — отвращение.

Справедливости ради надо отметить — среди уличных

художников и музыкантов попадались профессионалы, но таких были единицы. Повторюсь, мы против всяких запретов в искусстве, но в массовой культуре без фильтров не обойтись (Пушкин, как известно, выступал за строгую нравственную цензуру); все европейские страны имеют советы, наблюдающие за нравственностью, а у нас вседозволенность привела к невиданному разгулу «ублюдочности».

Ну а потом произошел переворот, и беловежские заговорщики скинули Горбачева. Власть захватили образованные, циничные и наглые негодяи, объявившие себя «демократами». Они выдвинули вперед бывшего секретаря обкома, властолюбивого алкоголика, и за его спиной начали разрушительные «реформы» (как известно, умное зло опасней глупого, и негодяи не могут иметь благородных целей).

Прежде всего, они объявили независимость России — от кого? От самой себя? Один из заговорщиков (Бурбулис) пояснил — от «советского тоталитарного государства», надо понимать, от своей истории. Затем «демократы» обвалили рубль (предварительно обменяв свои деньги на валюту) и провели «прихватизацию»; в одночасье группа мерзавцев, скупив за бесценок все акции, стала миллионерами, а все население — без гроша за душой. Произошло величайшее ограбление века! Такого в истории еще не было, не было!

Пиком преступной деятельности «демократов» стал расстрел парламента (на что западные демократии закрыли глаза!).

Ну, а дальше все пошло по накатанной. Ельцинисты не думали о стране, народе — они дрались за власть и делили собственность — то, что создавали многие поколения нашего народа; набивая карманы, они открыто кромсали и разворовывали страну, даже не прикрываясь словами о патриотизме — наоборот, всячески высказывая презрение к нашей стране («этой», как они говорят, повторяя Троцкого, или уж совсем подло — «страной происхождения», как выдала Т. Толстая, а себя считают «людьми мира» и «внутренними эмигрантами» — на самом деле являются внутренними врагами). Крестonosцы русофобии! Людоеды! — по-другому их не назовешь. В. Розов сказал: «Произошла контрреволюция. Свобода вылилась в жажду наживы. То, что произошло, нужно было вора́м, а для всего нашего народа — это большое несчастье».

В те черные дни «реформаторы» срывали знамена, рушили памятники, на месте детских садов и библиотек устраивали торговые точки, с привозным спиртом «Роял», «сникерсами»; на месте дешевых столовых и кафе открывали дорогие рестораны; закрывали уникальные научные лаборатории, на фермах забивали редчайшие породы животных (на месте ферм «новые русские» строили коттеджи). И со всех углов рьяно, с остервенением оплевывали прошлое (за это получали от американских сионистов немалые деньги).

Новая власть устраивала «банкротство» гигантских предприятий и раздавала их «своим»; посредством темных махинаций грабила и без того нищий народ, цинично заявляя, что в России должно остаться пятьдесят миллионов человек (!). И все к тому идет — наше население сокращается по миллиону в год — без войн, без эпидемий! Такого не знала история человечества (а при коммунистах был ежегодный прирост в два миллиона!). Недавно стало известно — за последние годы в России исчезло двадцать тысяч деревень! Ясно, сами по себе они не могли исчезнуть — они вписываются в четкий план развала страны. А. Солженицын сказал: «Ничего не осталось такого, что не было бы разгромлено или разворовано. Вот среди этих руин мы и живем».

Вакханалия зла длится уже более десяти лет (по словам поэта Т. Зульфикарова, «десять лет идет избиение России негодьями, засевшими в Кремле и вокруг него»). Слово «демократия» стало символом бандитизма, мафии, коррупции. Разумеется, «нашей» «демократии».

Сейчас «реформаторы» лихорадочно насаждают «демократию» американского типа, идеологию потребления, но самим западникам (в том числе лучшим писателям) давно ясно, что многие западные ценности уже терпят крах, что капитализм ведет к эгоизму, беспощадной конкуренции, жестким отношениям между людьми. Миллиардер Гейтс недавно предельно просто все объяснил: «Ты мой друг, но если сообщишь мне ценное, я это использую в своих интересах, в конкурентной борьбе с тобой». Сорос говорит еще циничнее: «Главное зарабатывать деньги, а честно или не честно, это не важно». Ну а наше будущее сформулировал бывший министр иностранных дел Козырев: «Нашей идеологией должно быть только одно — деньги!» Вот так вот! Сказал и точка.

Между тем идеология личного обогащения чужда боль-

шинству русских (как известно, православие выступает за преобладание общественного над личным). Истинно русский отзывчив, у него вселенское сердоболие, ему мало самому хорошо жить — надо, чтобы и соседям, и всем в стране жилось хорошо. И вообще у нас, в России, деньги никогда не были главным. Для большинства русских, истинных патриотов.

А что сейчас творится в России? Горстка негодяев владеет всеми богатствами страны. Клан нерусских олигархов сколотил миллиардное состояние, прибрал к своим рукам нефть, лесные хозяйства, порты, авиакомпании, электросистему; «денежные мешки» строят себе дворцы, скупают на зарубежных курортах виллы, самолеты, яхты (в то время, как миллионы россиян нищенствуют!). И вспоминается Суворов, который продал свое имение, чтобы построить форпост России в Приднестровье!

Сейчас журналисты, обслуживающие власть (естественно, почти все нерусские) и всякие топ-модели, вливающие бедрами, получают тысячи долларов, а ученые и офицеры подрабатывают — на рынках продают сигареты и носки! «Новые русские», не зная счета деньгам, закатывают царские ужины с увеселениями — зарубежными певцами и спортсменками из синхронного плавания (те изображают русалок в аквариумах), тратят тысячи долларов на сафари в Африке, где убивают носорогов и потом хвастаются трофеями — и в это время шахтерам, учителям, врачам по полгода не выдают зарплату! Возможно ли такое в нормальной стране?! И было ли когда-нибудь такое в России?!

Ну, а при планах «сократить население», понятно — мы, пенсионеры, для «реформаторов» сплошная обуза; они сделают все, чтоб мы скорее подошли, не дадут спокойно и достойно уйти из жизни. Не случайно старики завалили газеты письмами: «Верните нам Советский Союз!»; их можно понять — согласиться с теперешним подлым режимом значит перечеркнуть свою жизнь и махнуть рукой на будущее детей и внуков. Сейчас до многих дошло — чтобы бороться со злом, русским надо объединяться, но этого-то «демократы» и боятся больше всего; стоит только произнести «русская национальная идея», как они кричат:

— Красно-коричневые! Фашизм!

Слетается вся их камарилья и организовывается травля в печати и на телевидении. Понятно, никакого объедине-

ния они (и их западные покровители) не допустят (кто попытался, уже сидит за решеткой).

Трагедию современной России блестяще описал итальянский журналист Дж. Кьезе в книге «Прощай, Россия!». В конце книги он предсказывает — кто бы ни пришел к власти после Ельцина, всех «реформаторов» будут судить. Хотелось бы в это верить, ведь, как говорил Бернард Шоу: «Самое большое преступление — безнаказанность».

По теперешним меркам, когда мы превратились в страну невероятной социальной несправедливости, разделенной пропастью на чудовищно богатых и безнадежно нищих, когда появились сотни тысяч беженцев, а миллионы наших соотечественников оказались в «ближнем зарубежье» и даже не могут выбраться в Россию, мы (мои друзья и я) живем не так уж и плохо; во всяком случае, имеем крышу над головой и пенсию, правда мизерную, чтобы только не протянуть ноги, и в этом очерке я пекусь не о себе и своих друзьях — покоя не дает боль за наших обворованных, униженных россиян (иногда эта боль переходит в отчаяние, иногда в ярость — и в том и другом случае сжигает остатки здоровья).

Конечно, каждое правительство делает то, что ему позволяет народ, и адское терпение россиян не вызывает восхищения; это терпение уже похоже на рабство. Народ молчит, словно парализованный, — понятно, ведь столько лет его мордуют, а силы человека не беспредельны. Люди устали ото всего. Старики еще подают голос, но где молодежь, где?!

Да, бесспорно, в массе своей русский народ, как никакой другой, простодушен, доверчив, незлопамятен («Наш добрый народ», — говорил Пушкин), он умеет терпеть и прощать, но всему есть предел, и не постоять за себя, когда проводится антиславянский расизм, когда над вами открыто издеваются, плюют вам в лицо — по телевидению называют «неполноценным», «быдлом» (Кох, Хакамада), «свиньями», «оккупантами» (Политковская — военных, в День вооруженных сил!), «отребьем» (Новодворская), «всероссийской поганью» (А. Герман), устраивают выставки с надругательством над нашими символами, с осквернением икон (М. Гельман) — терпеть все это значит уподобиться стаду, которое ведут на убой. Невольно встает вопрос — что с вами еще надо сделать, чтобы вы взбунтовались? Хочется верить, что среди нового поколения все же найдутся патриоты, в которых еще жив дух

наших великих предков, которые заставят считаться с собой, дадут отпор распоясавшейся русофобской своре, мощный отпор.

Нельзя не признать, сейчас процветают не только преступники и торгаши (хотя в основном именно они), но и некоторые приспособленцы и горстка честных специалистов, которые устроились в иностранные фирмы. Эти «новые русские» строят коттеджи, покупают джипы, но нам, «старым русским», ничего этого не надо — в гроб не возьмешь, а наследникам такие подарки вредны — пусть всего добиваются сами. Короче, мы безразличны к дорогим престижным вещам. Главной ценностью для нас по-прежнему является работа (к сожалению, в стол — ведь сейчас ни проза, ни поэзия издателям не нужны), ну и, само собой, встречи с друзьями, тем более что их осталось немного, совсем немного.

Известное дело, в шестьдесят лет нельзя иметь столько же друзей, сколько их имеешь в двадцать; многих отсеивает время, кое-кто отошел от нас после тяжелых поражений или сногшибательного успеха — понятно, и то и другое резко меняет людей. Ну и, как ни горько, уже немало тех, кто отправился на небеса. Все знают, сейчас в России средняя продолжительность жизни мужчин пятьдесят восемь лет. Нас, шестидесятилетних, можно считать долгожителями — мы перевалили этот рубеж (чем сами немало озадачены), и конечно, теперь каждый день как подарок. Вот только подарок грустноватый, ведь мы остро переживаем свою не востребованность, ненужность. Обидно, мы выпали из литературы, и никто этого не заметил — получается, все делали зря. Так получается, как это ни горько.

Но больше всего тревожит боль за Отечество (повторяю еще раз, ведь засыпаю и просыпаюсь с этой болью). Ну а когда эта боль становится нестерпимой и уже нет сил смотреть на то, что творится вокруг, вспоминаешь великие произведения искусства или выезжаешь на природу, или обзваниваешь друзей и договариваешься о встрече — за выпивкой мы всегда подбадриваем друг друга: «Держись, старина!»

В конце концов, что такое мужчина шестидесяти лет? Это далеко не глубокая старость, не библейский возраст, скорее глубокая зрелость, а для творчества самый расцвет (ведь мозги-то на месте и в душе несметные залежи сюжетов), и, наконец, появилась мудрость, во всяком слу-

чае, не полыхаешь по пустякам, и болезни еще окончательно не скрутили...

Вообще в возрасте есть огромное преимущество — уже имеешь четкие убеждения и называешь вещи своими именами — то есть никого из себя не изображаешь и говоришь то, что думаешь. Уже становишься терпимей, ставишь себя на место других людей (и даже животных), умеешь чувствовать за них, понимаешь их обиды и боли — другими словами, внимательней всматриваешься в то, на что раньше лишь мимоходом бросал взгляд. Уже спокойно относишься к удачам и накапливаешь достаточно стойкости, чтобы переживать неудачи. Уже судьба страны намного важнее собственной судьбы и, главное, понимаешь — все, что ты сделал, по большому счету, — чепуха, что рядом с классиками ты — ничто. Короче, уверен, сейчас мы намного лучше, чем были в молодости, намного.

К сожалению, сейчас тем, кто не меняется от обстоятельств и не подстроился под новые требования, приходится туговато. Сейчас в искусстве, чтобы продолжать делать свое, надо иметь немалое мужество, ведь, повторяюсь, работа идет в стол. Тем не менее никто не увидит нас хныкающими, сломленными, опустившимися, наше поколение крепкого сплава, у нас немалый запас прочности и напоследок мы приберегли силенки — короче, мы еще в порядке, и пусть жить осталось немного, но мы еще сделаем несколько шагов вперед, сделаем.

Ну, а многолетней дружбой мы, бесспорно, можем похвастаться. Наше братство проверено временем; за прошедшие годы судьба частенько отдаляла нас, но мы не теряли друг друга из вида и оставались верны нашему клану.

«Демократы» порезвились на славу, все изменилось, мир уже не тот, но мы, старая гвардия, не сдаемся. Некоторые молодые люди называют нас «последними пиратами», «воинствующими мужиками», бывает, посмеиваются над тем, что мы сделали. Понятно, ведь они шагают в будущее, а мы остались в прошлом (для них — где-то во времена Александра Македонского). Мы не обижаемся. Чего обижаться? Естественно, каждое уходящее поколение забирает с собой свое пространство: свою литературу, музыку, живопись, фильмы, увлечения — новому поколению это уже не нужно, для него все это устарело, выглядит примитивным. Но, честно говоря, молодежная когорта нас не очень-то интересуется. Все их трепыхания смеш-

ны. У них еще не устоявшиеся взгляды, привязанности. Пройдет время, и им будет стыдно за многие свои слова и поступки. Потому и не стоит молодежь воспринимать всерьез и нельзя ей (с ее бунтарским экстремизмом) доверять ответственные должности (могут наломать дров), тем более учитывать ее мнение в управлении государством. Я вообще запретил бы участвовать в выборах людям до тридцати лет, запретил бы, говорю вполне серьезно. А после тридцати всем не мешало бы проходить тесты на политическую грамотность — тогда не будет стадных выборов и подонков кандидатов, не будет, уверен.

Теперь молодежь относится к старикам без всякого почтения. Год назад пришел к стоматологу; молодая врачиха небрежно осмотрела мой зуб, поморщилась:

— У пожилых людей трудно лечить зубы. Надо удалять.

Я спрашиваю:

— Может быть, все же подлечить, запломбировать?

— Зачем? Вам по телевидению выступать, что ли?!

Недавно поздно вечером у меня скакнуло давление до 220. Вызвал «скорую». Приехал врач, молодой парень, сделал мне укол магнезии и тут же уехал. А я стал задыхаться — чувствую, вот-вот совсем окочурюсь. Позвонил 03 еще раз. Приехала молодая врачиха и отчитала меня:

— Вам сделали укол, больше ничем помочь не могу! Зачем вы ночью по два раза гоняете врачей?! У меня тоже давление!

Ну да бог с ней, с молодежью! Нам друг с другом интересней в сто раз, наши бурные застолья и душевные беседы многого стоят. Только иногда после них бывает одиноко — ближе к ночи, когда расстанешься с друзьями и бредешь по улицам — вроде в сторону дома, а, в общем, наугад — куда кривая выведет. Заметишь какого-нибудь полуночника, подойдешь потрепаться — хмыкнет, нагрубит, небось подумает — пристаёт «разноцветненький». Зайдешь в телефонную будку, наберешь номер какой-нибудь знакомой — отчитает за поздний звонок, и сразу придешь в себя, точно побывал в вытрезвителе, честное слово.

В метро, по привычке (на минуту забудешь, что ты самый старый в вагоне) заведешь разговор с симпатичной попутчицей (а теперь они все кажутся симпатичными), а она скривит губы, усмехнется:

— Дяденька (ладно, не «дедуся»), не осложняйте мою жизнь, не вешайте на меня свои проблемы, у меня своих хватает.

Мои друзья — отборные старики, стойкие консерваторы, с четкими духовными измерениями (как известно, каждый нормальный мужчина в молодости радикал, а к старости становится консерватором); в их морщинах и лысинах, бородавках и складках есть свое величие и красота; в их спокойных, усталых глазах видна мудрость; они — моя надежная опора. Бывает, кто-либо из них долго не звонит, наберешь его номер, а там тишина. «И куда он, старый черт, делся? — думаешь. — Если уехал, мог бы и позвонить перед отъездом. А может, слег? Или того хуже...» Весь изведешься.

Ну, и естественно, — на фоне откровенного воровства и разнузданного хамства «новых русских» особенно смотрятся мои друзья, старые русские, в которых еще живучи такие понятия, как честь, достоинство, порядочность (у некоторых в небольших количествах, но все же живучи), ну то есть мы сохранили чистоту наших рядов, сохранили, несмотря ни на что.

И, как это ни смешно, — мы романтики. Да-да, последние романтики, поскольку за нами идет сплошь практическое поколение, которое умеет все выверять, прикидывать.

И еще смешнее — вот старичье! — иногда нам кажется, что лучшее еще впереди, хотя все как раз наоборот. Но я думаю, это-то и неплохо — значит, мы еще не совсем старые, ведь по-настоящему старыми можно считать только тех, у кого уже нет мечты.

Редакция «Молодой гвардии» приносит извинение нашим читателям за долгий перерыв в публикации романа-хроники «Черные тюльпаны» перестройки», вызванный непредвиденно затянувшейся болезнью нашего автора Николая Кузьмина. Надеемся на его выздоровление и на завершение им в этом году полюбившегося многими произведения.